

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ГИБЕЛИ ОПЕРКОМИССАРА БОРИСОВА.

Как уже говорилось выше, через несколько часов после получения сообщения об убийстве Кирова, в Ленинград выехала правительственная комиссия во главе со Сталиным. Прибыв в Ленинград утром 2 декабря 1934 года, Комиссия немедленно приступила к выяснению обстоятельств убийства Кирова. В числе других лиц Комиссией был вызван для дачи объяснений и оперативный комиссар Борисов, охранявший С.М.Кирова в Смольном. На пути в Смольный машина, в которой его везли, потерпела аварию. Борисов получил тяжелую травму головы и, не приходя в сознание, через несколько минут скончался. Сопровождавшие Борисова сотрудники Оперативного отдела (Оперода) УНКВД по Ленинградской области Малий и Виноградов, а также управлявший автомашиной шофер Кузин не пострадали. В связи с этой аварией Малий, Виноградов и Кузин сразу же были арестованы. Через несколько дней арестовали и начальника отделения Оперода Хвиюзова. По делу об аварии автомашины проводилось расследование, после которого, в январе 1935 года Хвиюзова, Малия, Виноградова и Кузина из-под стражи освободили. В заключении по материалам расследования указано, что "причиной смерти Борисова является несчастный случай при аварии автомобиля". Хвиюзова, Малия и Виноградова обвиняли "в халатности, выразившейся в нечетком исполнении оперативного приказа", а шофера Кузина - "в халатности, выразившейся в том, что выехал 2 декабря 1934г. на неисправной машине, не

осмотрев ее предварительно". За эти нарушения шофера Кузина уволили из органов, Хвиюзова перевели из Ленинграда в УНКВД по Оренбургской области на должность начальника АХО, Малий и Виноградов были оставлены на работе в Опероде УНКВД по Ленинградской области. (Арх. уголовное дело № 213635, том 3, л.д. 51-52).

Во время массовых репрессий, в середине 1937 года, Хвиюзов, Малий, Виноградов и Кузин были вновь арестованы. Аресту подвергся также бывший секретарь Оперода Максимов. Всех их обвиняли в принадлежности к контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации и в преднамеренном убийстве Борисова по заданию этой организации. Малий, Виноградов и Максимов 2 сентября 1937 года осуждены Военной Коллегией Верховного суда СССР к расстрелу, а Хвиюзов расстрелян во внесудебном порядке 20 сентября того же года. Кузин из-под стражи освобожден. В постановлении об освобождении Кузина из-под стражи, утвержденном 11 августа 1937г. заместителем начальника УНКВД по Ленинградской области Шапиро, говорится, что "в процессе следствия выдвинутые против него обвинения не подтвердились. Установлено, что в план убийства оперкомиссара Борисова Кузин посвящен не был, к совершенной аварии автомашины он никакого отношения не имел". (Арх.уголовные дела №№ 260512 и 612405, архивное наблюдательное производство УАО КГБ при СМ СССР № 167599).

Соучастие в убийстве Борисова, наряду с другими обвинениями вменено в вину расстрелянным в августе 1937 года во внесудебном порядке бывшему заместителю начальника УНКВД

по Ленинградской области Запорожцу, бывшему начальнику Оперода того же управления Губину и приговоренному Военным Трибуналом в ноябре 1937 года к расстрелу бывшему сотруднику Оперода Гусеву.

В марте 1938 года состоялся открытый судебный процесс по делу "Объединенного правотроцкистского блока". В материалах этого дела говорится, что "сотрудник Ленинградского управления НКВД Борисов был причастен к убийству Кирова" и, желая избавиться от Борисова, как "от опасного свидетеля", заговорщики устроили так, что "машина, которая везла Борисова в Смольный, потерпела аварию", во время которой он был убит. ("Судебный отчет по делу антисоветского правотроцкистского блока", Юриздат, 1938г., стр. 245).

В 1956 году имевшиеся данные об обстоятельствах гибели Борисова были поставлены под сомнение на XX съезде КПСС. В докладе "О культе личности и его последствиях" на закрытом заседании съезда, в той его части, где говорилось об убийстве Кирова, сказано: "Крайне подозрительным является то обстоятельство, что когда прикрепленного к Кирову чекиста 2 декабря 1934 года везли на допрос, он оказался убитым при "аварии" автомашины, причем, никто из сопровождавших его лиц при этом не пострадал".

После XX съезда КПСС, в марте 1956 года, бывший секретарь Ленинградского обкома КПСС Козлов Ф.Р. представил в ЦК КПСС объяснения бывшего шофера Кузина, бывшего сотрудника УНКВД по Ленинградской области Якушева, который в 1937 году участвовал в следствии по делам на Малия и Виноградова, бывших

сотрудников Ленинградского уголовного розыска Громова и Казанского со своим письмом. В письме со ссылкой на объяснения Кузина и Якушева Козлов писал, что "Борисов был убит Виноградовым и Малием".

Вопрос об обстоятельствах гибели Борисова, в том числе и материалы, представленные Козловым Ф.Р., рассматривался на заседаниях Комиссии, созданной по решению Президиума ЦК КПСС от 13 апреля 1956 года "Об изучении материалов открытых судебных процессов по делу Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Тухачевского и других". Комиссия пришла к выводу, что в связи с давностью событий и отсутствием основных свидетелей, невозможно установить, был ли Борисов убит или погиб в результате аварии, поэтому целесообразно "дальнейшую проверку этих вопросов закончить". Это мнение Комиссии было изложено в записке, направленной 25 апреля 1957 года в ЦК КПСС.

Вопрос об обстоятельствах смерти оперкомиссара Борисова вновь был поднят в записке работников КПК, направленной в ЦК КПСС 30 января 1961 года.

В записке указывается, что в результате проверки обстоятельств гибели Борисова на месте, опроса свидетелей, тщательного изучения архивных документов и данных судебно-медицинской и технической экспертиз, проведенных в 1960 году, установлено, что "никакой аварии грузовая машина не потерпела, что к стене она была направлена сознательно..., что смерть Борисова не произошла от несчастного случая. Комиссар Борисов был преднамеренно убит". (Справка, стр. 23-29).

Как уже говорилось в вводной части настоящей записки, в

1961 году Президиумом ЦК КПСС была создана под председательством т. Шверника специальная комиссия по изучению и проверке материалов открытых судебных процессов. На заседании этой комиссии 13 июня 1961 года состоялся обмен мнениями по ряду вопросов, затронутых^Вупомянутой выше записке работников КПК. Некоторые члены Комиссии высказались в том смысле, что приведенные в записке данные не дают оснований для категорических выводов о преднамеренном убийстве Борисова и нуждаются в глубокой и тщательной проверке.

После XXII съезда КПСС, на котором Хрущев в заключительном слове по отчетному докладу Центрального Комитета, широко оперируя объяснениями шофера Кузина, снова высказал версию об умышленном убийстве Борисова сопровождавшими его сотрудниками НКВД, в адрес ЦК КПСС, Совета Министров СССР, Комитета госбезопасности и другие партийные и советские органы поступило много заявлений. В них сообщались самые различные сведения и предположения по обстоятельствам гибели Борисова.

Ж

Ж

Х

Таким образом, из изложенного выше видно, что с момента трагических событий в Ленинграде и до последнего времени обстоятельства смерти Борисова привлекали к себе повышенное внимание, как один из очень важных эпизодов в цепи событий, непосредственно связанных с террористическим актом над Кировым.

Подозрение об убийстве Борисова сопровождавшими его сотрудниками Оперода УНКВД по Ленинградской области возникло сразу же после его смерти. Впоследствии к этой версии органы НКВД возвратились в 1937-1938 гг. Позднее, при проверках обстоятельств гибели Борисова, она нашла широкое отражение в многочисленных заявлениях, письмах и объяснениях.

Как видно из материалов, относящихся к версии об умышленном убийстве Борисова, возникновению и распространению этой версии способствовали некоторые особенности автомобильной аварии, при которой погиб Борисов, и та специфическая обстановка, которая сложилась вокруг Борисова в связи с убийством Кирова.

Известно, что оперкомиссар Борисов в течение нескольких лет находился в личной охране Кирова и, естественно, по долгу службы, был осведомлен об организации и состоянии охраны Кирова. Перед убийством Кирова он встретил его в подъезде Смольного и сопровождал на третий этаж, но в момент совершения Николаевым террористического акта над Кировым, его - Борисова, около Кирова не оказалось.

Совершенно очевидно, что сам факт убийства Кирова свидетельствовал о неблагополучии в постановке его охраны. Вина за это ложилась, прежде всего, на лиц, ответственных за организацию и осуществление охраны. Свидетельство Борисова, как лица, непосредственного осуществлявшего охрану Кирова в Смольном, могло иметь серьезное значение для выявления недостатков в организации охраны и определения

степени виновности в этом руководящих работников УНКВД по Ленинградской области и НКВД СССР.

Борисов погиб в момент, когда его везли в Смольный для дачи объяснений правительственной комиссии, возглавлявшейся Сталиным. При наличии большого парка легковых автомашин в УНКВД по Ленинградской области Борисова доставляли в Смольный в открытом кузове грузового автомобиля. Авария, во время которой погиб Борисов, произошла при не совсем обычных обстоятельствах: в дневное время, на улице, при отсутствии каких-либо внешних препятствий, автомашина заехала на тротуар, вскользь ударилась о стену здания, прошла некоторое расстояние вдоль этой стены, а затем вновь съехала на проезжую часть улицы и остановилась. После остановки машины Борисов оказался лежащим в кузове с тяжелой травмой головы и через несколько минут скончался. Шофер машины и сопровождавшие Борисова сотрудники НКВД при аварии не пострадали. Автомашина не получила сколько-нибудь серьезных повреждений и с места происшествия доставлена в гараж своим ходом.

Ниже дается изложение собранных в разное время материалов, касающихся смерти оперативного комиссара Борисова.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ГИБЕЛИ БОРИСОВА ПО МАТЕРИАЛАМ 1934 года.

Авария автомашины, во время которой погиб оперкомиссар Борисов, произошла в первой половине дня 2 декабря 1934 года. В тот же день по этому делу началось расследование причин аварии и обстоятельств смерти Борисова. Расследование велось руководящими работниками Центрального аппарата НКВД СССР Агра-

новым, Мироновым, Люшковым и другими. По делу были допрошены шофер автомашины, сопровождавшие Борисова сотрудники Оперода и другие свидетели, проведены автотехническая экспертиза и судебно-медицинское вскрытие трупа, произведен осмотр машины и места происшествия. В допросах важных свидетелей и осмотре места происшествия вместе с сотрудниками НКВД и экспертами принимали непосредственное участие Ежов и Косарев, находившиеся в то время в Ленинграде по указанию Сталина для осуществления контроля за расследованием дела о террористическом акте над Кировым.

Подлинных материалов расследования причин автоаварии и смерти Борисова, кроме акта вскрытия трупа Борисова, в архивах не обнаружено. Принятые меры розыска результатов не дали. К архивным уголовным делам об убийстве Кирова и на осужденных в январе 1935 года сотрудников УНКВД по Ленинградской области приобщены в копиях протоколы допросов ряда свидетелей, заключения экспертиз и другие документы, относящиеся к материалам расследования обстоятельств смерти Борисова. Исчерпывались ли материалы расследования только этими документами, или в них были и другие документы — неизвестно, и никаких данных об этом не имеется.

В упомянутых выше документах и некоторых других материалах того времени имеются следующие данные, относящиеся к обстоятельствам вызова Борисова в Смольный, к аварии автомашины и гибели Борисова.

а) Местонахождение оперкомиссара Борисова
после убийства Кирова.

Как можно судить по имеющимся материалам, данный вопрос с достаточной полнотой в свое время не исследовался и в различных делах содержатся только отрывочные сведения об этом. Неясно даже, был ли Борисов после убийства Кирова арестован или он находился под наблюдением сотрудников УНКВД.

Бывший начальник УНКВД по Ленинградской области Медведь, в своих собственноручных объяснениях от 9 декабря 1934 года по делу на сотрудников того же управления, указал, что, прибыв в Смольный после убийства Кирова, он разговаривал с Борисовым о случившемся, спрашивал его, как случилось, что он не уберег Кирова, но Борисов отвечал невразумительно, "размяк" и он, Медведь, "поручил Губину, начальнику Оперода, доставить Борисова в Оперод, обезоружить и держать его под наблюдением сотрудников". Было ли выполнено это распоряжение, из объяснений Медведя не видно. (Арх.уголовное дело № 213635, том I, л.д.708).

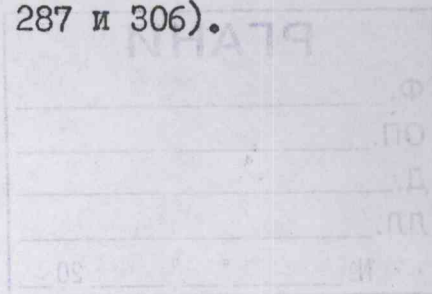
Проводивший по указанию Медведя первоначальные следственные действия по делу об убийстве Кирова бывший начальник ЭКО УНКВД по Ленинградской области Молочников в своем объяснении от 9 декабря 1934 года написал, что он вскоре после убийства Кирова допрашивал оперкомиссара Борисова, который очень волновался и Молочников "никак не мог добиться от него толкового ответа". Когда выяснилось, что в момент убийства Кирова револьвер Борисова находился в кобуре под пиджаком и не был заряжен, он, Молочников,

"резко на него напал, и Борисов чрезмерно разволновался. В связи с этим, - писал Молочников, - я обратился к т. Губину со словами: "Надо за стариком посматривать, у него оружие". Через 2-3 минуты мне сообщили, что его обезоружили".

(Архив Общего отдела ЦК КПСС, архив Ежова, дело № 68 "О работниках УНКВД Ленинградской области в связи с убийством С.М. Кирова. Декабрь 1934 года").

На допросе 7 декабря 1934 года бывший оперуполномоченный Оперода УНКВД по Ленинградской области Малий показал, что вскоре после убийства Кирова он вместе с начальником отдела выезжал в Смольный, видел там плачущего Борисова и разговаривал с ним. Борисов, по показаниям Малия, нервничал и говорил, что лучше убили бы его. Как показал далее Малий, когда он в 9 часов вечера уходил из Смольного, то "начальник отделения Котомин отпустил Борисова домой с тем, чтобы тот потом пришел в отдел". (Дело № ОС-100807, том 24, л.д. 272).

Воспользовался ли Борисов разрешением Котомина и ходил ли он к себе на квартиру, из имеющихся материалов 1934 года не видно. Вместе с тем в показаниях Малия, Виноградова и сотрудника Оперода Козлова - допрошенных в 1934 году, указывается, что утром 2 декабря 1934 года Борисов находился в помещении Оперода УНКВД (кабинет Котомина), откуда вместе с Малием и Виноградовым выехал в Смольный. (Дело № ОС-100807, том 24, л.д. 273, 287 и 306).

б) Вызов Борисова в Смольный.

В заключении по делу о смерти оперкомиссара Борисова, составленном в январе 1935 года (кем составлено заключение, не указывается, подписей нет) говорится, что в 10 часов утра 2 декабря 1934 года Медведь, находившийся в то время в Смольном, получил от Ягоды приказание о немедленной доставке в Смольный оперкомиссара Борисова. Это приказание было передано Медведем по телефону своему оперативному секретарю Завилову, а последним, также по телефону, для непосредственного исполнения - ответственному дежурному по Опероду - бывшему начальнику 3 отделения Оперода Хвилюзову. (Арх. уголовное дело № 213635, т. 3, л.д. 31 и 45).

Медведь в упоминавшихся ранее собственноручных объяснениях от 9 декабря 1934 года по этому вопросу писал:

"2 декабря в Смольном, в кабинете т.Чудова, я получил распоряжение срочно доставить Борисова в Смольный. В присутствии т.Ягода я начал звонить в Оперод, деж.коменданту, но эти телефоны были заняты. Я тогда позвонил в мой кабинет. К телефону подошел мой опер. секрет.Завилов, которому я поручил распорядиться доставить срочно Борисова в сопровождении сотрудников в кабинет секретаря Чудова. Через несколько минут я и Паукер, нач. Оперода НКВД СССР, получили задание доставить Николаева, и мы поехали выполнять задание".

(Там же, том I, л.д.8).

В рапорте на имя зам.Наркома внутренних дел Агранова от 4 декабря 1934 года Завилов указал, что, получив от Медведя по телефону приказание "о немедленной доставке с сопровождением оперкома Борисова в Смольный в кабинет т.Филиппова (секретарь

т.Чудова)", он стал разыскивать Борисова. Вначале позвонил зам.начальника Особого отдела Янишевскому, но там Борисова не оказалось. Потом позвонил в Оперод начальнику 3-го отделения Хвиюзову и, узнав, что Борисов находится в Опероде, "передал Хвиюзову, чтобы Борисова в сопровождении двух сотрудников немедленно направили в Смольный". (Арх. уголовное дело № 213635, том 3, л.д. 20 и дело № ОС-100807, том 24, л.д. 270).

На допросах 4 и 14 декабря 1934 года Хвиюзов подтвердил, что распоряжение о направлении Борисова в Смольный он получил "2-го декабря примерно часов в 11 утра" по телефону через оперативного секретаря начальника Управления Завиловича, причем Завилович предупредил, что "Борисов должен быть направлен, во-первых, срочно и, во-вторых, в сопровождении двух сотрудников Оперода". (Там же, том 3, л.д. 26 и 65, том 24, л.д. 267 и 301).

в) Направление Борисова в Смольный.

Хотя при передаче указания о доставке Борисова в Смольный говорилось лишь о срочности его исполнения и о направлении Борисова в сопровождении сотрудников, лица, которым было передано это указание, не могли не понимать важности и ответственности поручения. Сотрудникам УНКВД по Ленинградской области, тем более, сотрудникам Оперода, было хорошо известно, что в Ленинград в связи с убийством Кирова прибыла правительственная комиссия во главе со Сталиным и что эта

комиссия находится в Смольном. Все это создало обстановку большой спешки в организации отправки Борисова.

Как показал Хвиюзов, выполнение указания о доставке Борисова в Смольный он поручил оперуполномоченному Оперода Малию, так как "считал, что для выполнения подобного поручения по своей квалификации вполне подходит Малий". Кроме того, ему было известно, что "кроме Малия нет более подходящих работников в отделении, т.к. ^{большинство сотрудников} было в разгоне". Хвиюзов показал далее, что он сказал Малию, чтобы тот взял в помощь себе уполномоченного Виноградова и объяснил на допросе такое решение тем, что Виноградов, как и Малий, являлся сотрудником подчиненного ему отделения.

Малий на допросах 2, 7 и 14 декабря 1934г. подтвердил получение от Хвиюзова приказания о срочной доставке Борисова в Смольный в кабинет Чудова. Малий показал, что в то утро он зашел в кабинет начальника Оперода Губина, где в то время сидел замещавший Губина Хвиюзов, с тем, чтобы "передать ему отпечатанную рабочую сводку". Хвиюзов, увидев его, Малия, приказал ему срочно отвезти Борисова в Смольный и предложил взять с собой кого-либо из сотрудников, чтобы сопровождать Борисова вдвоем. Он решил взять уполномоченного Виноградова, которому сказал, чтобы он быстрее одевался, сам же взял шинель, снял снаряжение, чтобы одеть оружие поверх шинели. В этот момент пришел Хвиюзов и сказал: "Торопитесь, надо скорее". Узнав, что Борисов находится в кабинете Котомина, он пошел туда, "разбудил Борисова и сказал ему: "Поедем, Миша, в Смольный". Борисов встал и высказал желание умыться, но на

это Малий ответил, что "нужно ехать скорее".

Из показаний Виноградова видно, что он являлся подчиненным Малия, о характере поручения Малий ему ничего не говорил, а просто приказал "одеться и поехать с ним". Когда он одевался у себя в комнате, зашел Хвиюзов и предложил ему "потопиться". Быстро одевшись, он прибежал в кабинет Малия и увидел там Малия и Хвиюзова, причем "Хвиюзов торопил Малия, чтобы тот скорее поехал".

Допрошенный 18 декабря 1934 года сотрудник Оперода Козлов показал, что утром 2 декабря он работал в комнате дежурного по Опероду и видел, как из кабинета начальника Оперода "выбежал Малий". Через несколько минут из того же кабинета вышел Хвиюзов и дал ему, Козлову, распоряжение "выяснить, выехал ли Малий в Смольный, если он не выехал, то напомнить ему, чтобы он захватил Борисова и срочно ехал". Разыскав Малия, он передал ему "распоряжение Хвиюзова немедленно ехать в Смольный". (Дело № ОС-100807, том 24, л.д. 267, 271, 272, 286, 287, 296, 301, 303 и 306; дело № 213635, том 3, л.д. 10, 17, 26, 65, 67, 77 и 82).

При расследовании в 1934 году обстоятельств гибели оперкомиссара Борисова уделялось внимание выяснению вопроса о том, почему Борисов был отправлен в Смольный не на легковой машине, а в открытом кузове грузовика. Из показаний допрошенных сотрудников Оперода и других лиц видно, что обслуживавшие Оперод и приезжавшие к зданию УНКВД на оперативных и специальных маши-

нах шоферы в ожидании дальнейших указаний, как правило, находились в Красном уголке, располагавшемся рядом с кабинетом начальника отделения Оперода Котомина. Ввиду того, что при отдаче распоряжения о доставке Борисова в Смольный была обусловлена срочность его исполнения, лица, которым было поручено выполнение данного распоряжения, при отсутствии в Красном уголке шоферов других машин, кроме шофера грузовой автомашины Кузина, использовали его машину для доставки Борисова в Смольный.

На допросах 2, 7 и 13 декабря 1934 года шофер Кузин показал, что с утра 2 декабря он ездил с одним из сотрудников Оперода на Каменный Остров, возвратившись из этой поездки, поставил машину и пришел в Красный уголок. Через некоторое время в Красный уголок поочередно заходили дежурный по Опероду Мурзин и его помощник Козлов, "которые выясняли, есть ли какая-либо свободная машина". Увидев Кузина, они предупредили его, что, вероятно, ему придется скоро поехать, куда, именно, не сказали. Затем пришел Малий и сказал, что нужно ехать в Смольный. Малия, по словам Кузина, он знал как сотрудника Оперода только в лицо, а его фамилию узнал на следствии. После того, как Малий сказал, что нужно ехать в Смольный, Кузин пошел к машине. Следом за ним к машине вышел Малий с двумя незнакомыми мужчинами. Малий был в военной форме, а двое других - в штатской одежде. (Дело № ОС-100807, том 24, л.д. 259, 281 и 293; дело № 213635, том 3, л.д. 25, 74).

Оперуполномоченный Малий, будучи допрошен 2, 7, 14 и 18 декабря 1934 года, на первом допросе показал, что, получив

от Хвиюзова приказание о доставке Борисова в Смольный, он направил Виноградова в Красный уголок за шофером. Возвратившись, Виноградов доложил, что легковых машин нет и Хвиюзов предложил "поехать на грузовой полутонной машине". На последующих допросах Малий несколько изменил свои показания. На втором допросе он вначале показал:

"Когда я одевался, то в этот момент пришел Хвиюзов и сказал: "Торопитесь, надо скорее. Я спросил, есть ли машина. Секретарь Оперода Максимов сказал, что машины нет, а есть грузовик. Я сказал, что на грузовике не поеду, но Максимов мне ответил на это: "Поезжайте на грузовике".

На уточняющий вопрос, от кого он узнал, что нет легковой машины и кто именно сказал, ^{что} есть грузовик, Малий ответил:

"Когда я беседовал с Хвиюзовым в проходе комнаты 109, то в этот момент кто-то пришел, не помню, не то Виноградов, не то Козлов, не то Максимов и сказал, что легковой машины нет. Когда я спросил, как же ехать, то Максимов ответил: есть грузовая машина. Хвиюзов сказал, что поезжайте на грузовике".

Когда Малию был задан вопрос, ходил ли он проверять, есть ли легковая машина, он ответил: "Нет, не пошел, так как знал, что в этот момент был большой недостаток в машинах".

На последних двух допросах Малий утверждал, что когда он одевался в своей комнате, то у дверей находились Виноградов, Максимов и Козлов, и кто-то из них сказал, что "нет ни одной машины", а Максимов, как ему помнится, уточнил, что имеется грузовая машина. Находившийся в это время в комнате

Хвиюзов предложил поехать на грузовой машине, что он и выполнил. (Дело № ОС-100807, том 24, л.д. 253, 272-274, 297 и 305; дело № 213635, том 3, л.д. 10, 78).

Виноградов в своих показаниях от 2 и 10 декабря 1934г. пояснил, что когда он и Малий выходили из комнаты последнего, к ним подошел Максимов и сказал, что легковых машин нет, а есть полуторатонка, "на которой можно поехать. Присутствовавший при этом разговоре Хвиюзов предложил Малию поехать на этой машине". После этого они взяли Борисова и он с ним вышел в коридор, а Малий ушел за шофером. Когда Малий пришел с шофером, все они вышли на улицу, сели на грузовую машину и поехали. Фамилию шофера, по словам Виноградова, он не знал. (Дело № ОС-100807, том 24, л.д. 255 и 287; дело № 213635, том 3, л.д. 17 и 83).

Хвиюзов на допросах 4 и 14 декабря 1934 года показал, что, отдавая распоряжение Малию отвезти Борисова в Смольный, он не сказал последнему, на какой машине он должен ехать, "исходя из того, что Малий возьмет одну из двух машин Оперода, стоящих обычно у подъезда по улице Воинова". Примерно через десять минут Малий ему доложил, что "машины у подъезда Воинова и у главного подъезда нет", что у подъезда стоит только грузовик - полуторка, обслуживающий 5 отделение Оперода. После того, как Малий доложил об отсутствии легковых машин и наличии только грузовой автомашины, Хвиюзов "ему разрешил на ней поехать, не видя другого выхода и желая быстрее выполнить распоряжение об отправке Борисова". Сообщение Малия об отсутствии машины он не проверял, и были ли такие машины во

дворе или около подъезда, не знает. (Дело № ОС-100807, том 24, л.д. 268, 301-302; дело № 213635, том 3, л.д. 27, 65-66).

Во время следствия в 1934 году были допрошены сотрудники Оперода Козлов и Шилкин. Козлов на допросе 18 декабря 1934г. показал, что "около II часов дня из кабинета Губина, где в это время сидел Хвиюзов, выбежал Малий, который сказал Кевейша, а, возможно, Иванову, точно не помню кто дежурил, чтобы тот дал ему машину. Дежурный ответил, что шоферы имеющихся в наличии машин у подъезда сидят в Красном уголке-комнате 171. Малий побегал туда". Через несколько минут Козлов получил от Хвиюзова указание найти Малия и напомнить ему о срочности выезда. Он побегал в Красный уголок и увидел там Малия, выходявшего из кабинета Котомина вместе с Борисовым. Передавая указание Хвиюзова, он сказал Малию, что "Хвиюзов приказал ему взять любую имеющуюся машину и ехать в Смольный". В его присутствии "Малий обратился к шоферу грузовой машины, чтобы тот повез его в Смольный. Шофер, Малий, Борисов и Виноградов вышли из Красного уголка и пошли на парадное № 4". Он возвратился и доложил Хвиюзову, что "Малий, Борисов и Виноградов выехали в Смольный на грузовой машине. Хвиюзов ответил: "Хорошо". Отвечая на вопрос, были ли в это время в Красном уголке другие водители, кроме шофера грузовой автомашины, Козлов пояснил: "Точно не помню, был ли кто-нибудь там из сотрудников, но шоферов, кроме шофера грузовой машины, там не было".

Допрошенный в тот же день Шилкин показал, что в его присутствии 2 декабря около II часов дня "Хвиюзов давал распоря-

жение Малию взять любую машину, стоящую у подъезда НКВД", но для какой цели, не говорил. Малий быстро ушел из комнаты и больше не возвращался. Достал ли он машину, ему неизвестно. (Дело № ОС-100807, том 24, л.д. 306, 307 и 310).

В материалах расследования 1934 года отсутствуют данные о том, допрашивался ли тогда сотрудник Оперода Кевейша, упоминавшийся в показаниях Малия, Виноградова и Козлова. В заключении по делу о смерти Борисова делается ссылка на показания Максимова, также названного в показаниях упомянутых выше лиц, однако протокола допроса или объяснения Максимова не имеется.

г) Размещение Малия, Виноградова и Борисова в грузовой автомашине при следовании в Смольный.

В показаниях Малия, Виноградова и Кузина нет, по существу, расхождений по вопросу о том, как они разместились в машине при доставке Борисова в Смольный. Из объяснений Малия и Виноградова видно, что перед выездом в Смольный они нашли Борисова спящим в кабинете начальника 4 отделения Оперода Котомина, разбудили его, сообщили ему о необходимости срочного выезда в Смольный, и вместе с Борисовым и шофером, фамилию которого не знали, пошли к машине, стоявшей у здания УНКВД по улице Воинова. Автомашина оказалась грузовиком грузоподъемностью в полторы тонны с открытым кузовом. Малий сел вместе с шофером в кабину, а Виноградов и Борисов - в кузов.

Как показал Виноградов, "в кузове автомашины, плотно прилегая к кабине, стояла скамейка. На эту скамейку можно было

сесть только в том случае, если садиться спиной к движению машины". Он и Борисов сели на эту скамейку, причем, "Борисов сел ближе к правому борту", а он "почти посредине скамейки ближе к левому борту".

Малий, отвечая на вопрос, почему он, будучи ответственным за доставку Борисова в Смольный, сел не в кузов вместе с Борисовым, а в кабину, показал, что он "знал, что Борисов не был арестован, знал Борисова в течение многих лет и поэтому не считал нужным принимать особые меры для охраны Борисова".

О размещении людей в машине при доставке Борисова в Смольный имеются показания шофера Кузина на допросах 2 и 13 декабря 1934 года. И в том и в другом случае он показал, что Малий сел с ним в кабину, а два других человека сели в кузов, причем "один из них пожилой, сел на правый борт машины, другой... на скамейку". Как они сидели во время движения машины и в момент аварии Кузин, по его словам, не видел. Допрашивались ли другие лица о том, как разместились Малий, Виноградов и Борисов в автомашине, из имеющихся материалов не видно. Хвиюзов, на поставленный ему вопрос об этом ответил, что при посадке в машину он не присутствовал.

2 и 11 декабря 1934 года был допрошен об обстоятельствах аварии постовой милиционер Крутиков. Он показал, что в проехавшей мимо него грузовой автомашине рядом с шофером сидел военный, а в кузове - два человека в штатском. Они сидели в машине, но на чем, он не заметил, один ближе к правому, а другой - к левому борту. Между ними было расстояние не менее полуметра. (Дело № ОС-100807, том 24, л.д. 251, 253, 255, 259,

272-274, 281, 287, 294, 297, 298, 302; дело № 213635, том 3, л.д. 10, 17, 21, 25, 66, 69, 71-73, 75, 78, 79, 83).

д) Авария автомашины и гибель оперкомиссара Борисова.
Расследование по этим фактам.

Автомашина с Борисовым, как это отмечается в материалах расследования, направилась от здания УНКВД по улице Воинова, имевшей ровный прямой профиль и сухое асфальтное покрытие. Минував перекресток улицы Воинова с проспектом Чернышевского и подъезжая к Т-образному перекрестку с Потемкинской улицей, шофер имел свободный проезд, обозначенный зелеными сигналами светофора. Не останавливаясь, машина объехала слева стоявшую вблизи от угла у панели конную трамвайную вышку и пересекла трамвайные пути, выходящие с Потемкинской улицы на улицу Воинова в направлении движения машины. После пересечения перекрестка машина двигалась по прямой вплотную к наружному рельсу трамвайных путей, так как ось улицы Воинова за Потемкинской улицей имела смещение вправо на 0,8 метра. Когда автомобиль прошел от угла перекрестка примерно 30 метров, его резко бросило вправо и он под углом примерно 35% заехал на панель, проехал по ней всеми колесами 16 метров и, описав кривую, ударился правой дверцей кабинки и правым бортом кузова в косяк заделанного оконного проема и в водосточную трубу (удар пришелся вскользь, по касательной). После этого машина съехала с панели на проезжую часть улицы прошла по прямой 42 метра и

остановилась. (Дело № ОС-100807, том 24, л.д. 246; дело № 213635, том 3, л.д. 6).

В показаниях постового милиционера Крутикова от 2 и 11 декабря и регулировщика ОРУД Шитова от 2 декабря 1934г., видимо, ошибочно указывается, что авария автомашины произошла после переезда ею перекрестка улицы Воинова с проспектом Чернышевского. Об ошибочности этих записей свидетельствует то обстоятельство, что в показаниях Крутикова говорится о переезде машины через трамвайные пути, тогда как на перекресток с проспектом Чернышевского, как видно из плана города Ленинграда, относящегося к началу 30-х годов, трамвайные пути не выходили (план находится в деле № ОС-100807, том 55, текст 2). Кроме того, в показаниях всех допрошенных свидетелей, в актах работников ОРУДа и экспертов указывается, что авария произошла после пересечения машиной Т-образного перекрестка с Потемкинской улицей. (Дело № ОС-100807, том 24, л.д. 251, 265; дело № 213635, том 3, л.д. 21, 69).

После аварии Борисов оказался тяжелораненым в области головы и на попутной машине Малием и Виноградовым в 11 часов 15 минут был доставлен в поликлинику УНКВД. Врачи зафиксировали отсутствие у Борисова пульса, дыхания и признаков работы сердца, обильное кровотечение из обеих ушей и полости рта, затекание крови из носоглоточного пространства, в области левой теменной кости обнаружено подкожное кровоизлияние без внешних признаков перелома костей. Принятые меры к оживлению не дали результатов и было вынесено зак-

лучение, что Борисов доставлен в поликлинику в мертвом состоянии и что смерть "повидимому произошла от перелома основания черепа" . (Дело № ОС-100807, том 24, л.д. 250; дело № 213635, том 3, л.д. 9).

Вскоре после аварии автомашины на место происшествия прибыли старший инспектор аварийной группы ОРУД Управления милиции города Ленинграда Малькевич и инспектор ОРУД Оскотский. Через несколько часов была создана экспертная комиссия в составе технического директора шинного завода комбината "Красный треугольник" Комарницкого, инженера-инспектора Управления Уполномоченного Наркомтяжпрома Л.О. Гинзбурга, старшего инженера-химика того же Управления Иванова, заведующего гаражом того же Управления Айгро и упоминавшихся выше Малькевича и Оскотского. Члены экспертной комиссии в тот же день выезжали на место происшествия и осматривали автомашину.

В документах, составленных работниками ОРУД и экспертной комиссией, указывается, что при осмотре автомашины, потерпевшей аварию, обнаружены следующие повреждения: разбито стекло правой дверцы, имеются глубокие вмятины на дверце, на замочной ручке правой дверцы следы известки от штукатурки стены, погнут правый передний крючок борта, незначительно погнуто правое переднее крыло, кузов смещен назад на 10-12 миллиметров, в камере правой передней покрышки отсутствует воздух. Тогда же, после смены поврежденного правого переднего колеса были опробованы тормоза и рулевое управление машины, причем при опробовании производился только

левый поворот (по условиям движения). Протяженность тормозного пути на скорости 46 км. в час (по спидометру данной машины) оказалась равной 20 метрам, в рулевом управлении замечен тяжелый разворот влево, на-глаз было определено смещение передней оси влево. С места происшествия машина ушла в гараж своим ходом, в пути следования "при правом повороте с улицы Воинова на ул. Нариманова и дальше с пр. Рошаля на проезд по площ. Декабристов, машина дважды заехала на тротуар при нормальном повороте руля".

Осмотр машины в гараже показал, что стремянки передней рессоры "имели значительный вертикальный ход", на каждой шпильке стремянки имелось по одной гайке, причем, "гайка правой передней шпильки отвинчивалась от руки". В рессоре "обнаружено 7 листов (коренной и шесть последующих наборных) с толщиной каждого листа нормальной для 14-ти листовой рессоры" и листы рессоры по отношению к оси центрального болта смещены вправо. Центральный болт рессоры отсутствовал, от него имелась только головка. На камере правого переднего колеса обнаружен прорыв в форме языка, "в точности соответствующий прорыву ткани покрышки", хотя "резина протектора на месте прорыва порезов не имеет, что дает основание заключить о сильном ударе о кромку поребрика тротуара".

На месте аварии обнаружено незначительное повреждение штукатурки стены, с которой произошло соприкосновение машины, и вмятина на водосточной трубе. (Дело № ОС-100807, том 24, л.д. 243-247, 258; дело № 213635, том 3, л.д. 2-3, 5-7, 22).

Расследование обстоятельств автомобильной аварии и гибели оперкомиссара Борисова началось сразу же после этого происшествия. Кроме создания экспертной комиссии, в тот же день были допрошены шофер Кузин, Малий, Виноградов и некоторые другие свидетели. Допросы в начальный период велись руководящими работниками Центрального аппарата НКВД СССР Мироновым - начальником ЭКО ГУГБ, Люшковым - заместителем начальника СПО ГУГБ, Чертоком - начальником отделения ЭКО, Агасом - секретарем заместителя наркома внутренних дел Агранова и оперуполномоченным ЭКО УНКВД по Ленинградской области Айзенштадтом. Из собранных в начале расследования материалов видно, что в этот период оно велось в направлении выяснения только фактических обстоятельств аварии и смерти Борисова.

Шофер Кузин 2 декабря 1934 года допрашивался дважды Агасом и членами экспертной комиссии. На допросе у Агаса он показал, что из гаража утром выехал на исправной машине, и когда ехал с Борисовым в Смольный, машина "шла нормально". Хотя сидевший с ним в кабине Малий "предложил поехать срочно в Смольный", он, Кузин, "ехал со скоростью до 30 километров в час". Как показал Кузин, "на улице Воинова машину вдруг резко бросило вправо, руль сразу свернул в сторону", при этом он "на некоторое время потерял управление рулем, машина въехала на тротуар и задела за водосточную трубу дома. Товарищ, сидевший на борту машины, ударился о водосточную трубу". После удара о водосточную трубу Кузин повернул руль влево и вывел машину на мостовую. По показаниям Кузина, в тот момент, когда машина прибли-

жалась к стене, сидевший с ним в кабине Малий "хотел выскочить из машины", но он его не пустил, удержав рукой за шинель. Малий вышел из машины после ее остановки. Кузин объяснил, что "авария произошла из-за того, что спустила передняя правая покрышка".

При опросе Кузина членами экспертной комиссии, последний, в отличие от изложенных выше показаний, заявил, что при приеме машины, со слов сменщика, ему было известно, что в передней рессоре лопнул один лист и сменщик подтягивал стремянки. Кузин высказал предположение, что "по пути упал еще один лист рессоры", однако он "не подтягивал рессоры и выпавшего листа не видел, хотя остановился сразу, услышав звук". По словам Кузина, до Потемкинской улицы скорость автомашины не превышала 20-25 километров, а при пересечении трамвайной линии он снизил скорость до 10-15 километров в час, после аварии машина проехала до остановки примерно 50 метров.

Последующие вопросы экспертной комиссии и ответы Кузина изложены в протоколе опроса следующим образом:

Вопрос: Не стукнулся ли обо что-нибудь при переезде последнего перекрестка?

Ответ: Нет, не заметил.

Вопрос: Как произошла авария?

Ответ: Машину сразу повернуло вправо, я стал поворачивать влево, но шло туго, Потерял управление, когда попытался удержать пытавшегося соскочить соседа.

Вопрос: При выходе было ли исправно давление в камере; в момент поворота машины не было ли признаков сдавания давления?

Ответ: Было исправно, сдавания не заметил.

Вопрос: Был ли удар машины о стенку?

Ответ: Нет, только в водосточную трубу. В момент столкновения дверь была открыта.

Вопрос: Пытались ли при резком повороте вправо остановить машину.

Ответ: Пытался притормозить, пока не выехал на тротуар, но, главным образом, пытался вывернуть машину влево.

Вопрос: Почему Вы сами не остановили машину в момент аварии.

Ответ: Я машину не остановил, пока мне не приказали, собираясь стать, когда съеду с панели. После удара включил 3-ью скорость и на ней съехал.

Вопрос: При переезде трам.рельсов Вы сначала взяли влево, а потом вправо. Сразу ли после поворота вправо машину дернуло дальше в ту же сторону?

Ответ: Сразу.

Вопрос: Что Вы считаете причиной аварий.

Ответ: Спуск давления в камере".

(Дело № ОС-100807, том 24, л.д. 259-262; дело № 213635, том 3, л.д. 23-25).

Допрошенный в день происшествия Малий, на вопрос, при каких обстоятельствах произошла авария машины, ответил:

"Поехали мы от здания НКВД по улице Воинова, взяв направление к Смольному со скоростью не больше 25 клм в час. Дорога была абсолютно сухая, движение было небольшое. Постепенно машина ускорила движение, но, насколько мне кажется, больше 40 клм не развивала. Шофера я не торопил, однако он знал о срочности поездки. Когда мы пересекли Потемкинскую улицу, машина вдруг пошла влево, затем шофер начал поворачивать вправо, но машина плохо слушалась его. До того, как мы врезались в стену дома, шофер успел крикнуть мне: "Рулевое управление". Затем машина правым крылом резко ударилась о стену дома, расположенного по правой стороне (по движению машины) ул. Воинова, недалеко от дворца им. Урицкого. После удара машина отъехала влево, зигзагообразно, и после того, как я выскочил из разбитой кабины, метрах в 15 от места удара в стену машина остановилась, вероятно заторможенная. По тому, что машина и после удара продолжала двигаться, я полагаю, что несмотря на то, что машина потеряла рулевое управление, шофер все же не дал своевременно тормоза. После аварии я сейчас же бросился к машине и увидел лежащего без сознания с разбитой головой Борисова, которого поддерживал Виноградов".

(Дело № ОС-100807, том 24, л.д.254; дело № 213635, том 3, л.д.II).

Виноградов на допросе в тот же день показал:

"...т.Малий отдал приказание шоферу ехать в Смольный. Отъехав от Управления НКВД, шофер развил скорость в 50-60 километров в час. Машина, спустя некоторое время, начала делать зигзаги, затем ее сильно накренило влево и тут же резким толчком бросило вправо и ударило с большой силой в стену дома тем ее бортом, на котором как раз сидел Борисов. Машина врезалась на большом ходу и после сильного удара в стену отошла влево от последней. Борисова ударило сильно головой в стену дома, меня накренило вправо, но я успел схватить руками скамейку и воспрепятствовать удару в стену. Малий успел выскочить из машины после удара ее о стену, шофер все время оставался у руля... У Борисова голова и пальто были в крови, так как у него от удара пошла кровь из носа и рта. Я никаких ушибов не получил".

(Дело № ОС-100807, том 24, л.д. 255,256; дело № 213635, том 3, л.д. I7).

Милиционер Крутиков, находившийся в момент автопроисшествия на посту, на допросе 2 декабря 1934 года дал следующие показания:

"Сегодня, 2-го декабря, в 10 час. утра по ул. Воинова (по направлению от пр. Володарского к дворцу Урицкого) шла грузовая машина-полутонка. Рядом с шофером сидел военный, а на правом и левом бортах сидели два гражданина, одетые в штатском. Машина шла с нормальной скоростью... пройдя примерно 10 метров (после перекрестка - примечание наше) машина свернула налево (к трамвайному пути), пройдя так примерно 10 метров, она повернула направо (по направлению к тротуару), въехала на тротуар, идя по косой линии, и когда машина должна была удариться в стенку дома, она оказалась параллельно стене дома и прошла вдоль стены около 5 метров, оставив царапины на стене. В этот момент гражданин, сидевший на правом борту, ударился правым виском об стенку дома и сразу же потерял сознание. Сидевший на левом борту остался невредим. Когда машина остановилась, из нее невредимыми вышли шофер и военный... Почему свернула машина, я не знаю. Вышедший после аварии шофер сказал, что это произошло потому, что свалилась крышка. Никаких препятствий к продвижению машины не было, т.к. путь был совершенно свободен, трамваи в этот момент не шли и никто дорогу не переходил (во всяком случае, этого я не видел)".

На вопрос, были ли свидетели этой аварии, Крутиков ответил:

"Свидетелей не было, т.к. в этот момент близко от места аварии никого не было".

(Дело № ОС-100807, том 24, л.д. 257-258; дело №213635, том 3, л.д. 21-22).

На месте аварии Борисову первая помощь не оказывалась, а была остановлена проходившая в это время по улице Воинова легковая автомашина под управлением шофера Якунина, в которой следовал из Смольного домой инструктор Ленинградского горкома ВКП(б) Войтас. На этой машине Борисов был доставлен к зданию УНКВД и передан медперсоналу поликлиники. В заявлении и показаниях Войтаса от 2 декабря 1934 года указывается, что машина,

в которой он ехал, была остановлена сотрудником УНКВД и по его просьбе они подъехали к грузовику, стоявшему на противоположной стороне улицы. Сотрудник УНКВД вместе с милиционером и мужчиной в гражданской одежде вытащили из грузовика пожилого мужчину, "из носа которого обильно текла кровь", положили его к ним в машину и они поехали к зданию УНКВД. По дороге, стоя на подножке, он узнал в пострадавшем Борисова. Когда доехали до здания УНКВД и сдали пострадавшего, Войтас Уехал домой. Как показал Войтас, "военный, остановивший машину, был очень возбужден, и на мой вопрос, что произошло, ответил, что заел руль".

Примерно аналогичные показания были даны шофером Якуниным на допросе 4 декабря 1934 года, который также, как и Войтас подтвердил, что из грузовой автомашины остановивший их военный и другие какие-то граждане "вынесли пожилого окровавленного человека", которого он на своей машине отвез к зданию УНКВД, при этом товарищ, которого он вез из Смольного, "опознал раненого, схватился за голову и назвал фамилию Борисов или Григорьев, точно не помню". Позднее, возвращаясь к Смольному, Якунин, по его словам, ехал по улице Воинова и, увидя тот же грузовик, из которого они взяли раненого, "замедлил ход, на секунду приостановил свою машину и заметил, что у грузовика была спущена передняя правая камера, а на мостовой были разбиты стекла". (Дело № ОС-100807, том 24, л.д. 263-264, 266; дело № 213635, том 3, л.д. 18, 19 и 30).

Допрошенный 2 декабря 1934 года регулировщик ОРУДа Шитов пояснил, что хотя он в момент аварии находился на посту, но как произошла авария не видел, так как "занимался регулированием

уличного движения (сидя в будке, наблюдая за перекрестком)". По объяснению Шитова, авария произошла примерно в 100 метрах от перекрестка, на котором он регулировал движение, и как все произошло он не заметил. (Дело № ОС-100807, том 24, л.д. 265; дело № 213635, том 3, л.д. 29).

По показаниям Хвиюзова от 4 декабря 1934 года, примерно через 15-20 минут после отъезда машины с Борисовым в Смольный к нему явился Малий и доложил, что произошла авария, "во время которой Борисов разбил себе голову и что Борисов отправлен им в санчасть". Что именно доложил ему Малий о причинах аварии, он точно не помнит, но ему запомнилось тогда из доклада Малия то, "что авария произошла в связи с тем, что их машине помешал какой-то трактор с каким-то прицепом и их машина, не сумев обойти это препятствие, вылетела на панель, где от удара машины о стену здания и разбился Борисов". Впоследствии, как показал Хвиюзов, он случайно слышал от шоферов, что катастрофа с машиной произошла из-за отсутствия в рессоре достаточного количества листов, что вызвало смещение осей. О причинах аварии машины он разговаривал с начальником ОРУДа Шилкиным, от которого узнал, что для выяснения причин аварии была организована комиссия, установившая, что авария машины произошла вследствие ее неисправности, "т.к. в ней были смещены какие-то части". На вопрос, "как можно увязать то обстоятельство, что, с одной стороны, произошла катастрофа вследствие того, что машине помешал какой-то трактор с прицепом, а с другой стороны, потому, что были смещены какие-то части", Хвиюзов ответил:

"Я это объясняю тем, что если бы машина была исправна, то, возможно она обошла бы препятствие, не потерпев аварии. Воз-

можно, что авария произошла и потому, что шофер ехал с превышенной скоростью".

(Дело № ОС-100807, том 24, л.д.268-269; дело № 213635, том 3, л.д. 27-28).

В акте обследования аварии на местном транспорте, составленном 2 декабря 1934 года работниками ОРУДа Малькевичем и Оскотским, говорится, что на основании обследования места аварии, осмотра автомашины и показаний шофера Кузина они пришли к выводу:

"1. Прорыв резины правого переднего колеса произошел от удара колеса о поребрик панели при въезде на него;

2. Неисправность передней рессоры (отсутствие центрального болта и недостача рессорных листов при ослабленной стремянке) послужила причиной смещения передней оси влево по отношению к шасси автомобиля.

Смещение передней оси нарушает систему рулевого управления. Поворот в одну из сторон облегчается, т.е. он при нормальном повороте штурвала производится под более острым углом произвольно, одновременно вырывая руль у водителя.

В данном случае имел место облегченный поворот вправо и при повороте шофером Кузиным штурвала вправо автомобиль бросило на панель.

3. Были ли нарушения шофером правил уличного движения во время движения в отношении скорости дать заключение без выяснения данного обстоятельства свидетельскими показаниями не представляется возможным, т.к. на месте аварии установить тормозное расстояние не удалось ввиду отсутствия ясного следа торможения до и после аварии".

Осмотрев место происшествия и автомашину, потерпевшую аварию, экспертная комиссия 2 декабря 1934 года дала следующее заключение:

"1. Нет оснований считать причиной аварии обнаруженные повреждения покрышки и камеры.

2. Наличие завинченных на полную длину резьбы гаек на шпильках стремянки, при отсутствующих рессорных листах, могло служить непосредственной причиной недостаточного закрепления рессоры, в результате чего весь передний мост

имел возможность подвергаться боковым смещениям; одно из таких боковых смещений и могло послужить непосредственной причиной поворота машины вправо, каковой поворот в данном случае имел место. Означенное подтверждается тем обстоятельством, что ни центровой болт, ни поломанные листы на месте аварии найдены не были".

Как указывалось выше, 2 декабря экспертная комиссия опросила по обстоятельствам аварии шофера Кузина. После этого опроса комиссия в тот же день составила второе заключение, в котором указала:

"Из показаний шофера Кузина явствует, что рессора была неисправной в момент выхода из гаража (нехватало одного листа и предполагается поломка и утеря второго, по его заявлению, в пути, сегодня, 2 декабря).

Показания шофера Кузина о том, что причиной аварии является спуск давления в камере, не соответствует действительности, т.к. опровергается данными обследования.

Быстрый поворот машины вправо и характер повреждений свидетельствует, что скорость в момент аварии превышала указанную в показании шофера Кузина.

Причиной аварии была, в основном, отмеченная в предыдущем заключении комиссии - неисправность машины (недостаток листов рессоры и отсутствие центрового болта), повышенная же скорость была обстоятельством, способствовавшим аварии".

(Дело № ОС-100807, том 24, л.д. 244, 248-249; дело № 213635, том 3, л.д. 3-4, 7 и 8).

4 декабря 1934 года произведено судебно-медицинское вскрытие трупа Борисова. Вскрытие проводилось комиссией экспертов в составе профессора судебной медицины Военно-медицинской академии Надеждина, профессора хирургии Военно-медицинской академии Добротворского, приват-доцента Розанова, старшего инспектора по судебно-медицинской экспертизе Ленгорздравотдела Ижевского и начальника поликлиники № I санчасти УНКВД Олышанецкого. В акте указано, что вскрытие трупа Борисова проводилось на основании предложения и в присутствии начальника санчасти УНКВД ЛО Мамушина, при вскрытии присутствовал сотрудник НКВД СССР Агас.

При наружном осмотре трупа, как об этом записано в акте, обнаружены следующие повреждения: на голове "в левой теменной области несколько ниже теменного бугра имеется ссадина 2 x 1,5 см в горизонтальном направлении", "на спине в области верхней трети левой лопатки ссадина в 4 x 2,5 см. в вертикальном направлении. На передней поверхности верхней трети левого бедра три небольших ссадины, наибольшая 2 x 0,5 см., наименьшая 1,5 x 0,2 см. в вертикальном, слегка слева вправо направлении. Других следов насилия не обнаружено".

При внутреннем осмотре трупа отмечено, что переломов костей таза, позвоночного столба, ребер и повреждений внутренних органов не имеется. В то же время обнаружены следующие повреждения черепа: "В правой теменной области, на границе нижней и средней трети через всю кость продольная сквозная трещина, идущая далее в том же направлении через правую часть затылочной кости, где в нижнем отделе трещина разветвляется, направляясь справа к большой затылочной дыре, к правой височной кости и на поверхность таковой, разделяя пирамидку пополам в поперечном направлении, переходя далее к турецкому седлу. От конца продольной трещины, сверх описанного, имеется перелом затылочной кости слева, обходя затылочную дыру с окончанием у нижнего края пирамиды".

В заключении по результатам вскрытия комиссия экспертов записала:

"Смерть Борисова М.В. последовала от угнетения деятельности сосудо-двигательного и дыхательного центров головного мозга вследствие кровоизлияния в полость четвертого желудочка мозга на почве полученных переломов черепной крышки и основания черепа главным образом. Смерть наступила не мгновенно, а приблизительно в течение нескольких минут (вероятно не более десяти). Пов-

реждение костей черепа произошло от удара очень значительной силы головой о твердый плоский предмет, напр. каменную стену. Направление удара было сзади наперед и справа налево и удар этот мог быть получен при резком повороте автомобиля влево от стены. Можно полагать, что покойный в момент удара находился на правом борту автомобиля правым плечом вперед и после удара мог оказаться отброшенным в кузов. Осаждение бедра, левой надлопаточной области и осаждение кожи головы слева с кровоизлиянием могли произойти при падении в кузов автомобиля и значения для ускорения наступления смерти не имеют...

Учитывая данные вскрытия, отсутствие знаков постороннего насилия и обстоятельства дела, можно заключить, что смерть Борисова является несчастным случаем в связи с автомобильной катастрофой".

После подписей экспертов на заключении написано: "Согласовано", далее следует подпись Мамушина. (Дело № 213635, том 3, л.д. 12-16; материалы проверки 1960 г., том 9, л.д. 94-III).

Таким образом, показаниями Кузина, Малия, Виноградова, Крутикова и заключениями автотехнической и судебно-медицинской экспертиз уже к 5 декабря 1934 года было установлено, что Борисов погиб в результате аварии автомашины, происшедшей по причине ее технической неисправности. Однако, несмотря на это и на отсутствие в собранных материалах каких-либо других данных о причине смерти Борисова, следствие было продолжено.

В спецдонесении, адресованном Сталину и Ягоде 5 декабря 1934 года Агранов, сообщая о результатах судебно-медицинского вскрытия трупа Борисова и ссылаясь на заключение комиссии, что "смерть Борисова является несчастным случаем в связи с автомобильной катастрофой", указал, что "допросы по делу о смерти Борисова продолжаются усиленным темпом". (Дело № ОС-100807, том 25, л.д. 58).

Как видно из материалов, с этого времени расследование дела о гибели Борисова приняло иное направление. Имевшиеся показания свидетелей и заключения экспертов, которыми устанавливалось, что Борисов погиб случайно в результате автоаварии, были поставлены под сомнение и дальнейшее расследование шло по линии проверки подозрений о его преднамеренном убийстве. При этом предполагалось, что убийство Борисова организовано Хвиюзовым или по собственной инициативе, или по указанию руководства Оперода УНКВД ЛО, однако, и в том и в другом случае Кузин, Малий и Виноградов рассматривались как исполнители этого преступления. Считалось, что авария автомашины организована преднамеренно для прикрытия убийства, а Борисова убили в здании УНКВД до посадки в машину или в кузове автомашины в момент аварии ударом по голове каким-то твердым предметом (рукояткой пистолета, металлическим бруском или куском дерева).

На этом этапе в расследовании дела о гибели Борисова активно включились вначале заместитель наркома внутренних дел Агранов, а в последующем Ежов и Косарев, находившиеся тогда в Ленинграде и осуществлявшие по поручению ЦК ВКП(б) контроль за расследованием дела о террористическом акте над Кировым. С участием Ежова, Косарева и Агранова были передопрошены Кузин, Малий, Виноградов, Крутиков, Хвиюзов и произведен осмотр места происшествия судебно-медицинскими экспертами.

Во время передопросов Кузина, Малия, Виноградова и Хвиюзова уточнялись некоторые вопросы, связанные с отправкой

Борисова в Смольный и аварией автомашины. В то же время их прямо обвиняли в убийстве Борисова и настойчиво добивались от них признания в совершении этого преступления. Однако все они категорически отвергли эти обвинения и заявили, что Борисов погиб случайно во время аварии автомашины.

Шофер Кузин был передопрошен 7 декабря 1934 г. Аграновым, Мироновым и Чертоком. На этом допросе он показал, что 2 декабря перед выездом из гаража машину не осматривал, но его сменщик Чоповский сказал ему, что машина в порядке, только сломан лист передней рессоры. В 10 часов утра Кузин, по его словам был с машиной у здания УНКВД на улице Воинова, затем со старшим техником съездил на Каменный остров и, вернувшись, пришел в Красный уголок Оперода. Дежурный по Опероду Мурзин, увидев его, сказал, что наверное придется скоро поехать. Через некоторое время в Красный уголок пришел Малий, фамилию которого в то время он не знал, и предложил поехать в Смольный. Как показал далее Кузин, он пошел к машине, вслед за ним "вышел Малий с двумя товарищами", которых он, Кузин, не знал. Малий сел в кабину, остальные - в кузов, после чего поехали по улице Воинова. Отвечая на вопрос, как произошла катастрофа, Кузин заявил, что когда переезжали Потемкинскую улицу, машину забросило вправо из-за того, что лопнула камера. Далее в протоколе допроса зафиксированы следующие вопросы допрашивающих и ответы Кузина:

"Вопрос: Вы говорите, что спустила передняя покрышка, а следствием точно установлено, что ни передняя, ни задняя покрышки спущены не были. Покрышки были в нормальном состоянии до тех пор, пока машина не ударилась о поребрик тротуара. Только после того, как покрышка ударилась о поребрик тротуара, покрышка спустила. Это

видно по следам, которые оставила машина. Таким образом установлено, что машина была в целости и шла нормально, но когда Вы ударились колесом о поребрик тротуара, то покрышка лопнула. Как видно по следу, который остался, машина далее уже шла по спущенной покрышке, а до удара покрышка была как следует накачена?

Ответ: Если бы сразу на место катастрофы приехал инспектор и посмотрел, то увидел бы, что когда машина сходила с рельс, то ее сразу бросило вправо. Когда руль бросило вправо, я не думал, что спустила покрышка. В это время Малий хотел выброситься из кабины, но я его задержал. Поэтому я выпустил руль, так как хотел задержать Малий.

Вопрос: В выписке из акта технической комиссии сказано, что следы переднего колеса до въезда на тротуар не имеют признака спущенной шины, это, во-первых, а во-вторых, на камере правого переднего колеса обнаружен прорыв в форме языка, что дает основание заключить о сильном ударе о кромку поребрика тротуара. До этого момента камера неисправностей не имела, что подтверждает акт технической экспертизы. Из этого следует, что спустила правая покрышка только после того, как Вы резко повернули рулем и правое колесо резко ударилось о поребрик тротуара. В-третьих, мы имеем не прокол, а прорыв, а такой прорыв может быть только от удара. Значит, до поребрика тротуара покрышка повреждений не имела, как это и показала проверка. Кроме прорыва никаких неисправностей камера не имела. Экспертиза показала, что мостовая асфальтирована, имеет незначительный уклон к тротуару и была сухая. Следствие точно установило, что те объяснения, которые Вы даете, являются ложными и следствие имеет все основания полагать, что Вы рванули машину сознательно вправо и этим произвели аварию.

Ответ: Вы говорите, что покрышка могла лопнуть только от удара, но иногда бывает так, что и покрышка и не от удара рвется. Если бы был прокол, то воздух постепенно должен выходить и нашу машину тогда не занесло бы сразу вправо.

Вопрос: Вы пытаетесь доказать, что акт технической экспертизы не соответствует действительности и при этом Вы стараетесь опорочить материал следствия. Установлено точно, что машину занесло не потому, что была спущена покрышка. Следствие на основании всех собранных материалов считает, что покрышка не была спущена и что были совершенно другие обстоятельства, вызвавшие аварию. Теперь ответьте на вопрос: "Могло ли машину

занести направо потому, что было испорчено рулевое управление".

Ответ: Да, когда рулевое управление испорчено, то ясно, что машину могло занести.

Вопрос: Вы согласны, что машину могло занести вправо и оттого, что было испорчено рулевое управление. После того, как была спущена крышка и машина достаточно сильно ударила о стенку, то и после этого рулевое управление оказалось не испорченным. Таким образом, и эта причина отпадает. Отчего же все-таки машина вылетела на тротуар и ударила правой стороной о стенку? Можете ли Вы дать правдоподобное объяснение, если отпадает вопрос о спущенной камере и испорченном рулевом управлении, такое объяснение Вы дать не можете. Поэтому и на основании ряда других данных следствие исходит из того, что Вы сознательно повернули руль направо и вылетели на тротуар, разбили машину и убили человека, который там находился.

Ответ: Умышленно я этого не делал.

Вопрос: Кто дал Вам указание, чтобы разбить машину?

Ответ: Мне никто такие указания не давал...

Вопрос: Вы ехали на машине по сухой дороге, на исправной машине. Если крышка не спустила, рулевое управление не было испорчено, то что же могло привести к катастрофе, кроме сознательной воли. Вы скажите, зачем Вы это сделали?

Ответ: Заявляю, что авария произошла случайно, и я ее сознательно не организовывал.

Вопрос: Повторяю, Вы должны рассказать, в силу каких причин произошла катастрофа и кто поручил Вам это сделать?

Ответ: Я бы сказал Вам, если бы мне кто-нибудь дал такое поручение. Катастрофа произошла потому, что лопнула крышка.

Вопрос: Вы ударились машиной о стенку дома или же о водосточную трубу?

Ответ: У меня только подножка машины задела о стенку дома и дверка, которую открыл Малий, когда хотел выпрыгнуть из машины, а машина не ударила о стенку.

Вопрос: Если водосточную трубу машина задела только подножкой, то как это могло случиться, что сидящий в кузове был убит насмерть?

Ответ: Вначале машина шла впритирку к стене, но когда она потом пошла влево, то человек, который сидел на борту, мог удариться о стенку или о водосточную трубу. Точно я не видел, т.к. назад не смотрел.

Вопрос: Какие-либо другие причины катастрофы, кроме того, что Вы сознательно повернули машину на тротуар, следствие не видит. Вы же отказываетесь объяснить истинные причины аварии и даете путанные и лживые показания.

Ответ: Я не даю путанные показания, а показываю то, что произошло.

Вопрос: Вы заявляете, что катастрофа произошла от того, что крышка была спущена. Установлено, что не от этого произошла катастрофа и не от этого машину занесло на тротуар. Следствию ясно, что Вы сознательно повернули машину направо и ударились о поребрик тротуара, вследствие чего лопнула крышка, а вовсе не от того занесло машину, что лопнула крышка.

Ответ: Я сознательно этого не делал.

Вопрос: В этом Вам следствие не верит.

Ответ: Я умышленно катастрофы не делал".

(Дело № ОС-100807, том 24, л.д. 281-285).

13 декабря 1934 года шофер Кузин допрашивался Ежовым, Косаревым и Аграновым. Он подтвердил, что поехал в Смольный по предложению Малия, но цели поездки не знал, что Малий сидел с ним в кабине, а два других пассажира находились в кузове, что во время посадки "каждый из них влез в кузов совершенно самостоятельно" и он не помнит момента, чтобы "один

из них должен был втащить другого в кузов машины". Когда эти пассажиры "садились в кузов, то один из них сел на скамейку, а другой сел на правый борт", но как они сидели во время езды и в момент аварии, он не видел. Авария автомашины произошла, по словам Кузина, сразу же после того, как он проехал Потемкинскую улицу, машину "бросило вправо, выбросило на тротуар, машина прошла вплотную по стене дома", затем он выправил машину влево на мостовую, где и остановился. На вопрос о причине аварии Кузин ответил: "По-моему, авария произошла от того, что лопнула камера на правом переднем колесе". После аварии выскочивший ранее из машины Малий позвал его, Кузина. Он подбежал к кузову машины и увидел, что "один из тех двух товарищей, которые ехали в кузове, лежал в кузове, прислонившись спиной к правому борту, а голова его свешивалась за борт. Голова этого товарища была окровавлена. Это помню хорошо потому, что мне врезалось в память, что с головы и из носа этого товарища текла кровь, которая падала на панель и в кузов машины". Головного убора на пострадавшем не было и вскоре ему, Кузину, "кто-то из проходящих принес кепку раненого, которая валялась на тротуаре. Это было уже после того, как раненый был увезен на встречной машине". Был ли у пострадавшего поднят воротник пальто, когда он увидел его в кузове после аварии, Кузин, по его словам, не помнит. В конце допроса Кузину был поставлен следующий вопрос:

"Вы говорите, что катастрофа произошла потому, что лопнула камера. Это не соответствует действительности. Машина потерпела аварию потому, что Вы ее сознательно направили вправо, на стену дома. Скажите, зачем Вы это сделали? Кто Вам дал распоряжение о том, чтобы Вы организовали аварию?".

На этот вопрос Кузин ответил:

"Я сознательно аварию не организовывал. Авария произошла помимо моей воли. Никто мне не давал распоряжения о том, чтобы я организовал аварию. Если бы кто-нибудь дал бы мне такое распоряжение, то я бы этого не выполнил, а задержал бы этого человека. Если бы эта авария произошла в результате того, что я выполнял чье-то распоряжение, то я бы об этом рассказал следствию".

(Дело № ОС-100807, том 24, л.д. 293-295;
дело № 213635, том 3, л.д. 74-76).

Малий передопрашивался 7 декабря 1934 года Аграновым, Мироновым и Чертоком. Как и на предыдущем допросе, он показал, что указание о доставке Борисова в Смольный получил от Хвиюзова, Борисова нашел спящим на диване в кабинете Котомина без всякой охраны и поэтому считал, что Борисов не был на положении арестованного. Виноградова взял с собой по собственной инициативе после того, как Хвиюзов дал ему указание взять кого-либо из сотрудников Оперода для сопровождения Борисова, чтобы с последним "ничего не случилось". На грузовой машине повезли Борисова с разрешения Хвиюзова. Имелись ли свободные легковые машины не проверял и об отсутствии таковых сказал кто-то из сотрудников Оперода или Виноградов, или Козлов, или Максимов. Посадил Борисова в кузов вместе с Виноградовым, так как "был в полной уверенности, что с ним ничего не случится". Признал, что в данном случае поступил неправильно, ибо за доставку Борисова он отвечал лично.

Давая объяснения об обстоятельствах автоаварии, Малий показал, что перед аварией "движение по улице было незначительное", "дорога была сухая" и "ничего не мешало" их движению, ехали

"со скоростью километров 30-35", машина шла нормально. Когда переезжали Потемкинскую улицу, "шофер взял влево". Он вначале думал, что шофер это сделал для того, чтобы не наскочить на трамвай, но машина вдруг "резко завернула направо" и пошла под углом. Хотя он сам и умел управлять машиной, но в действия шофера не вмешивался. "Шофер не тормозил. Все это произошло в течение 2-3 секунд. В это время шофер крикнул: "Рулевое управление". Тут произошел сильный удар о стенку, посыпались стекла", и он почувствовал боль в ноге. У него почему-то сложилось впечатление, что "машина ударилась рикошетом, отскочила и пошла в сторону". Он видел, что "машина могла перевернуться в сторону и поэтому решил выскочить", но шофер, крикнув: "Рулевое управление", стал держать его "за рукав шинели". Несмотря на это, он "все-таки выпрыгнул, но неудачно, и упал на руки, быстро встал и побежал к машине", в кузове машины увидел, что "Виноградов держит на руках Борисова, у которого голова в крови, и он без кепи". После случившегося остановил проходившую машину и на ней отвезли Борисова в санчасть. Ехавший в этой легковой машине член Ленсовета, узнав в пострадавшем Борисова, сказал: "Опять несчастье". Перед отъездом с Борисовым, находившемся на месте происшествия "милиционеру поручил задержать" шофера Кузина с машиной. После доставки Борисова в санчасть пришел в кабинет Хвиюзова и доложил ему, что "машина разбилась, а Борисов ранен". В его присутствии Хвиюзов позвонил Завилову и сообщил о случившемся. По указанию Хвиюзова явился в приемную Медведя к Завилову, рассказал о случившемся ему,

а затем его подробно расспросил о катастрофе находившийся там Миронов. Оттуда по распоряжению Ягоды, как сообщил сопровождавший его заместитель начальника УНКВД Фомин, его направили в комендатуру, обезоружили и взяли под арест.

Далее Малию были поставлены вопросы о причинах аварии, о поведении шофера, о возможности умышленного совершения аварии и другие. Ниже приводятся вопросы следствия и ответы на них Малия:

"Вопрос: Как можете объяснить происшедшую катастрофу. Вы сказали, что умеете управлять машиной, так что вы должны знать, что катастрофа могла случиться, если бы дорога была мокрой, но мы знаем, что дорога была сухая. Вы говорите, что шофер в момент катастрофы крикнул: "Рулевое управление". Согласно акта технической экспертизы, рулевое управление было в полной исправности. Шофер также отрицает, что он в момент катастрофы говорил о рулевом управлении. Шофер объясняет катастрофу совершенно другими явлениями, ничего общего не имеющими с рулевым управлением.

Ответ: Прежде всего, я останавливаюсь на том, что я хорошо помню, что я слышал, что шофер до удара о стену крикнул: "Рулевое управление" и после этого машина ударилась о стену. Я катастрофу объясняю неисправностью рулевого управления и еще при первом допросе просил сделать тщательный осмотр машины. Я также допускаю мысль, что катастрофа произошла по причине поломки рессор на булыжниках и вследствие этого была потеря рулевого управления со стороны шофера, который, по-видимому, растерялся, но я считаю, что все-таки можно было катастрофу предупредить, если бы шофер применил ножной или ручной тормоз. Я виною шофера.

Вопрос: Ваши объяснения о причине катастрофы не дают точного объяснения. Шофер тоже говорит неточно, неправильно и неискренне. Между Вами и шофером имеется большое разногласие.

Я считаю, что катастрофа была сознательно организована. Вы сидели рядом с шофером, катастрофа могла произойти от того, что шофер рванул машину налево, а потом сильно направо. Что Вам дает основание думать, что шофер не направил сознательно машину на стену дома.

Ответ: Точно, здраво, с полной ответственностью за свои слова утверждаю следующее, что я ни в коем случае не могу допустить мысль о том, что здесь имела место умышленная авария. Я не сидел за рулем и не вмешивался в управление машиной, но утверждаю, что шофер или растерялся по причине неисправности машины, или потерял управление из-за растерянности. Я помню, что у шофера перед катастрофой был растерянный вид, он крикнул: "Рулевое управление" и удар о стенку был настолько сильный, что я удивляюсь, почему именно мы трое остались живы, а Борисов оказался жертвой несчастного случая. Я знаю, что шофер отвечает за всякую малейшую аварию с машиной и поэтому не допускаю мысли, чтобы он произвел эту аварию с умышленной целью.

Вопрос: Вы говорите, что шофер допустил ряд грубых ошибок, а он показывает, что не сумел справиться с рулевым управлением и выправить машину потому, что Вы хотели выскочить, поэтому он не сумел отвести машину от стенки. Шофер говорит, что еще до удара машины о стенку Вы хотели соскочить, а он хотел придержать Вас рукой и не мог выправить машину.

Ответ: Это неправильно.

Вопрос: Вы заявляете сейчас, что пытались выскочить из машины после того, как машина ударилась о стенку дома, так что это не могло отразиться на том, что шофер потерял из-за этого рулевое управление, что шофер держал руки на рулевом управлении и мог затормозить машину, а почему Вы не допускаете мысль о том, что шофер мог умышленно произвести катастрофу. Ведь это подтверждается тем, что, как Вы сами показываете, шофер сделал ряд ошибок.

Ответ: На мой взгляд, шофер умышленно произвести катастрофу не мог. Объясняю эту катастрофу неисправностью машины и тем, что шофер не успел затормозить. Я пытался выскочить из машины и действительно шофер держал меня за руку уже после удара о стену, отъехав метра 4, когда я видел, что шофер машину не тормозит, и мы можем перевернуться.

Вопрос: Машина разбилась при очень странных обстоятельствах. Ни Вы, ни шофер не можете дать четкого ответа, почему именно произошла катастрофа. До этого времени машина была в исправности и объяснять катастрофу тем, что машина была не в порядке, в этом будет очень мало вероят-

ного. Вы везли серьезного преступника, которого Вам доверили, его нужно было сохранить. Вместо того, чтобы сесть вместе с ним, Вы оставили его в кузове. Вы не можете дать четкого объяснения причин катастрофы. Следствие считает, что катастрофа произошла злонамеренно, и Вы к этому имеете прямое отношение.

Ответ: Во всяком случае, это только предположение. Заинтересованности в смерти Борисова у меня не могло быть. У шофера не могло быть никакой умышленной аварии, а то, что Борисов пострадал от этой катастрофы, то это случай, так как не ударились бы машина по вине шофера о стенку, не было бы случайно смерти Борисова. Заявление шофера о том, что он объясняет аварию моей попыткой выскочить из машины на ходу, является неверным. По всей вероятности, шофер старается этим оправдать аварию машины.

Вопрос: Вы объясняете, что катастрофа произошла случайно тем, что Вы не были заинтересованы в смерти Борисова. Эти доводы малоубедительные.

Ответ: Я прошу учесть, что заявление шофера является голословным".
(Дело № ОС-100807, том 24, л.д. 271-280).

Будучи допрошенным Ежовым, Косаревым и Аграновым 14 декабря 1934 года, Малий также подтвердил, что указание о доставке Борисова в Смольный ему дал Хвиюзов и Виноградова, в качестве сопровождающего, он взял по собственной инициативе. Борисов перед отправкой спал в кабинете начальника отделения Котомина. Когда кто-то из сотрудников Оперода - Максимов, Виноградов или Козлов сообщили об отсутствии свободных легковых машин и Максимов сказал, что имеется грузовик, Хвиюзов предложил везти Борисова на этой грузовой автомашине. Он сел с шофером, а Виноградов и Борисов - в кузов машины на скамейку. Когда проезжали Потемкинскую улицу, то "в том месте, где трамвайные рельсы образуют загиб, заворачивая с Потемкинской улицы на ул. Воинова, машину повернуло влево, выйдя на другую сторону рельс, затем машина резко повернула направо, вылетела на тротуар и правым бортом уда-

рилась о стену". До столкновения со стеной шофер крикнул: "Рулевое управление". После удара о стену машина "снова повернула налево и, сойдя с тротуара, остановилась на мостовой", до остановки прошла метров пятнадцать. Видя, что после столкновения со стеной машина не останавливается, он "открыл дверцу и выпрыгнул". Шофер попытался его задержать, схватив за левый рукав шинели, и в это время снова крикнул: "Рулевое управление". После остановки подбежал к машине и увидел, что "Борисов полулежит в кузове, спина его прислонена к борту кузова, а голова его находится немного выше уровня борта. Виноградов, который также был в кузове, стоял над Борисовым, поддерживая его. Из головы Борисова обильно текла кровь. Борисов был с обнаженной головой, без кепки", хотя в машину садился в кепке и, насколько помнит, с поднятым воротником пальто. Куда девался головной убор Борисова, не знает. На проходившей в это время по улице встречной легковой машине отвез Борисова в санчасть, перед отъездом "милиционеру, который тут же прибежал на место аварии, предложил задержать шофера и машину". О случившемся доложил Хвиюзову, а позднее - Миронову.

На вопрос о причинах катастрофы Малий ответил:

"В момент катастрофы я себе не мог составить ясного представления о причинах катастрофы, если не считать того, что шофер мне кричал о рулевом управлении. Если исходить из возгласов шофера о рулевом управлении, то отсюда надо сделать вывод, что авария произошла из-за неисправности рулевого управления".

Далее Малию был поставлен и такой вопрос:

"Вы говорите, что шофер в момент аварии кричал Вам о рулевом управлении. В процессе следствия шофер ава-

рию объясняет не порчей рулевого управления, а совершенно другой причиной. Следствие считает, что авария была организована сознательно и что это произошло не без Вашего в этом участия. Поэтому Вы не желаете вскрыть действительные причины аварии. Вы даете лживые и неправдоподобные объяснения, которые расходятся с тем, что говорит шофер машины. Признаете ли Вы, что эта авария была сознательно организована и что о том, чтобы организовать эту аварию Вы получили распоряжение от Хвиюзова, который послал Вас отвозить Борисова в Смольный".

На этот вопрос Малий ответил следующим образом:

"С самого начала следствия я даю правдивые показания. Авария не была организована и о том, чтобы организовать аварию я ни от кого никаких распоряжений не получал. Если бы авария была организована по распоряжению моего начальства, то я бы об этом сообщил следствию. Должен все же отметить, что если бы мне было предложено совершить аварию, то я бы от этого отказался, как от поступка антипартийного и античекистского".

(Дело № ОС-100807, том 24, л.д. 296-300; дело № 213635, том 3, л.д. 77-81).

10 декабря 1934 года Ежов, Косарев и Агранов передопросили Виноградова. Последний показал, что выехал в Смольный с Малием и Борисовым по предложению своего начальника Малия. С какой целью они выехали в Смольный ни Малий, ни Хвиюзов ему тогда не сказали. Перед поездкой Борисов находился в кабинете Котомина. Об отсутствии свободных легковых автомашин и наличии грузовика сообщил Максимов. Одновременно Максимов высказал мнение о возможности поездки в Смольный на грузовой машине и присутствовавший при разговоре Хвиюзов предложил ехать в Смольный на этой грузовой автомашине. Малий сел в кабину с шофером, а они с Борисовым - в кузов на скамейку, находившуюся у кабины, причем "Борисов сел ближе к правому борту", а он "почти посредине скамейки, ближе к левому борту". О том, что Борисов арестован, и они с Малием его сопровож-

дают, ему, Виноградову известно не было.

Дальнейший ход допроса Виноградова изложен в следующих вопросах и ответах:

Вопрос: Как произошла катастрофа?

Ответ: Машина вначале получила крен и направление влево. Затем машина резко повернула направо и врезалась в стену дома правым бортом. После этого машина снова повернула налево и примерно метров через 15 остановилась.

Вопрос: Вы говорите, что машина ударила правым бортом о стену дома. Что в это время произошло с Борисовым и Вами?

Ответ: Когда правый борт машины ударился о стену дома, то одновременно с этим и Борисов левой частью головы ударился о стену дома. Меня тоже мотнуло вправо, но я удержался, схватившись правой рукой за скамейку. После того, как Борисов ударился о стену дома, он снова упал в машину, но уже не на скамейку, а на пол кузова, точнее будет, что Борисов сел на пол кузова. После того, как Борисов сел, то голова у него стала склоняться набок, и он стал падать. В это время я его и подхватил.

Вопрос: Вы хорошо помните, что Вы видели, что Борисов ударился головой о стену дома?

Ответ: Да, я это хорошо видел.

Вопрос: Вы говорите, что Вы лично видели, как Борисов ударился левой частью головы о стену дома. Ваше показание не соответствует действительности. Подтверждается это следующим: 1. Является совершенно невероятным, чтобы Борисов мог с такой силой удариться головой о стену и от этого погибнуть, в то время, когда Вам, сидящим рядом с Борисовым, не было причинено никакого вреда и Вы даже не упали со скамейки; 2. Вы говорите, что сами видели и хорошо помните, что Борисов ударился левой частью головы о стену дома. Следствием установлено, что Борисов ударился не левой частью головы, а правой, значит и в этой части Ваши показания неправильны. Чем Вы это все объясняете?

Ответ: То, что Борисов ударился, а я нет, я объясняю тем, что: во-первых, Борисов ехал в полусонном состоянии, так что он не мог удержаться за скамейку, как это сделал я и, во-вторых, я сидел дальше от борта, чем Борисов. Что же касается того, как ударился Борисов, то я хорошо помню, что в то время, когда машина ударилась о стену и получила крен направо, то Борисов, сидевший спиной к ходу машины, был откинут на свою левую сторону и ударился левой частью головы. Ударился ли он еще как-нибудь, я не знаю и это объяснить не могу.

Вопрос: Было ли у Вас при себе оружие?

Ответ: Да, было.

Вопрос: Где оно находилось?

Ответ: Оружие находилось на ремне под ватной тужуркой.

Вопрос: Были ли в кузове машины какие-либо тяжелые предметы (бруски железа, куски дерева и т.п.)?

Ответ: Ничего подобного я в машине не видел.

Вопрос: Знаете ли Вы шофера машины, на которой Вы ехали?

Ответ: Нет, я его знаю только в лицо. Я с ним никогда близко не соприкасался.

Вопрос: Следствие имеет все данные о том, что Борисов погиб не в результате несчастного случая, а потому, что он был убит. Вы сидели вместе с Борисовым в кузове машины и должны знать все подробности смерти Борисова. Те показания, которые Вы сейчас даете - неправдивы и они не соответствуют действительности. Вы должны учесть, что только при условии откровенных и правдивых показаний Вы можете облегчить свое положение. Дадите ли Вы показания о действительной причине смерти Борисова и о Вашей роли в этом?

Ответ: Мои показания правдивы и полностью соответствуют действительности. Смерть Борисова - результат несчастного случая. Я в его смерти неповинен. Поэтому я и не могу изменить свои показания.

Вопрос: Правдивы ли Ваши показания о том, что Борисов, сидя рядом с Вами в машине, был живой, и он (Борисов) погиб только от того, что ударился головой о стену. Не было ли так, что Борисов в машину был посажен мертвым или в полумертвом состоянии и что в то время, когда Вы ехали вместе с Борисовым, Вы его поддерживали в сидячем положении - до момента аварии?

Ответ: Нет, этого не было. Борисов был жив и здоров. Садился он в машину сам. Погиб он в результате того, что ударился головой о стену".

(Дело № ОС-100807, том 24, л.д.286-290; дело № 213635, том 3, л.д. 82-86).

На следующий день, 11 декабря 1934 года Ежовым, Косаревым и Аграновым допрашивался постовой милиционер Крутиков, который показал, что автокатастрофа произошла на расстоянии 30-35 метров от него. Когда машина проезжала мимо, он заметил, что в кабине рядом с шофером сидел военный, а в кузове находились два человека. Как только машина прошла мимо него, "она свернула налево, затем тут же машина резко повернула вправо и вылетела на тротуар", ударилась "правым бортом о стену дома", более всего "задней частью правого борта", после чего она "взяла налево и выехала снова на мостовую. Пройдя после удара о стену метров 10-15, машина остановилась". Он сразу же, "самое большее, через минуту", подбежал к машине и "увидел, что тот гражданин, который сидел возле правого борта, лежит в кузове с разбитой головой. Другой гражданин, который сидел ближе к левому борту, тоже в это время был в кузове. В каком

он находился в положении в кузове, сидел ли на скамейке или лежал в кузове", он не помнит. У пострадавшего голова была окровавлена и "он не подавал никаких признаков жизни". Военный, сидевший с шофером, остановил проходившую легковую машину, на которую положили раненого, и вместе с гражданином, находившимся во время аварии в кузове, увезли его. Потерпевшая аварию машина и шофер остались на месте. Военный, увозя с пострадавшим, предложил ему, Крутикову, "задержать шофера и машину до приезда работников Отдела регулирования уличного движения", что им и было выполнено.

Как и другим допрошенным свидетелям, Крутикову ставился ряд вопросов, связанных с проверкой версии о возможности убийства Борисова сопровождавшими его сотрудниками. Оперода. В протоколе допроса Крутикова вопросы и его ответы изложены так:

Вопрос: Вы говорите, что машина ударила о стену дома и что после этого, когда Вы подбежали к кузову, то один из сидящих, тот, который сидел ближе к правой стороне, лежал в кузове с разбитой головой. Видели ли Вы, каким образом этот гражданин разбил себе голову?

Ответ: Нет, я этого точно не видел. Но у меня создалось такое впечатление, что этот гражданин разбил голову, благодаря тому, что он ударился головой о стену в то же время, когда машина ударила о стену дома...

Вопрос: Прошу вспомнить и точно ответить, кровь, которая текла по голове раненого, была свежая кровь или уже запекшаяся?

Ответ: Кровь была совершенно свежая. Я это хорошо помню, потому что испачкал кровью свою шинель...

Вопрос: Чем объяснял шофер причину катастрофы?

Ответ: Он объяснял это тем, что лопнула покрышка....

Вопрос: Вы говорите, что когда машина прошла мимо Вашего поста, то Вы хорошо видели, что в кузове машины сидело два человека. Твердо ли Вы уверены в том, что сидевшие в кузове граждане, в то время, когда они проезжали мимо Вашего поста, оба были живы?

Ответ: Да, я в этом твердо убежден....

Вопрос: Не заметили ли Вы того, что когда эти граждане проезжали мимо Вас, чтобы один из них поддерживал другого в сидячем положении?

Ответ: Нет, я этого не заметил.

Вопрос: Вы говорите, что Вы не видели, каким образом гражданин, сидевший в кузове, разбил себе голову. Объясняется ли это тем, что Вы в это время не смотрели на машину, или просто Вы не уловили этого момента?

Ответ: В это время, то есть в тот момент, когда машина потерпела аварию, я на нее смотрел. Объясняется это тем, что мое внимание было привлечено тем обстоятельством, что машину забросило влево. Как я уже показывал ранее, сейчас же за этим, машину забросило вправо и ударило о стену. В это время я наблюдал за машиной и так как расстояние было небольшое (30-35 метров), то я все хорошо видел. Все же я не уловил того момента, когда сидевший в кузове ударился головой о стену.

Вопрос: Вы говорите, что машина разбилась, отойдя от Вашего поста 30-35 метров, то есть, примерно, через

30-40 секунд. Не заметили ли Вы, чтобы за этот промежуток времени, или в самый момент аварии, один из сидевших набросился на другого, нанес ему удар или что-либо в этом роде?

Ответ: Нет, я этого не заметил.

Вопрос: Вы говорите, что Вы наблюдали за машиной. Как Вы думаете, если бы за этот промежуток времени, что прошел с того момента, как машина проехала мимо Вашего поста до момента аварии между сидевшими в машине произошла бы борьба или со стороны одного был бы применен какой-либо акт физического насилия в отношении другого - заметили бы Вы это?

Ответ: Я думаю, что если бы в кузове машины произошло что-либо подобное, то я бы это заметил, - во-первых, потому, что я наблюдал за машиной, во-вторых, потому что все это произошло на близком от меня расстоянии, в-третьих, потому что кузов был открытый.

Вопрос: Помните ли Вы следующие момент: когда эти граждане проезжали мимо Вашего поста, то был ли у кого либо из них поднят воротник пальто или у обоих воротники пальто были опущены?

Ответ: Я помню, что у одного из граждан воротник пальто был поднят.

Вопрос: У кого из двоих, где он сидел?

Ответ: У того, который сидел возле правого борта.

(Дело № 213635, том 3, л.д. 69-73).

Ежов, Косарев и Агранов передопросили 14 декабря 1934г. и начальника отделения Оперода Хвиюзова. Как и на допросе 4 декабря 1934 года последний показал, что распоряжение о доставке Борисова в Смольный он получил по телефону от Завиловича - оперативного секретаря начальника УНКВД, выполнить

это распоряжение поручил Малию, так как "считал, что для выполнения подобного поручения по своей квалификации" он "вполне подходит", кроме того, знал, что в отделении в это время не было более подходящих работников, так как "большинство сотрудников было в разгоне." После того, как Малий дважды доложил об отсутствии легковых машин и наличии свободной грузовой автомашины, он разрешил везти Борисова на этом грузовике. При посадке в машину он не присутствовал. Борисова в Смольный сопровождал вместе с Малием Виноградов, так как Завилович сообщил, что Борисов должен быть отправлен в сопровождении двух сотрудников. Выбор пал на Виноградова потому, что он являлся сотрудником его отделения и ему легче было послать человека из своего отделения, чем из чужого. Зачем вызывался Борисов в Смольный, он, Хвиюзов, точно не знал, но предполагал, что Борисова будут допрашивать об обстоятельствах, связанных с убийством Кирова. Об аварии машины доложил Малий, а он позвонил Завиловичу и по распоряжению последнего направил Малия в кабинет Медведя.

Хвиюзов подозревался в причастности к организации убийства Борисова, что видно из нижеследующих вопросов следствия и ответов Хвиюзова:

"Вопрос: Значит, выходит, что грузовую машину достал Малий помимо Вас и что Вы только санкционировали его поездку на этой машине. Не могло ли быть такого положения, что Вы заранее подготовили эту машину для тов. Малия и предложили ему, с самого начала, отправиться именно на этой машине?

Ответ: Нет, так это не было. После того, как Малий сказал мне, что нет легковых машин, а есть только грузовая, я ему разрешил на ней поехать, не видя другого выхода и желая быстрее выполнить распоряжение об отправке Борисова.

Вопрос: Повторяю вопрос. Вы хорошо помните, что Вами заранее не была заготовлена грузовая машина, на которой поехал Малий и что Вы заранее не договорились с шофером этой машины о том, что ему нужно будет отвезти Малия вместе с Борисовым в Смольный?

Ответ: Категорически, со всей ответственностью заявляю, что машину я не подготовил. Равно я не видел шофера этой машины...

Вопрос: В результате чего произошла авария машины, на которой ехал Борисов?

Ответ: Точно не знаю. Но то, что мне сообщил Малий, сводилось к тому, что машину закинуло, машина ударилась о стену и в результате этого был смертельно ранен Борисов.

Вопрос: Из Ваших показаний вытекает, что смерть Борисова явилась следствием несчастного случая. Не считаете ли Вы, что в данном случае произошло преднамеренное убийство Борисова?

Ответ: Я считаю, что смерть Борисова явилась результатом несчастного случая и не допускаю мысли, что убийство было преднамеренно организовано.

Вопрос: Не получили ли Вы указания о том, что нужно организовать убийство Борисова и не выполнили ли Вы это поручение, организовав аварию машины.

Ответ: Категорически заявляю, что этого не было. Никаких поручений о том, чтобы организовать убийство Борисова, мне никто не давал.

Вопрос: Вы говорите, что подобное поручение Вы не получали. Может быть, в разговоре с Котоминым, Губиным или с кем-либо другим был разговор о том, что было бы хорошо убить Борисова и Вами это было организовано в результате этого сговора или по своей собственной инициативе?

Ответ: Ни разговоров, ни тем более, сговора о том, чтобы убить Борисова, не было. Повторяю, что я убийство Борисова не организовывал и к смерти его не имею никакого отношения".

(Дело № ОС-100807, том 24, л.д. 301-304; дело № 213635, том 3, л.д. 65-68).

Кроме участия в передопросах свидетелей Ежов, Косарев и Агранов 12 декабря 1934 года вместе с членами экспертной комиссии профессорами Надеждиным и Добротворским и старшим инспектором по судебно-медицинской экспертизе Ленгор-здравотдела Ижевским выезжали на место аварии автомашины. В составленном об этом акте описываются повреждения на стене здания и на водосточной трубе, оставленные автомашиной (вдавленная борозда шириной в палец, глубоко отбитая штукатурка в нескольких местах, вмятины на водосточной трубе). Во время осмотра "на поддерживающей водосточную трубу вилке, на ближайшем к Потемкинской улице загибе этой вилки оказался обрывок ткани почти черного (серо-черного) цвета, длиной около восьми сантиметров и толщиной около трех-четырех миллиметров". На основании данных осмотра в акте были сделаны следующие выводы:

- "1. Автомашина в данном месте с силою ударила об угол простенка, прошла вдоль всего простенка и затем, отходя в сторону от стены, задела водосточную трубу:
2. Обнаруженное на вилке волокно могло принадлежать ткани пальто пострадавшего от аварии т. Борисова М.В.

Для окончательного установления тождества найденного обрывка ткани с тканью пальто пострадавшего Борисова обнаруженный обрывок вместе с куском пальто Борисова передаются для исследования в лабораторию при кафедре судебной медицины Военно-Медицинской Академии".

(Дело № 213635, том 3, л.д. 56-57).

12 декабря 1934г. упомянутые выше члены экспертной комиссии Надеждин, Добротворский и Ижевский в присутствии

сотрудника НКВД СССР Чертока произвели в здании Управления НКВД по Ленинградской области осмотр одежды покойного Борисова. Осмотру подверглись пальто, пиджак, жилет, брюки, рубашка, носки, ботинки, галоши, перчатки, галстук и кепка. При осмотре пальто обнаружено два разрыва ткани на спине и след прижатия сукна воротника к какому-то твердому шероховатому предмету, на воротнике, на левом рукаве и на бортах пальто - следы крови. Рубашка оказалась разорванной в нескольких местах, со следами крови спереди и на вороте; галстук - разрезан и в крови. Пиджак, жилет и брюки целы, но со следами крови. Кепка целая и чистая. В заключительной части акта осмотра одежды указывается:

"а) Нарушения целостности пальто, описанные в пункте 1, можно поставить в связь с осаднением в области левой лопатки, оказавшимся при осмотре трупа покойного (см. акт суд.мед. вскрытия).

б) Учитывая высоту верхнего края борта автомобиля над землей, нахождение обрывка ткани пальто на вилке, поддерживающей водосточную трубу (см. акт осмотра места происшествия) - можно считать, что обрывок ткани относится к разрыву пальто, описанному в пункте 2.

в) След от прижатия ткани на наружной части воротника, описанный в п.3, можно поставить в связь с повреждением правой части черепа на трупе покойного (см. акт суд.-мед. вскрытия), т.е. повреждение черепа получено ушибом через воротник.

г) Помарки кровью пальто и прочей одежды можно поставить в связь с кровотечением из ушей и ноздрей покойного. Имеется основание заключить, что в момент получения повреждений покойный имел поднятый воротник, а пальто застегнуто на правую сторону".

(Дело № 213635, том 3, л.д. 58-61).

На следующий день, т.е. 13 декабря 1934 года профессор судебной медицины Надеждин на основании, как указывается в акте, решения комиссии экспертов произвел сличение обрывка

суконной ткани, найденной при осмотре места происшествия на водосточной трубе, с пробой ткани из пальто покойного Борисова. В акте отмечено, что перед исследованием кусочки ткани помещались в раствор глицерина и исследовались под микроскопом при простом освещении, а затем в поляризованном свете. Во всех случаях получены сходные результаты. В акте исследования дано следующее заключение:

"На основании выполненных исследований заключаю, что обрывок ткани, оказавшийся на крючке водосточной трубы, по своим свойствам имеет сходство с тканью сукна из пальто покойного, в каковое он был одет в момент аварии автомобиля".

(Дело № 213635, том 3, л.д.63-64).

Члены экспертной комиссии Надеждин, Добротворский и Ижевский в присутствии Чертока 12 декабря 1934 года в гараже УНКВД осмотрели потерпевший аварию грузовой автомобиль. В акте указывается, что при осмотре автомобиля обнаружено следующее:

1. Доска для сидения в кузове грузовика автомобиля оказалась расположенной у задней стенки кабинки шофера; доска для сидения узкая - около пятнадцати сантиметров шириною;

2. Затвор откидного борта справа и спереди оказался отогнутым назад; подобный же затвор справа и сзади оказался также отогнутым назад и испачканным следами штукатурки; ниже этого затвора расположенные вертикально болты оказались также испачканными отвалившейся штукатуркой;

3. Стекла правой дверцы кабины выбиты, на дверце след удара (вдавление). Несколько осколков стекла найдены на полу кузова автомобиля, причем, на одном из осколков найдены засохшие помарки крови. На полу кузова около правого борта видны затертые, замывные следы крови.

На основании изложенного можно заключить: 1. Удар автомобиля действительно произошел правым бортом и со значительной силой;

2. Если покойный Борисов в момент удара находился на указанной выше скамейке, вблизи правого борта кузова автомобиля, то вследствие узости скамейки и при отсут-

ствии опоры, положение его не могло быть устойчивым".

(Дело № 213635, том 3, л.д.62).

После осмотров места происшествия, автомашины, одежды покойного и сличения обрывка ткани, обнаруженного на месте аварии с тканью пальто Борисова, судебно-медицинские эксперты Надеждин, Добротворский и Ижевский 13 декабря 1934 года составили документ под названием "Заключение о причинах смерти Борисова М.В.". В этом документе они подробно излагают данные вскрытия трупа Борисова, сопоставляют их с результатами осмотров места происшествия, автомашины и одежды покойного. Так, в заключении отмечается наличие множественных переломов костей и основания черепа преимущественно справа и в меньшей степени слева, говорится, что "сознание покойный потерял непосредственно после травмы черепа", но смерть наступила не сразу, а по истечении некоторого времени "вероятно, не более 10 минут" и указывается, что сила удара "действовала в направлении сзади-наперед и справа-налево, с преимущественным уклоном в правую нижнюю часть черепа", т.е. в момент повреждения головы покойный "находился к стене спиной, с головою, слегка повернутой вправо".

Осаждение кожных покровов с левой стороны головы, в левой надлопаточной области и правого бедра, обнаруженные при вскрытии трупа Борисова, говорится в заключении, могли "произойти от самоушибов при падении в кузов автомобиля и по своим свойствам, повреждения эти, не могли оказать какого-либо влияния на смертельный исход или ускорение этого исхода". Далее в заключении указывается, что "расположение кровяных пятен на пальто покойного, отпечаток прижатия о какой-то шероховатый предмет

на суконной подкладке мехового воротника" говорят о том, что "покойный имел пальто застегнутое на правый борт и у него был приподнят воротник. Это последнее обстоятельство, смягчая до некоторой степени силу удара, могло лишь защитить кожные покровы от нарушений их целостности или осаднения, но не могло защитить голову от перелома костей черепа при той силе удара, с какой была нанесена в данном случае травма головы". В "Заключении" делаются ссылки на материалы расследования по вопросу о местонахождении Борисова в момент аварии, об обстоятельствах аварии, на значительную скорость машины и крутые повороты ее перед аварией. "Заключительная часть документа изложена следующим образом:

"Все эти данные дают право утверждать, что покойный получил повреждение черепа от сильного удара головой о стену дома или об угол кабины.

Сопоставляя все вышеуказанные данные с характером обнаруженных при вскрытии трупа повреждений и учитывая отсутствие на теле признаков борьбы, самозащиты, а также следов насильственных действий от посторонней руки, следует признать, что в данном случае причиной смерти Борисова М.В. является несчастный случай при аварии автомобиля".

(Дело № 213635, том 3, л.д. 53-55).

В середине декабря 1934 года бывшим заместителем Особополномоченного НКВД СССР Бердичевским были допрошены упоминавшиеся ранее сотрудники Оперода УНКВД Л.О. Козлов и Шилкин, давшие показания об обстоятельствах, связанных с отправкой Борисова в Смольный, тогда же Черток допросил шофера Чоповского-сменщика Кузина, который показал, что Кузин при заступлении на работу 2 декабря 1934 года машину не осматривал, так как он сказал Кузину, что машина в порядке и предупредил его о том,

что в рессоре сломан один верхний наборный лист. Как показал Чоповский, сообщая об этой неисправности рессоры, он сказал Кузину, что "стремянки подтянуты и что на машине можно вполне ездить, если соблюдать осторожность, то-есть, не ездить с повышенной скоростью". Кузин с ним согласился и сказал, что заменит рессору, днем, когда бывает меньше работы. Во время этого разговора Кузина вызвал нарядчик и предложил ему ехать в отдел. На вопрос, почему не отмечено в сдаточной ведомости о неисправности рессоры, Чоповский ответил: "Машина была в порядке, если не считать рессоры. Так как я об этом устно сообщил своему сменщику Кузину, то я считал, что об этом можно не писать. ~~Признаю, что об этом можно не писать.~~ Признаю, что я допустил ошибку тем, что я об этом не указал в сдаточной ведомости". (Дело № ОС-100807, том 24, л.д. 291-292; 306-307; 310-311).

В третьем томе архивного уголовного дела № 213635 в отдельном пакете (л.д. 39-44) хранятся шесть фотографий места автомобильного происшествия на улице Воинова. Размер фотографий 23х17,5см., когда они изготовлены, неизвестно, пометок об этом на фотографиях нет и в имеющихся материалах упоминаний об этих фотоснимках не имеется.

В том же томе подшиты две отпечатанных на машинке, никем не заверенных копии документа, озаглавленного: "Заключение по делу о смерти комиссара Оперода УГБ УНКВД по Ленинградской области Борисова Михаила Васильевича" и также никем не заверенная копия документа под названием: "Предложение по делу бывших сотрудников Управления НКВД СССР по Ленинградской области". Оба документа датированы январем 1935 года, первый составлен в Ленинграде, второй -

в Москве. Фамилии лиц, которые должны были подписать или подписали эти документы, на упомянутых копиях не напечатаны.

В "Заключении" подробно излагаются показания свидетелей об обстоятельствах, предшествовавших отправке Борисова в Смольный, о выезде машины с Борисовым, об обстановке, в которой произошла авария и погиб Борисов, широко приводятся данные судебно-медицинского исследования трупа Борисова, заключение технической экспертизы о состоянии машины и причинах аварии, акты осмотров места происшествия, одежды, автомашины и другие документы. В конце "Заключения" говорится, что:

"На основании изложенных выше данных расследования и экспертизы приходим к следующему заключению:
1. Смерть сотрудника Оперода Борисова последовала вследствие несчастного случая во время аварии автомобиля.
2. Сотрудники Оперода: Хвиюзов..., Малий..., Виноградов.... - виновны в халатности, выразившейся в нечетком исполнении оперативного приказа.
3. Шофер Кузин... - виновен в халатности, выразившейся в том, что выехал 2 декабря 1934г. на неисправной машине, не осмотрев ее предварительно" (л.д. 31-38, 45-52).

В документе под названием "Предложение" перечисляются фамилии сотрудников Управления НКВД по Ленинградской области в количестве 15 человек, подлежащих привлечению к ответственности. Из них 11 человек предлагалось отдать под суд в связи с убийством Кирова и 4-х человек - Хвиюзова, Малия, Виноградова и шофера Кузина "за халатное отношение к выполнению срочного оперативного приказа, что привело к аварии грузовой машины и смерти комиссара Оперода Борисова, охранявшего т. Кирова, - наказать в административном порядке" (л.д. 87-90).

Как проходило расследование обстоятельств гибели оперкомиссара Борисова и разрешался вопрос об ответственности сот-

рудников УНКВД по Ленинградской области, арестовывавшихся по этому делу, рассказал Агранов в своем докладе на оперативном совещании НКВД СССР 3 февраля 1935 года. Упомянув в докладе об аварии автомашины, во время которой погиб Борисов, он сказал:

"Гибель Борисова была совершенно необычной и вызывала естественные подозрения.

Нам сначала было страшно трудно установить с точностью действительную причину его смерти. Мы досконально проверили все обстоятельства смерти Борисова.

Когда машина, на которой ехал Борисов, направлялась в Смольный, Борисов и комиссар Виноградов сидели на грузовике, на скамейке спиной к ходу машины; оперуполномоченный Малий сидел в кабине рядом с шофером.

Машина, сделав неожиданный рывок на мостовой влево, вслед за тем забрала вправо, выскочила на тротуар, задев правым бортом о стену дома, и обратно съехала на мостовую.

Борисов, сидевший на левом борту машины в момент столкновения, естественно, мог стукнуться о стену левой частью черепа. А между тем, удар пришелся по правой части черепа.

Мы все были в тупике. Вместе с т.т. Ежовым и Косаревым и группой крупных судебных экспертов-хирургов мы выезжали на место катастрофы и здесь через 14 дней после смерти Борисова, мы на водопроводной трубе обнаружили обрывки материи с пальто Борисова, которые были проверены лабораторным путем...

В итоге мы установили, что в данном случае имел место совершенно исключительный, необычный по стечению обстоятельств несчастный случай".

(Материалы проверки 1961 года, том 2, л.д. 66-67).

К архивному уголовному делу о террористическом акте над Кировым приобщены некоторые подлинники и копии донесений Агранова в адрес Сталина и Ягоды о ходе расследования этого дела. В отдельных донесениях имеются упоминания и о расследовании дела об аварии автомашины и гибели оперкомиссара Борисова.

Так, в донесении от 4 декабря 1934 года сообщалось:

"1. Сейчас в Военно-Медицинской Академии производится судебно-медицинское вскрытие тупа Борисова. Вскрытие производят профессор Надеждин - судебный медик Медицинской Академии, профессор Добротворский - хирург Медицинской Академии, доктор Ижевский - областной судебно-

~~медицинское вскрытие трупа Борисова. Вскрытие производят профессор Надеждин - судебный медик Медицинской Академии, профессор Добротворский - хирург Медицинской Академии, доктор Илевский - областной судебно-медицинский эксперт, доктор Розанов - судебно-медицинский эксперт. Вскрытие производится в присутствии работника Наркомвнудела СССР Агас. О результатах вскрытия сообщу дополнительно".~~

В донесении от 5 декабря Агранов писал:

" 9. Комиссия судебно-медицинской экспертизы (фамилии названы в сообщении от 4.XII. с.г.) в своем заключении о причинах смерти Борисова установила, что "смерть Борисова является несчастным случаем в связи с автомобильной катастрофой". Копии акта и заключение сегодня будут Вам высланы. Допросы по делу о смерти Борисова продолжают усиленным темпом. О ходе следствия сообщу дополнительно".

В тот же день, 5 декабря 1934 года, копии акта и заключения судебно-медицинской экспертизы были направлены Сталину и Ягоде.

II декабря 1934 года Агранов, представляя Сталину и Ягоде донесение о ходе следствия по делу об убийстве Кирова, указал в этом донесении: "По делу о смерти Борисова арестован начальник 3 отделения Оперативного отдела Управления НКВД Ленинградской области Хвиюзов, который выполнял распоряжение об отправке Борисова в Смольный". (Дело № ОС-100807, том 25, л.д. 9, 58, 59 и 125).

В томе № 32 того же дела (л.д. 4) имеется отпечатанный на машинке "План дальнейшей работы". В пункте I этого плана записано: "Направление следствия по к.р. зиновьевской организации: а) Московский центр, б) Ленинградская организация". В пункте 2 - "Дело о смерти Борисова". Далее перечисляются дела на родственников террориста Николаева, дело на работников Оперода и т.д. Кем и когда составлен "План", неизвестно, так как подписей и даты на этом документе нет.

Расследование дела об обстоятельствах гибели Борисова находилось на личном контроле у Ежова. Об этом свидетельствуют его

записи в личной записной книжке. То, что записи сделаны Ежовым подтверждено заключением графической экспертизы от 17 апреля 1963 года.

В записной книжке на странице 538 Ежовым написано: "Катастрофа с Борисовым", на следующем листе стоит дата "10.XII.34г." и перечислены фамилии: Войтас, Крутиков, Якунин, Кузин с кратким изложением известных им обстоятельств, относящихся к гибели Борисова. Последующий лист - без порядкового номера, на нем записаны фамилии Малия и Хвиюзова, под фамилией Малия указано время начала его службы в органах ОГПУ, время вступления в ВЛКСМ и в партию, под фамилией Хвиюзова никаких пометок нет. На странице 548 имеется запись: "Т.Сталину." На этой и на последующих двух страницах перечисляются вопросы и дела, возникшие в ходе расследования дела об убийстве Кирова. В числе их под порядковым номером 10 записано: "Борисов". На странице 560 сделана запись следующего содержания: "План до 3.I.35..."

... 2. Дело Борисова.

- а) Обоснование факта смерти.
- б) Постановка охраны К.
- в) Меры наказания сотрудникам.."

(Архив ЦК КПСС, Общий отдел, 6-й сектор, личный архив Ежова).

- е) Краткие сведения о лицах, подвергавшихся аресту в декабре 1934 года в связи с аварией автомашины и гибелью оперкомиссара Борисова.

Как уже говорилось ранее, в процессе расследования причин аварии автомашины и гибели оперкомиссара Борисова арестовывались шофер Кузин и сотрудники Оперода УНКВД по Ленинградской области

Хвиюзов, Малий и Виноградов. В материалах расследования того периода времени о них имеются следующие данные:

1. Кузин Василий Михайлович, 1908 года рождения, уроженец деревни Орля, Севского района, Орловской области, русский, с низшим образованием, член ВЛКСМ с 1928 года, кандидат в члены ВКП(б) с 1932 года, в Ленинграде проживал с 1925 года и до 1930 года работал трубочистом, в 1929 году окончил курсы шоферов "Техмасс", с 1930 г. по 1932 г. служил в Красной Армии, в автоброневом дивизионе в Средней Азии, в УНКВД по Ленинградской области работал шофером с начала 1933 года, имел 2-й разряд. Под следствием и судом ранее не был.

2. Малий Дмитрий Зиновьевич, 1904 года рождения, уроженец города Севастополя, русский, с образованием 7 классов, член ВКП(б) с 1928 года, женат, в органах ОГПУ-НКВД служил с 1922 года, вначале - на оперативной работе в Севастополе, а с октября 1926 года - в Опероде III ОГПУ-УНКВД по Ленинградской области, в декабре 1934 года занимал должность оперуполномоченного, по работе характеризовался в основном положительно, но в 1932 году арестовывался в дисциплинарном порядке на 7 суток за появление в нетрезвом виде и дебош, а в 1933 г. имел выговор за халатность по работе. В личном деле имеется пометка, что оба эти взыскания сняты, когда именно, не указано. Под следствием и судом ранее не был.

3. Виноградов Николай Иванович, 1906 года рождения, уродонец деревни Сурское, Палканского района, Ивановской области, русский, со средним образованием, в ВЛКСМ состоял с 1926 года, кандидат в члены ВКП(б) с 1931 года, женат, с 1928г. по 1933 год служил в Красной Армии, в органах ОГПУ-НКВД с октября 1933 года, в декабре 1933 года занимал должность уполномоченного Оперода УНКВД по Ленинградской области. Под следствием и судом ранее не был.

4. Хвиюзов Петр Александрович, 1902 года рождения, уроженец гор. Ленинграда, русский, со средним образованием, член ВКП(б) с 1920 года, женат, в Красной Армии служил с 1919 года по 1920 год, в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД с 1920 года, ~~в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД с 1920 года~~, в декабре 1934 года - начальник 3 отделения Оперода УГБ УНКВД по Ленинградской области. Под следствием и судом ранее не был.

ОБСТАНОВКА ГИБЕЛИ БОРИСОВА ПО МАТЕРИАЛАМ1937-1938 годов.

Несмотря на то, что в 1934-1935 годах причины автоаварии и обстоятельства смерти Борисова расследовались, было признано, что смерть Борисова является результатом несчастного случая и Малий, Виноградов, Хвиюзов и шофер Кузин были наказаны за допущенную при доставке Борисова халатность в дисциплинарном порядке, органы НКВД в 1937 году вновь подняли вопрос о гибели Борисова. В связи с этим 5 июня 1937 года были арестованы сопровождавшие Борисова в Смольный сотрудники Оперода УНКВД по Ленинградской области Малий и Виноградов, а также бывший секретарь Оперода Максимов. 8 июня арестовали бывшего шофера оперода Кузина, а 11 июня - бывшего начальника отделения Оперода Хвиюзова. К моменту ареста Малий продолжал работать оперуполномоченным I отдела (б.Оперод) в УНКВД по Ленинградской области, Виноградов работал начальником паспортного стола I3 отделения милиции города Ленинграда, куда был переведен из Оперода в 1936 году, Максимов с марта 1936 года занимал должность начальника транспортной группы Отдела мест заключения УНКВД по Ленинградской области. Кузин в 1935 году из органов НКВД был уволен и перед арестом работал в гражданских учреждениях, Хвиюзов с 1935 года до дня ареста работал начальником АХО УНКВД по Оренбургской области.

Всем арестованным предъявили обвинение в том, что они являлись участниками контрреволюционной троцкистско-зиновьевской

организации. Затем, в ходе следствия все они, кроме Кузина, были обвинены в принадлежности к контрреволюционной террористической организации, по заданию которой совершили убийство оперкомиссара Борисова.

К архивному уголовному делу на Малия приобщены копии протоколов Кузина от 16 и 29 июня 1937 года. На допросе 16 июня 1937г. Кузин вначале заявил, что никакого задания об умышленном совершении аварии автомашины он ни от кого не получал, но затем на поставленный следствием вопрос: "Ваше заpiresательство на следствии ни к чему не приведет. Следствие располагает данными, что Вы это задание получили и его выполнили. Прекратите заpiresательство и говорите правду" Кузин ответил: "Я решил прекратить заpiresательство и дам следствию правдивые показания о действительной причине аварии автомашины 2-го декабря 1934г." - Далее он показал:

"2-го декабря 1934г. от помощника дежурного Оперода, фамилию его я не знаю, я получил распоряжение ехать в Смольный, отвезти туда сотрудников Оперода т.Малия, Виноградова и Борисова. Это распоряжение я получил в помещении Красного уголка Оперода в здании УНКВД. Получив это распоряжение, я переспросил у него, чье это распоряжение. Помощник дежурного мне ответил, что это распоряжение начальства. После этого я вышел к машине, а через несколько минут к машине вышли - Малий, Виноградов и Борисов.

Малий сел в кабинку рядом со мной, Борисову он приказал сесть на правый борт кузова машины, а Виноградов разместился в центре машины на скамейке.

Услышав, что Борисову приказано сесть на правый борт кузова машины, я предупредил Борисова и Виноградова, чтобы они не садились на борт машины, однако они остались сидеть на своих прежних местах.

Сидящий со мной в кабине Малий приказал мне быстро ехать в Смольный. Я дал автомашине быстрый ход. По дороге, когда кто-либо переходил улицу, Малий приказывал мне не сворачивать автомашину, а давить этих переходящих. Это же приказание я получил от Малия и в отношении милиционера-регулирующего уличного движения на ул. Воинова и пр. Чернышевского. Однако я этих распоряжений Малия не выполнил.

Продолжая свой путь к Смольному с большой скоростью,

после того, когда я не выполнил эти первые приказания Малия, он - Малий, на полном ходу правой рукой открыл дверку автомашины, а левой рукой ухватился за рулевое управление и быстро повернул его вправо. Машина резко повернула вправо, я схватил Малия правой рукой за шинель и в это время окончательно потерял рулевое управление.

Видя, что автомашина со всего хода взошла на панель и быстро движется в стену дома, я бросил держать Малия, обеими руками ухватился за рулевое управление и резко повернул его влево.

В результате о стену дома машина не получила большого удара, а только зацепила дверкой кабины, в которой разбилось стекло.

Когда я вышел из машины, Борисов был мертв, лежал в кузове машины.

Таким образом, авария произошла не потому, что была неисправна машина, как я показывал об этом в 1934 году, а по прямой вине Малия, который на очень быстром ходу выхватил у меня рулевое управление, повернул машину вправо, чем и привел эту машину к аварии и убийству Борисова."

По показаниям Кузина, на следствии в декабре 1934 года он не дал правдивых показаний потому, что "боялся ответственности и не хотел давать показания о Малии, который являлся основным виновником аварии и убийства Борисова". После того, как был убит Борисов, ему, как показал Кузин, было приказано Малием "говорить на следствии только о том, что авария автомашины произошла вследствие ее неисправности", иначе, говорил Малий, "за убийство Борисова ты будешь отвечать". Поэтому он "и давал на следствии в декабре 1934г. ложные показания по этому делу". До поездки в Смольный он знал Малия, как сотрудника, в лицо, после аварии машины виделся с ним в январе 1935 года, в день освобождения их из-под стражи.

Тогда они все вместе - он, Хвиюзов, Малий и Виноградов вышли из кабинета Агранова. Хвиюзов стал говорить, что они освобождены только благодаря ему, что если бы не он, то им всем пришлось бы сидеть. Во время этого разговора оскорбительно обозвал его и сказал: "Если бы не такой шофер, нам вообще сидеть и не пришлось бы".

29 июня 1937 года Кузин был вновь допрошен и на поставленные ему вопросы дал следующие ответы:

"Вопросы: Дайте дополнительные показания об обстоятельствах убийства оперативного комиссара Борисова 2-го декабря 1934г.?"

Ответ: В дополнение к моим показаниям от 16 июня с.г. о действительной причине аварии автомашины и убийства оперативного комиссара Борисова я утверждаю, что Борисов убит Виноградовым и Малий.

Вопрос: Чем Вы можете подтвердить, что Малий и Виноградов убили Борисова?

Ответ: Это я могу подтвердить тем, что:

1. быстрота движения автомашины у самой стены в момент аварии была незначительной, это ни в коем случае не могло вызвать смертельного удара сидящих в машине о стенку дома при любом их положении в машине в момент аварии;

2. сидевший рядом со мной Малий, как только остановилась машина, молниеносно бросился в кузов автомашины, где были Борисов и Виноградов;

3. немедленно после аварии, когда я еще находился в кабине машины, я слышал в кузове машины глухой удар, после чего сидевший там Виноградов выбросился из кузова автомашины, и в кузове остался после этого только Малий;

4. когда я зашел в кузов автомашины, Борисов уже был полумертв, и я видел, что у Борисова шла кровь с правой стороны головы, в то время, когда удар от аварии машины он мог получить только с левой стороны головы - и

5. после того, когда Борисов был увезен Малием и Виноградовым, я, оставшись возле машины, осмотрел место стенки дома и водосточной трубы, о которые мог удариться Борисов. На этих местах я не обнаружил каких-либо следов, подтверждающих, что удар о них мог быть смертельным. Крови, остатков головного убора на водосточной трубе не было. Водосточная труба только слегка была помята.

Я утверждаю, что причиной смерти Борисова является не авария, а прямое его убийство Виноградовым и Малием...

Вопрос: Вам часто приходилось возить оперативных работников на грузовой автомашине в Смольный?

Ответ: В Смольный, за исключением этого случая, я никогда не возил кого-бы то ни было на грузовой автомашине.

Вопрос: Были ли свободными легковые автомашины оперативного отдела, на которых можно было доставить Малия, Борисова и Виноградова в Смольный?

Ответ: Со слов шофера оперативного отдела Васильева (шофер Бенюка), приехавшего на легковой автомашине на место аварии через 7-10 минут после аварии, мне известно, что в гараже в это время были легковые автомашины, в частности, его автомашина, на которой он работал. Васильев, узнав от меня, что в результате аварии погиб Борисов, удивлялся - почему его везли в Смольный на грузовой машине в то время, когда были свободными легковые автомашины".

На очной ставке с Малием 2 июля 1937 года Кузин показал, что авария автомашины произошла только потому, что во время движения сидевший с ним в кабине Малий при пересечении трамвайных путей, идущих с Потемкинской улицы на улицу Воинова выхватил у него "рулевое управление и резко повернул автомашину вправо, пытаясь одновременно на ходу выброситься из автомашины". Вследствие этого он "временно потерял рулевое управление, что и привело к аварии..." До аварии, как показал Кузин, машина шла нормально. Когда машина повернула на панель и двигалась к стене дома, он "бросил Малия и обеими руками повернул машину влево. Машина зацепила открытой дверкой кабины о стенку дома, в результате чего в дверке было разбито стекло. Когда еще машина не остановилась, двигаясь на некотором расстоянии параллельно стенке дома... Малий выбросился из автомашины и немедленно бросился в ку-

зов автомашины, где находились Виноградов и Борисов". Через несколько секунд, находясь еще в кабине, он "слышал в кузове машины глухой удар, после чего находившийся в кузове машины Виноградов выбросился из машины и куда-то скрылся". Остановив машину и выйдя из кабины, Кузин, по его словам, стал осматривать машину. В это время Малий подозвал его к кузову. Он пошел и там "увидел Борисова, лежащего на полу, у которого с правой стороны головы шла кровь. Было видно, что Борисов был мертв". Он вскрикнул: "Борисов убит", но Малий его успокоил, сказав: "Говори, что он убит в результате аварии автомашины, в противном случае ты будешь отвечать за убийство Борисова". Со своей стороны Малий обещал также сказать, что Борисов погиб в результате аварии. Через некоторое время появился Виноградов, была остановлена проходившая легковая машина, на которой Малий и Виноградов увезли Борисова в здание УНКВД.
(Архивное уголовное дело № 260512, том I, л.д. 28-34, 36-38).

Как видно из материалов уголовного дела, Малий допрашивался 2 и 8 июня 1937 года и на очных ставках с Кузиным - 2 июля и с Виноградовым - 8 июля того же года.

На допросе 2 июля 1937 года у Малия выяснилось, почему 2 декабря 1934 года он явился на работу в военной форме и было ли совещание в кабинете Хвиюзова 1 декабря 1934 года. Малий показал, что он не помнит, было ли совещание у Хвиюзова, а на работу 1 декабря в военной форме он явился по указанию Хвиюзова. Ставились ли Малию другие вопросы, из протокола допроса видно.

Ввиду того, что Малий отрицал сам факт убийства Борисова

и предъявлявшееся ему обвинение в этом, ему 2 июня 1937г. была дана очная ставка с Кузиным. На очной ставке Малию ставились следующие вопросы:

"Вопрос: Показаниями обвиняемого Кузина Вы изображаетесь в убийстве 2-го декабря 1934 года оперативного комиссара Борисова. Давайте по этому вопросу показания.

Ответ: Оперативного комиссара Борисова я не убивал. Борисов убит во время аварии автомашины.

Вопрос: Показаниями обвиняемого Кузина Вы изображаетесь, что Вы умышленно сделали аварию автомашины и, пользуясь этим, убили Борисова.

Ответ: К аварии автомашины я никакого отношения не имел.

Вопрос: От кого Вы получили приказание ехать в Смольный с Борисовым?

Ответ: Приказание - доставить Борисова в Смольный я получил от начальника 3-го отделения Оперода Хвиюзова.

Вопрос: Он сказал, на какой автомашине ехать в Смольный?

Ответ: После того, когда секретарь Оперода, к которому я обращался за машиной для этой поездки в Смольный, сказал, что нужно ехать на грузовой автомашине, я обратился к Хвиюзову с вопросом, что есть только грузовая автомашина, можно ли ехать. Хвиюзов заявил, что нужно ехать на грузовой автомашине...

Вопрос: Показаниями обвиняемого Кузина Вы изображаетесь в том, что Вы умышленно сделали аварию автомашины. Давайте показания, зачем Вы вырывали у Кузина рулевое управление?

Ответ: Рулевого управления у Кузина я не вырывал и задания на этот счет ни от кого не получал. Я должен признать, что, действительно, во время движения автомашины у меня была попытка выброситься из автомашины, и с этой целью я открыл дверцу кабинки автомашины. Из автомашины я не выбросился только потому, что меня удержал шофер Кузин.

Вопрос: Что Вас заставило выбрасываться из автомашины в то время, когда автомашина шла нормально?

Ответ: Машина сделала зигзаг. Я, предвидя аварию автомашины и желая себя спасти, хотел выброситься из автомашины.

Заявление об. Кузина: Я заявляю, что Малий пытался выброситься из автомашины после того, когда он резко повернул машину вправо и делал это преднамеренно, желая вызвать аварию.

Ответ Малия: Заявление Кузина я отвергаю.

Вопрос к обвин. Малию: Вы лжете, Вы выхватили рулевое управление у шофера Кузина для того, чтобы сделать аварию.

Ответ: Рулевого управления у Кузина я не вырывал...

Вопрос: Почему Вы, когда еще не остановилась машина, на ходу взошли в кузов к Виноградову и Борисову?

Ответ: Я, действительно, на ходу автомашины вышел из кабины автомашины и взошел в кузов машины. Делал я это потому, что хотел посмотреть, что стало с Виноградовым и Борисовым. Уточняю, что я в кузов автомашины не взошел, а подошел".

7 июля 1937 года Малий был допрошен на очной ставке с Виноградовым и дал такие показания:

Вопрос: Показаниями обв. Виноградова Вы изобличаетесь в принадлежности к контрреволюционной группе. Признаете ли Вы себя в этом виновным?

Ответ: Никогда, ни к какой контрреволюционной группе я не принадлежал и никого из участников этой группы не знаю.

Вопрос: Показаниями обвин. Виноградова Вы также изобличаетесь в том, что принимали участие в нелегальном совещании участников вашей контрреволюционной группы в кабинете Хвиюзова, где участниками контрреволюционной группы Хвиюзовым, Малием, Максимовым и Виноградовым обсуждался план убийства Борисова. Следствие предлагает Вам показывать правду.

Ответ: Участникам такого совещания я не был...

Вопрос: Вы сейчас подтверждаете показания обвин. Виноградова?

Ответ: Припоминаю, что совещание после часа ночи в присутствии меня, -Малия, Хвиюзова, Виноградова и Максимова в кабинете Хвиюзова действительно было, но какие вопросы обсуждались на этом совещании, я не помню.

Вопрос: Вам обв. Виноградов напоминает, Вы все еще припомнить не можете?

Ответ: Что говорили на этом совещании, не помню, но этого вопроса не обсуждали.

Заявление обвиняемого Виноградова:

Малий, припомни, были же в твоём присутствии эти разговоры.

Ответ обв. Малия: Нет, не помню.

Вопрос: Показаниями обв. Виноградова Вы наряду с этим изобличаетесь в том, что 2-го декабря 1934 года в 8 час. утра Вы вторично приняли участие в нелегальном контр-

революционном собрании уч-ков вашей группы, на котором в кабинете Хвиюзова Вы обменивались мнениями по поводу плана убийства Борисова.

Ответ: Такого совещания я не помню...

Вопрос: Вы изобличаетесь во лжи. Давайте правдивые показания.

Ответ: Этого совещания я не помню.

Вопрос: Ваше заперательство ни к чему не приведет. Показаниями и обвин. Виноградова Вы изобличаетесь в том, что Вы вместе с ним, выполняя директиву Хвиюзова - убийство Борисова, убили его. Говорите правду.

Ответ: Директив на совершение убийства Борисова от Хвиюзова я не получал и Борисова не убивал...

Вопрос: И теперь Вы будете продолжать свое заперательство?

Ответ: Показания Виноградова я отрицаю, я Борисова не убивал...

Вопрос: И это Вы будете отрицать?

Ответ: Показание обвиняемого Виноградова я отрицаю.

Вопрос обвин. Виноградова: Разрешите задать вопрос обвиняемому Малий? - Задавайте.-

Малий, ты же на совещаниях присутствовал и обсуждал план убийства Борисова. Зачем ты отрицаешь?

Ответ обв. Малия: Я не убивал Борисова.

Вопрос обв. Малию: Вы изобличаетесь в террористической деятельности и принадлежности к контрреволюционной группе. На следствии Вы лжете. Следствие снова настаивает на правдивых показаниях.

Ответ: Я говорю правду".

На следующий день после очной ставки с Виноградовым, то-есть, на допросе 8 июля 1937 года, Малий признал, что "являлся участником контрреволюционной группы, руководимой бывшим зам.нач.УНКВД Л.О.Запорожцем", в которую был вовлечен Губиным и Хвиюзовым в начале 1934 года, подробно рассказал, как они приближали его к себе, создавали лучшие условия по работе, поощряли и не наказывали за допущенные проступки. В числе участников контрреволюционной группы

назвал Запорожца, Губина, Котомина, Хвиюзова, Максимова и Виноградова, показал, что эта группа организовала террористический акт над Борисовым. О том, как был задуман и осуществлен план убийства Борисова, Малий показал:

"План убийства Борисова был впервые выдвинут I-го декабря 1934 года Губиным.

Дело это обстояло так. Когда стало известно, что Киров убит, Губин, находившийся в этот день дома вследствие своей болезни, приехал в отдел. Около I часу ночи Губин позвал к себе в кабинет Хвиюзова и меня - Малия и заявил нам, что из Москвы выехала правительственная комиссия, которая, несомненно, будет допрашивать Борисова, который охранял Кирова. В результате этого, - говорит Губин, - этот старец может все рассказать о нас и нас за это перестреляют. Поэтому мы должны этого старца Борисова во чтобы то ни стало убить. Тут же он поручил присутствующему Хвиюзову организовать это убийство Борисова.

В тот же день вечером, после часа ночи или около часа, Хвиюзов уже по своей инициативе созвал совещание участников нашей группы - меня, Малия, Виноградова и Максимова. На этом совещании Хвиюзов выдвинул план убийства Борисова, как основного свидетеля, который мог рассказать о безобразной охране Кирова и обстоятельствах убийства.

Я не могу точно воспроизвести подробного плана убийства Борисова, который предлагал Хвиюзов, но должен сказать, что этот план был связан с большим риском и был менее реален в смысле убийства Борисова. Поэтому этот план не получил поддержки со стороны нас, присутствующих.

Присутствующий на этом совещании участник нашей группы Максимов выдвинул план убийства Борисова при аварии автомашины. Этот вариант действительно был наиболее реальным и безопасным, поэтому все мы с ним целиком согласились. Тут же мы распределили роли, кто и как должен действовать для того, чтобы, создав обстановку смерти Борисова, провести затем это убийство. Уточняя, роли распределял Хвиюзов.

Мы договорились, что Максимов достанет грузовую автомашину, на которой мы должны были по требованию правительственной комиссии доставить Борисова в Смольный. Я должен был сесть в кабину шофера для того, чтобы в удобный момент выхватить у шофера рулевое управление и вызвать аварию автомашины. Сидящий в кузове автомашины Виноградов должен был в этот момент убить Борисова. Мы договорились, что Борисова нужно с этой целью посадить на правый борт автомашины.

Второго декабря 1934г. при доставке Борисова в Смольный мы этот план осуществили - мы - я, Малий, и Виноградов, вызвав аварию автомашины, воспользовавшись затем этим - убили Борисова. Для того, чтобы перестраховать убийство Борисова, я, Малий, вместе с Виноградовым, еще раз после аварии ударили Борисова головой о борт автомашины.

Я прошу следствие дать мне возможность припомнить другие

подробности, как деятельности нашей контрреволюционной группы, так и другие подробности, связанные с убийством Борисова, после чего дам следствию дополнительные показания".

В деле имеется второй протокол допроса Малия, датированный 8 июля 1937 года. В отличие от предыдущего этот протокол отпечатан на машинке. По своему содержанию, по формулировкам вопросов следствия и ответов Малия машинописный протокол почти полностью повторяет упомянутый выше протокол от 8 июля, но в то же время, в него включены некоторые новые вопросы и расширены ответы Малия на вопросы, которые ставились ему в предыдущем протоколе.

Так, в показаниях Малия относительно совещания у Хвиюзова говорится, что последний мотивировал необходимость убийства Борисова не только тем, что он мог рассказать о преступной постановке охраны Кирова, но и сообщить членам правительственной комиссии "подробности о ранее задержанном Николаеве". При распределении Хвиюзовым роли каждого исполнителя в осуществлении убийства Борисова ему "было поручено сесть вместе с шофером в кабинку автомашины, Виноградову дано было задание посадить Борисова на борт автомашины с правой стороны, а самому разместиться возле Борисова". По дороге в Смольный он "при удобном случае должен был симулировать панику, выхватить у шофера рулевое управление и направить машину в правую сторону, вызвав тем самым аварию автомашины. В момент этой аварии Виноградов должен был убить Борисова или о стенку дома", к которому машина подошла бы в результате его вмешательства в управ-

ление автомашиной, "либо убить его в этот момент в кузове машины", причем, в последнем случае он, Малий, "должен был придти к Виноградову на помощь". Максимову поручалось приготовить для этой цели грузовую автомашину. Тогда же, по словам Малия, они условились, какие показания давать на следствии: показания эти должны были сводиться к тому, что "Борисов убит в результате аварии автомашины и что авария произошла вследствие ее неисправности". Касаясь фактических обстоятельств аварии автомашины, Малий показал, что по дороге в Смольный "воспользовавшись удобным моментом, когда при пересечении трамвайных путей машину слегка тряхнуло", он, - Малий, - "выхватил у шофера рулевое управление и повернул машину вправо на стенку дома, а сам в это время пытался выбраться из кабинки автомашины". Так ему "удалось создать аварию машины, в результате которой Виноградов убил Борисова и когда он пришел к Виноградову на помощь, "Борисов был уже мертв". Для большей гарантии они "сильно ударили Борисова головой о борт машины". В план убийства, по словам Малия, никто, кроме Хвиюзова, Губина, Максимова и Виноградова посвящен не был, шофер Кузин о подготовке убийства ими Борисова ничего не знал.

Как и рукописный протокол допроса Малия, этот протокол заканчивается изложением просьбы Малия дать ему возможность вспомнить другие подробности убийства Борисова и дать об этом дополнительные показания.

Допрашивался ли Малий после этого из дела не видно и других протоколов его допросов, его заявлений или собственноручных показаний в деле не имеется.

В августе 1937 года дело по обвинению Малия было направлено в суд и 2 сентября 1937 года Военной коллегией Верховного

суда СССР он приговорен к расстрелу. В судебном заседании Малий виновным себя признал, данные им на предварительном следствии показания подтвердил и просил суд сохранить ему жизнь. (Дело № 260512, том I, л.д. 7,9-27; 35-43;55-66;77;82-84).

В уголовном деле на Виноградова имеется только два протокола его допросов - от I и 3 июля 1937 года, причем, первый протокол рукописный, а второй - отпечатанный на машинке. К делу приобщена копия протокола очной ставки между Виноградовым и Малием от 7 июля 1937 года (подлинник находится в деле на Малия).

В показаниях Виноградова от I июля 1937 года излагаются обстоятельства, при которых он был привлечен Малием к сопровождению Борисова в Смольный. По показаниям Виноградова, когда они готовились к поездке, Хвиюзов их все время торопил, он же дал им указание ехать на грузовой машине, которая стояла в то время на улице Воинова против здания Управления НКВД. Распоряжение о порядке посадки на автомашину он ни от кого не получал и сделал это по собственной инициативе, также действовал и Борисов. В кузове автомашины Борисов сел "на борт с правой стороны", он сел в "1/4-1/2 метра от Борисова в левую сторону", Малий сел с шофером в кабину. Когда они отъехали некоторое расстояние от здания УНКВД, "машина, набрав скорость, на полном ходу быстро повернула влево, затем также быстро повернула вправо и ударилась правой стороной машины в стенку дома. В результате этого сидевший на правом борту машины Борисов получил удар о стенку дома и водосточную трубу и упал в кузов автомашины". На голове и на лице повреждений у Борисова не было,

но "из ушей , рта и носа у него шла кровь". Борисов был доставлен им и Малием на проходящей автомашине в санчасть УНКВД уже мертвым. В конце допроса Виноградову были поставлены такие вопросы:

Вопрос: Вы даете следствию ложные показания. Вы убили Борисова вместе с Малием по заданию. Давайте правдивые показания.

Ответ: Никаких заданий на убийство Борисова я не получал и Борисова не убивал.

Вопрос: Кто убил Борисова?

Ответ: Борисова никто не убивал. Он разбился при аварии автомашины.

Вопрос: Вы лжете. Борисов убит Вами. Давайте правдивые показания.

Ответ: Я дал правдивые показания, дополнить к ним ничего не могу".

На допросе 3 июля 1937 года Виноградов вначале отрицал свою виновность, хотя от него настойчиво добивались признания, свидетельством чего является постановка перед ним таких вопросов, как:

"Ваше заpiresательство на следствии ни к чему не приводит. Следствие располагает фактами о Вашей принадлежности к к.р. организации и предлагает Вам давать правдивые показания".

"Вы лжете. Следствие предлагает Вам говорить правду, в противном случае мы будем Вас изобличать в контрреволюционной деятельности показаниями арестованных участников вашей организации".

"Следствие приступает к изобличению Вас. Вам зачитывается выдержка из показаний руководящего участника вашей организации Губина: "... Малий и Хвиюзов, по моему поручению, обрабатывали сотрудника Оперода Виноградова и в конце концов, завербовали его...". И после этого Вы еще будете продолжать заpiresательство?".

После постановки таких вопросов Виноградов признал, что с октября-ноября 1934 года состоял в контрреволюционной группе, в которую его завербовал Хвиюзов, подробно изложил, как была подготовлена его вербовка (приближали к себе, поощряли по службе и т.п.). Как показал Виноградов, 1 декабря 1934 года, после убийства Кирова, Хвиюзов проводил оперативное совещание по вопросу об охране приезжающих из Москвы членов Политбюро ЦК ВКП(б). Совещание окончилось около 1 часа ночи, после совещания Хвиюзов оставил у себя его - Виноградова, Малия и Максимова. Он заявил им, что члены правительственной комиссии "по всей вероятности, будут допрашивать Борисова" или "увезут его с собой в Москву". Борисов может рассказать о "безобразной охране Кирова и их "всех за это могут перестрелять". Хвиюзов предложил "убрать Борисова, при этом сослался на "указание Губина". Тут же Хвиюзов выдвинул план убийства Борисова, он предлагал везти Борисова на машине в Смольный и "по дороге на ходу вытолкнуть Борисова из машины". Малий и Максимов ^{выдвинул свой план убийства Борисова} при аварии автомашин, т.к. по их мнению, " в результате падения Борисов может не получить смертельного исхода и тогда возни будет с ним больше". План Малия и Максимова "сводился к тому, что Борисова нужно будет везти в Смольный на грузовой автомашине и по дороге совершить аварию этой машины и в момент аварии убить Борисова". Согласно этому плану, Малий и он, Виноградов, должны сопровождать Борисова. Малий садится рядом с шофером, а он вместе с Борисовым - в кузов, причем, Борисова надо посадить на правый борт кузова. По дороге "в наиболее удобном месте сидящий рядом с шофером Малий должен будет на полном ходу выхватить рулевое управление у шофера и повернуть автомашину вправо на дом и когда машина поров-

няется со стенкой дома", он, Виноградов, должен будет "ударить Борисова о стенку дома".

С этим планом все согласились и договорились, что на следствии будут показывать, что Борисов погиб в результате аварии автомашины. Показания Виноградова об обстоятельствах аварии автомашины и убийстве Борисова изложены в протоколе его допроса следующим образом:

Вопрос: Следовательно, Вы получили от участника контр-революционной группы Хвиюзова задание - совершить террористический акт над оперативным комиссаром Борисовым?

Ответ: Да, я - Виноградов, Малий и Максимов получили прямое задание совершить террористический акт над Борисовым и это задание мы выполнили.

Вопрос: Дайте показание, как вами было выполнено это задание?

Ответ: Через некоторое время Хвиюзов предложил мне и Малию взять Борисова и везти в Смольный. Грузовая машина, как было условлено, была приготовлена Максимовым и стояла в ожидании нас у здания УНКВД. Мы вышли к автомашине вместе с Борисовым и заняли свои места в ней, как об этом условились в кабинете Хвиюзова.

Вопрос: Продолжайте показания, как вами был совершен террористический акт над Борисовым?

Ответ: Малий сел в кабинку автомашины вместе с шофером, а я посадил Борисова на правый борт кузова автомашины и разместился рядом с ним в середине автомашины. По дороге в Смольный, при пересечении трамвайных путей, идущих с Потемкинской ул. на ул. Воинова, машину немного тряхнуло. Этим воспользовался Малий, выхватив рулевое управление у шофера, повернул автомашину вправо в направлении стенки дома, машина не успела дойти до стенки дома несколько сантиметров, как, видимо собравшись с силами от неожиданности, шофер стал выводить автомашину из аварии. Машина снова резко повернула влево, подошла правой стороной вплотную к стенке дома. Воспользовавшись тем, что автомашина близко подошла к стенке дома, я очень сильно ударил Борисова головой о стенку дома, в результате этого удара Борисов и

был убит. Должен сообщить, что Борисов в этот день находился в тяжелом, подавленном состоянии, т.к. он не спал - всю ночь плакал. Для того, чтобы перестраховать убийство Борисова, я с пришедшим ко мне в кузов машины Малием еще раз сильно ударили Борисова головой о борт автомашины. Убедившись, что Борисов убит, Малий позвал шофера Кузина к нам в кузов автомашины и заявил ему, что Борисов убит.

Вопрос: Возможно, что до вторичного удара Борисов был еще жив?

Ответ: Мне это трудно сказать. Но не думаю, чтобы Борисов остался жив, т.к. ударил я его крепко, особенно, если учесть мою физическую силу, расслабленность Борисова и неожиданность удара.

Вопрос: Шофер Кузин был посвящен в план убийства Борисова?

Ответ: Нет, не был посвящен.

Вопрос: Зачем же Вы звали его к себе в кузов автомашины?

Ответ: Кузина мы звали к себе для того, чтобы заставить его молчать на следствии о том, что Малий вмешался в управление автомашиной, сказав ему, чтобы он ссылался на аварию автомашины в результате ее неисправности, в противном случае он будет отвечать за убийство Борисова и его за это расстреляют. Мы обещали Кузину подтвердить, что авария произошла вследствие неисправности автомашины. После этого мы на первой попавшейся нам легковой автомашине доставили Борисова в санчасть Управления НКВД. Малий, я - Виноградов, шофер Кузин немедленно были взяты на допрос, на котором мы показали все, что авария произошла в результате неисправности автомашины. Малий и Кузин после допроса были арестованы, а я был отпущен в отдел....".

В конце допроса на вопрос следствия, что он не все рассказал об известных ему участниках контрреволюционной группы, Виноградов ответил:

"Я прошу верить мне, что я искренне все рассказал. Я мог забыть отдельные факты и лиц, которых мне называли Хвиюзов и Малий как участников контрреволюционной группы. Я постараюсь об этом вспомнить и дать затем дополнительные показания".

На упоминавшейся ранее очной ставке с Малием 7 июля 1937 года Виноградов, в основном, повторил свои показания об обстоятельствах

убийства Борисова. Он показал о двух совещаниях, проводившихся у Хвиюзова по вопросу об организации убийства Борисова, о предложении Хвиюзова убить Борисова, вытолкнув его из машины, о возражениях Малия и Максимова против этого плана и о выдвижении ими своего плана убийства Борисова при аварии автомашины. Этот план, как показал Виноградов, сводился к тому, что при доставке Борисова в Смольный на грузовой автомашине он должен быть посажен в кузов на правый борт кузова. При удобном случае Малий выхватывает у шофера рулевое управление, направляет автомашину в стенку дома, а он, Виноградов, в этот момент "должен ударить Борисова о стенку дома". Когда было получено указание о доставке Борисова в Смольный, они сели в приготовленную Максимовым грузовую автомашину согласно разработанному плану. При пересечении трамвайных путей, когда машину немного тряхнуло, Малий выхватил у шофера рулевое управление и направил машину на стенку дома. В этот момент "пользуясь тем, что машина вплотную подошла к стенке дома", он, - Виноградов, "сильно ударил Борисова о стенку дома". Через несколько секунд к нему на помощь пришел Малий и в целях перестраховки они "еще раз ударили Борисова головой о борт автомашины".

2 сентября 1937 года дело Виноградова рассматривалось Военной коллегией Верховного суда СССР. На вопрос суда, признает ли он себя виновным, Виноградов ответил, что "виновным себя не признает. Свои показания на предварительном следствии не подтверждает, т.к. дал их ложно, желая этими показаниями сохранить себе жизнь". В последнем слове он просил сохранить ему жизнь.

Несмотря на отказ Виноградова от данных им показаний, он был приговорен к расстрелу.

(Архивное уголовное дело № 260512, том I, л.д. 55-68; том 2, л.д. 9-28; 67-68).

Как видно из материалов уголовного дела по обвинению Максимова, он был арестован в первых числах июня 1937 года. Имеющиеся в деле пять протоколов его допросов датированы 7, 8, 9-13 июня и два протокола 10 июля того же года.

В первом протоколе отражены вопросы, касающиеся родственников и знакомых Максимова и характера его взаимоотношений с этими лицами.

В протоколе от 8 июня 1937г. вначале записаны ответы Максимова на вопросы, относящиеся к существованию контрреволюционной троцкистско-зиновьевской организации в Управлении НКВД, к прохождению им службы в органах ОГПУ-НКВД, объяснения Максимова о поведении Губина, его окружении и связях, о преступном отношении Губина к постановке охраны Кирова. Затем излагаются показания Максимова о существовании в Опероде обособленной "группы единомышленников" во главе с Губиным, в которую входили Хвиузов, Виноградов, Малий и другие. Свое участие в этой группе Максимов категорически отрицал, хотя от него настойчиво добивались такого признания.

Во второй части этого протокола речь идет об обстоятельствах, связанных со смертью Борисова. Вопросы следствия об этом и ответы Максимова изложены следующим образом:

"Вопрос: Где Вы были 1 и 2 декабря 1934 года?

Ответ: Был в Ленинграде, работал секретарем Оперода УНКВД Л.О. Оба дня был целиком на работе, даже больше, с утра 1 декабря до 6 декабря был в отделе безотлучно,

как и большинство сотрудников отдела, ввиду происшедшего события - убийства I декабря 1934г. секретаря ЦК ВКП(б) и Ленобкома ВКП(б) С.М.Кирова.

Вопрос: При каких обстоятельствах был убит оперком Борисов - бывший в охране С.М.Кирова.

Ответ: Секретарь ЦК ВКП(б) и Ленобкома ВКП(б) Сергей Миронович Киров был убит в Смольном I декабря 1934г., насколько я помню, в 16 час....

В 10 час.вечера (приблизительно) I.XII.34г.привезли в Оперод оперкома Борисова и поместили в комнату № 169 к Котомину, где он сразу лег на диван и лежал там всю ночь - плача. Губин и Котомин уехали из Оперода в ночь с I на 2 декабря, приблизительно, в I час ночи, с тем, чтобы встретить утром поезд из Москвы. Остался в Опероде Хвиюзов, как ответ.дежурный в кабинете Губина и был там всю ночь. Я сидел за своим столом в секретариате... Борисов спал у Котомина.

Утром 2.XII.34г., точное время не помню, но между 10 час. 30 мин. и II час.утра позвонили дежурному, что прибыл поезд из Москвы. Я зашел в кабинет Губина и доложил Хвиюзову о прибытии поезда: Поговорив о том, кто приехал и куда они поедут (предположительно), Хвиюзов послал меня к секретарю нач. Управления Завилову, чтобы я узнал, что ему (Завилову) известно, куда они поедут и какие будут распоряжения. Я пошел к Завилову в комнату Медведя... Поговорив с ним минут 5-8... вышел и пошел... в Оперод. Зайдя в кабинет Губина к Хвиюзову (где он был один), он сказал мне: "Беги скорее к санчасти, там несут Борисова, с ним случилось несчастие". Я пошел, встретил их около санчасти... Борисова несли на руках Малий, Виноградов, третьего не помню. Борисов был мертв...

Уже позже, возвратившись в Оперод, я узнал от Хвиюзова ..., что он получил по телефону распоряжение о срочной доставке Борисова в Смольный. Вызвав Малия и Виноградова, он их с Борисовым направил на грузовике Оперода (5 отделение) в Смольный, но по дороге на ул. Воинова Борисов был убит, якобы, свалившись с машины, от удара передним правым колесом, в стенку дома...

Вопрос: Ваши объяснения по поводу происшедшего с Борисовым надуманы. Следствие предлагает говорить правду.

Ответ: Я сказал правду. Кто давал Хвиюзову распоряжение и когда о доставке Борисова в Смольный, я не знаю. Равно не знаю, когда он (Хвиюзов) давал распоряжение Малию и Виноградову, но это могло быть или только в то время, когда я ходил к Завилову, что больше вероятно, или он отдал распоряжение Малию по телефону из кабинета. Я затрудняюсь ответить.

Вопрос: Следствию известно, что Борисов был убит преднамеренно и не без участия вашего. Дайте следствию показания.

Ответ: О том, что оперком Борисов убит преднамеренно, при прямом участии в этом Хвиюзова, Малия и Виноградова — это бесспорно. Другого мнения быть не может. Я пришел к этому давно, но не находил силы об этом сказать. К тому же меня никто никогда не допрашивал по существу. Поставленные мне вопросы по этому вопросу сейчас поставлены впервые.

Меня вызвал 2.ХП.34г. один из сотрудников Особополномоченного центра и задан был один вопрос: "Кто дал машину?" Я ответил: "Хвиюзов". Спросили, где я был в это время, я сказал, что уходил на 4 этаж. Больше меня, как тогда, так и все последующее время никто не допрашивал.

Свое участие в этом категорически отрицаю. Признаю себя виновным в том, что все, что я показал вчера и сегодня в отношении группы Губина и обстоятельств, мне известных, в отношении Хвиюзова, Малия и Виноградова — я до сего дня скрывал.

Вопрос: Объясните подробнее — яснее об убийстве Борисова.

Ответ: Я уверен, что убийство Борисова — дело рук группы Губина-Хвиюзова-Котомина и Малия с Виноградовым. Чья инициатива, я не знаю. Объяснение мои следующие:

1. Я уже показал, что в лице Губина и других была контрреволюционная группировка с активным ядром в лице Губина, Хвиюзова, Котомина;

2. По-моему, далеко не случаен уход Губина за два часа до убийства С.М.Кирова из Оперода и не во Дворец, а домой;

3. Оставление Хвиюзова дежурным по Опероду;

4. Те отношения, которые были между Хвиюзовым и Малием с Виноградовым;

5. Малий в ночь с 1.ХП. на 2.ХП. несколько раз заходил в кабинет Губина для неизвестных мне разговоров с Хвиюзовым, заходил вечером, также и утром около 9 час.;

6. Малий и Виноградов были все время в отделе, других же отпускали на время, причем, Хвиюзов предупредил меня около 1 часа ночи 2.ХП., чтобы Малий никуда не уходил, и я об этом предупредил Малия;

7. Дежурный Мурзин мне сказал, когда я вернулся от Завиловича, в мое отсутствие... к Хвиюзову в кабинет Губина заходил Малий;

8. меня посылал Хвиюзов к Завиловичу, по-видимому, преднамеренно, т.к. он мог позвонить и узнать, что нужно от Завиловича по телефону;
9. какая бы срочность не была, Хвиюзов имел возможность послать легковую машину из числа тех, которые были в Управлении, даже из числа вернувшихся с вокзала, он не проверял и послал на грузовой машине преднамеренно;
10. Борисова убили, а никто другой в машине не пострадал, обстоятельство, больше чем сомнительное;
11. мое отсутствие было минут девять-двенадцать, т.е. время, вполне достаточное для производства данной операции;
12. непонятно мне, зачем держали всю ночь у парадной грузовую машину

На основании этих обстоятельств я утверждаю, что Борисов был убит преднамеренно, но это проведено без моего участия.

Вопрос: Вы следствию пытаетесь дать объяснение этого происшествия, продолжая скрывать от следствия свое участие в этом сговоре. Следствие Вам не верит и требует сказать правду.

Ответ: Я показал то, что знаю, должен добавить, что следствие по этому поводу и вообще по данному делу проведено было явно неглубоко, и не затронуто было ряд сторон и ряд сотрудников".

Протокол допроса Максимова от 9-13 июня 1937 года представляет из себя "обобщенный" протокол. Наряду с вопросами о новых участниках контрреволюционной группы Губина ему были поставлены и такие вопросы:

"Вопрос: Подтверждаете ли Вы, что Малий является участником контрреволюционной группы?

Ответ: Да, подтверждаю. Малий является участником контрреволюционной группы, обработанный и завербованный в нее Хвиюзовым по заданию Губина.

Вопрос: Откуда Вам все это известно?

Ответ: Я этот вывод сделал из личных наблюдений за ним. Малий является одним из самых близких работников Оперода к Хвиюзову, как по работе, так и вне ее. С помощью Хвиюзова Малий стал быстро подниматься по работе... Благодаря Хвиюзову и Губину Малий отличался среди работников Оперода. Ему давались поручения особо важного порядка, но он их не выполнял, а мариновал...

Второй факт, который говорит об участии Малия в контрреволюционной группе Губина-Хвиюзова - это убийство оперкома С.М. Кирова - Борисова.

Я подтверждаю, что убийство Борисова произведено Малием, Виноградовым и Кузиным по специальному заданию Хвиюзова.

Вопрос: Откуда это Вам известно или Вы делаете свое личное предположение?

Ответ: Об этом мне никто из них не говорил, но я твердо уверен, что это так из следующих выводов:

1. для отправки Борисова в Смольный были все возможности послать его на легковой машине;
2. для сопровождения Борисова в Смольный можно было поручить любому из сотрудников Оперода, которые в полном сборе находились в отделе;
3. за все время работы Оперода не было случая чтобы для экстренных выездов дежурила грузовая машина;
4. вызов грузовой машины на парадную мог быть только по специальному заданию Хвиюзова, т.к. ни я, ни дежурный ее не вызывали;
5. посадка оперкома Борисова в кузов грузовика, а не в кабину с шофером говорит о явном преднамерении к убийству Борисова;
6. посылка меня - Максимова, Хвиюзовым к секретарю Управления справиться о приезде Московской комиссии при наличии телефонной связи говорит о том, что мое присутствие при отправке Борисова могло помешать Хвиюзову в выполнении задуманного плана убийства Борисова;
7. при аварии машины пострадал один Борисов, в то время как на борту машины находился и

Виноградов, который остался совершенно невредимым и даже без ушибов;

Из этого ясно видно, что убийство Борисова произвели Малий и Виноградов по специальному заданию Хвиюзова, сбросив его на мостовую во время предельной скорости хода машины.

Наезд машины на стену был сделан после того, как был выброшен и убит Борисов, для сенсации, о ,якобы, внезапной аварии, чтобы скрыть следы преступления.

Характерно отметить, что во время удара машины в стену, шофер, Малий и Виноградов остались невредимы, в то время как по заключению комиссии Борисов выпал из машины от толчка в стену.

Я должен следствию заявить еще один факт, что может лишний раз подтвердить убийство Борисова - Хвиюзовым, Малием и Виноградовым по обдуманному плану.

Для выяснения причин аварии в качестве эксперта был послан Хвиюзовым оперуполномоченный Оперода Гусев - ставленник Губина, о котором я показывал в предыдущем протоколе, по тем, якобы, соображениям, что он обслуживает Оруд и является компетентным лицом в этом деле.

Акт экспертизы составлялся своими людьми Гусева совместно с Орудом.

Московская комиссия, проводившая расследование аварии машины в кировские дни, подошла поверхностно и не вскрыла действительной причины.

Вопрос: Что может еще послужить доказательством умышленного убийства Борисова со стороны Хвиюзова, Малия и Виноградова.

Ответ: Мне известно, что Хвиюзовым было получено заявление от гр. Волковой, которая указывала о наличии существовавшей в Ленинграде террористической организации, готовившей покушение на С.М. Кирова. Хвиюзов должного значения заявлению не придавал, а спустя некоторое время передал его в Особый отдел Бальцевичу, которым оно было подшито в дело и сдано в архив.

Кроме того, со стороны сотрудников Оперода, в частности, от Баскакова И.А. были сигналы об усилении охраны С.М. Кирова и замены Борисова, ввиду его пожилого возраста, более живым и молодым оперкомиссаром, но со стороны Губина, Хвиюзова и Котомина никаких мер принято не было...

Из беседы с Котоминим мне стало известно, что разведчиками, незадолго до убийства С.М. Кирова, был задержан на правительственной трассе убийца Николаев и Губиним был отпущен.

Исходя из вышесказанного, Губин и Хвиюзов, боясь быть разоблаченными оперкомиссаром Борисовым в своей бездеятельности, а также скрыть свою контрреволюционную деятельность, дали задание Малию и Виноградову убить Борисова...

Вопрос: Кто такой Виноградов и откуда он взялся в органах НКВД?

Ответ: Выше мною уже указывалось, что Виноградов был принят на работу в НКВД Хвиюзовым. До поступления его в органы Виноградов, по сведениям, служил в РККА и после демобилизации пришел в органы.

Вопрос: Что Вы можете сказать о его политических убеждениях?

Ответ: Каких-либо проявлений с его стороны я не замечал. Как член партии, Виноградов в парторганизации Оперода был незаметен, в общественно-политической работе участия не принимал.

Вопрос: Что Вы можете показать о практической контрреволюционной деятельности Виноградова, как участника группы?

Ответ: Я уже показывал, что Виноградов, являясь участником контрреволюционной группы, принимал активное участие в убийстве оперативного комиссара С.М. Кирова - Борисова, что Виноградов посещал квартиры участников группы, где проходили собрания и что Виноградов выполнял поручения, даваемые ему руководителями контрреволюционной группы Губиным и Хвиюзовым.

Вопрос: Какая еще была проделана контрреволюционная работа Виноградовым?

Ответ: Других фактов я не знаю, т.к. Виноградова я знаю мало и редко с ним приходилось сталкиваться.

Вопрос: Вы не дали показаний следствию об участнике группы Кузине. В чем конкретно выражалась его практическая деятельность?

Ответ: Я уже показывал, что Кузин принимал участие в катастрофе машины, которую он вел и этим самым способствовал Малию и Виноградову в убийстве оперативного комиссара Борисова. О фактах аварии машины я показывал выше.

Вопрос : А кроме аварии машины что делал Кузин?

Ответ: Других фактов контрреволюционной деятельности Кузина я не знаю. Мне совершенно не был известен Кузин до этого случая.

Вопрос: Что Вы можете сказать о себе, как об участнике контрреволюционной группы, и в чем выражалась Ваша работа?

Ответ: Я уже заявлял следствию, что я никогда и ни к какой контрреволюционной организации или группе не примыкал и не являлся ее участником.

Вопрос: Следствие Вам не верит и требует от Вас дать правдивые показания.

Ответ: Я еще раз подтверждаю, что с моей стороны никаких контрреволюционных проявлений не было и в организации я не состоял..."

Следующие два протокола допросов Максимова датированы 10 июля 1937 года, причем, один из них рукописный, а другой отпечатан на машинке, но оба подписаны Максимовым. По содержанию протоколы не отличаются один от другого, только в машинописном варианте добавлены некоторые новые вопросы к тем, которые включены в рукописный текст. И в рукописном и в машинописном текстах протокола после записи показаний Максимова о том, что он являлся участником контрреволюционной группы Губина, ему были поставлены вопросы по обстоятельствам гибели Борисова в следующей форме:

"Вопрос: Дайте показания о том, как Ваша группа подготовила и провела убийство Борисова.

Ответ: Мне особенно трудно признаваться в этом. Это самое гнусное преступление, в котором я участвовал. Я принял участие в разработке плана убийства Борисова.

Дело это обстояло так. Поздно вечером 1-го декабря 1934г. в кабинете Губина - Хвизов собрал участников нашей группы: меня - Максимова, Малия и Виноградова.

Перед нами Хвизов выдвинул задачу убийства Борисова, как человека, который может многое рассказать правительственной комиссии, приезжающей в Ленинград в связи с убийством Кирова - о преступной контрреволюционной де-

тельности Губина и других работников Управления. Поэтому, говорил Хвиузов, — мы не должны допустить Борисова до допроса правительственной комиссией.

На этом совещании нашей группой обсуждалось два варианта плана убийства Борисова. Первый вариант сводился к тому, что Борисова нужно убить в здании УНКВД, инсценировав самоубийство Борисова. Второй вариант сводился к тому, что Борисова нужно убить при перевозке его из Управления НКВД в Смольный, инсценировав при этом аварию автомашины.

При выполнении первого варианта убийства Борисова должны были убить его Хвиузов и я — Максимов. При выполнении второго варианта это убийство должны были провести Малий и Виноградов. Малий должен был сесть в кабину к шоферу и вызвать аварию автомашины, в момент которой сидящий в кузове автомашины Виноградов должен был убить Борисова.

Выполнить первый вариант плана убийства нам не удалось. В 2 часа в ночь на 2 декабря я — Максимов и Хвиузов ходили в комнату, где находился Борисов, для того, чтобы убить его. Но убить его нам не удалось только потому, что в комнате, где находился Борисов, оказался спящим вместе с Борисовым один из сотрудников Оперода (укрытый шинелью). Поэтому мы побоялись убивать Борисова, т.к. этот сотрудник мог стать опасным свидетелем этого случая, в результате чего была бы разоблачена наша преступная деятельность.

Нам пришлось осуществлять второй вариант плана убийства Борисова, который, как Вам известно, без каких-либо осложнений был нами осуществлен. Я по поручению нашей группы достал грузовую машину, на которой при перевозке Борисова в Смольный он и был убит.

Я хочу отметить некоторые детали этого плана убийства Борисова при аварии автомашины о которых мы подробно говорили. Детали эти следующие.

Мы не должны были ни в коем случае допустить, чтобы после аварии автомашины Борисов попал куда-либо в больницу, поэтому аварию автомашины нужно было совершить недалеко от здания НКВД с таким расчетом, чтобы при любом исходе Борисова снова возвратиться в здание НКВД. Если аварию не удастся совершить недалеко от здания НКВД или вообще обстоятельства не позволят этого сделать, машина должна была вернуться с Борисовым обратно к зданию НКВД и снова пойти к Смольному, выбрав этим временем удобный момент для этой аварии. Если при аварии Борисов не получит смертель-

ного исхода, Малий и Виноградов должны его были подобрать в машину, на которой должны были добить его и также привезти в здание НКВД. В здании НКВД в обоих случаях, если Борисов при всех этих обстоятельствах оказался еще живым, мы - Хвиюзов, я - Максимов, Малий и Виноградов должны были его добить.

Насколько мне известно, авария машины Малием была проведена удачно недалеко от здания НКВД, а Виноградов, пользуясь большой физической слабостью Борисова - убил его в момент этой аварии.

Особое место в нашем обсуждении занимал вопрос физического состояния Борисова. Мы говорили, что особого труда убить Борисова вообще не будет, принимая во внимание его физическое состояние и старческий возраст (как выражались - достаточно одного удара и он рассыпется), тем более, что последнюю ночь он все время плакал и не спал.

Вопрос: Кто еще был посвящен в план убийства Борисова?

Ответ: Кто еще был посвящен в план убийства Борисова, я не знаю. Но должен я сказать, что Хвиюзов сразу же после аварии вызвал к себе сотрудника Оперода Гусева и тщательно инструктировал его по вопросу его участия в работе комиссии ОРУДа по составлению акта аварии автомашины.

Мне известно, что Гусев эту задачу Хвиюзова блестяще выполнил, несмотря на то, что никаких признаков порчи автомашины, в результате которой бы могла быть авария, у машины не было. Акт же этой аварии был составлен таким, в котором указывалось, что авария автомашины произошла от ее неисправности.

Вопрос: Вы даете неискренние показания. Вы скрываете, что Вы договорились о том, какие давать показания на следствии.

Ответ: Да, об этом мы договаривались. Мы условились, что на следствии будем давать показания, что убийство Борисова произошло в результате аварии автомашины....".

К делу на Максимова приобщено его заявление следующего содержания:

" Начальнику 4-го отдела

Заявление .

От подследственной камеры № 176,2 корпус, Максимова Н.С.

Поданное мною на Ваше имя заявление об отказе от своих показаний от 10.УП.37г. по моему делу прошу считать это заявление аннулированным.

Свои показания на следствии о своей контрреволюционной деятельности я целиком подтверждаю.

Максимов

31 августа 37 г."

Заявления об отказе от своих показаний, на которое ссылается Максимов, в деле нет.

Дело по обвинению Максимова 2 сентября 1937 года рассмотрено Военной Коллегией Верховного суда СССР, в суде он виновным себя признал, показания, данные на предварительном следствии, подтвердил и в последнем слове просил лишь о смягчении ему наказания. По приговору суда Максимов был расстрелян 2 сентября 1937 года.

(Архивное уголовное дело № 260512, том 3, л. д. 9, 20, 36-41, 42, 63, 69-72, 78-79, 84, 91-95, 97, 101-104, 126, 133-136).

Как уже отмечалось, следствие по делам на Малия, Виноградова и Максимова велось в Управлении НКВД по Ленинградской области. Несмотря на то, что всем этим лицам предъявлялось одинаковое обвинение, основными доказательствами являлись их показания друг на друга и дело на всех арестованных было зарегистрировано под одним номером, перед направлением в суд материалы дела были по каким-то причинам разъединены, на каждого из арестованных составлено отдельное обвинительное заключение и в таком виде дела на них были направлены в суд. При рассмотрении дел судом свидетели в судебное заседание не вызывались и показания других обвиняемых в суде не оглашались даже в том случае, когда Виноградов отказался от показаний,

данных им на предварительном следствии.

Выше указывалось, что в июне 1937 г. через несколько дней после ареста Малия, Виноградова и Максимова был арестован бывший шофер Оперода Кузин. Однако, к уголовной ответственности Кузин привлечен не был и еще до передачи в суд дел на Малия, Виноградова и Максимова он был освобожден из-под стражи. В постановлении об освобождении Кузина из-под стражи, утвержденном 11 августа 1937 года заместителем начальника УНКВД по Ленинградской области Шапиро, говорилось, что "в процессе следствия выдвинутые против него обвинения не подтвердились. Установлено, что в план убийства оперкомиссара Борисова Кузин посвящен не был, к совершению аварии автомашины он никакого отношения не имел". (Архивное наблюдательное производство № 167599 - архив КГБ при СМ СССР).

В 1937 году во время следствия Кузина и Виноградова 16 и 17 июля допрашивали об обстоятельствах освобождения их из-под стражи в январе 1935 года. Эти протоколы с запиской начальника УНКВД по Ленинградской области Заковского на имя Ежова были направлены в НКВД СССР и и приобщены к уголовному делу по обвинению Агранова. На упомянутых допросах Кузин и Виноградов показали, что все они, т.е. Виноградов, Кузин, Малий и Хвиюзов были освобождены из-под стражи в январе 1935 года. При объявлении постановления об этом присутствовал Агранов, который сказал, что их арест был вынужденной мерой и они не должны на это обижаться, что только после проведенного тщательного расследования стало ясно, что автокатастрофа

вызвана неисправностью автомашины и гибель Борисова, следовательно, является случайной, а потому их вины в этом нет.

Бывший начальник отделения Оперода УНКВД по Ленинградской области Хвиюзов был арестован 11 июня 1937 года УНКВД по Оренбургской области, где он с 1935г. работал начальником АХО, и спецконвоем направлен в распоряжение НКВД СССР. Распоряжение об аресте Хвиюзова было дано заместителем наркома внутренних дел СССР Бельским, следствие по его делу велось в Москве.

В архивном уголовном деле на Хвиюзова имеется его заявление на имя Ежова от 2 июля 1937 года и отпечатанный на машинке в 2-х экземплярах протокол допроса Хвиюзова от 5 июля 1937 года (подписан один экземпляр протокола).

В заявлении Хвиюзов писал, что признает себя виновным в том, что в конце 1933 или в начале 1934 года он был вовлечен Губиным в антисоветский заговор, во главе которого в Ленинград стояли Запорожец и Губин. Со слов Губина, ему было известно, что руководимая им - Губиным, группа сотрудников Оперода, в составе Малия, Максимова и Виноградова "ставила себе целью максимальное ослабление охраны и должна быть готова к выполнению любого задания руководителей антисоветского заговора Запорожца и Губина, вплоть до террора". Виновным себя Хвиюзов признавал также и в том, что по указанию Паукера (начальник Оперода НКВД СССР) и Губина им "было организовано убийство единственного свидетеля убийства Кирова - комиссара Борисова. Убийство Борисова было организовано в момент доставки его на грузовике в Смольный путем организации аварии машины. Убийство Борисова совершили Малий и Виноградов"

В конце заявления Хвиюзов заверял Ежова, что даст "подробные чистосердечные показания, вскрыв до конца всех участников этого антисоветского заговора... и все подробности об условиях убийства Кирова и подробности убийства комиссара Борисова".

В протоколе допроса Хвиюзова от 5 июля 1937 г. записано, что он в 1934г. в связи с гибелью Борисова подвергался аресту, но был освобожден из-под стражи, а за преступно-халатное отношение к своим обязанностям его перевели из Оперода УНКВД по Ленинградской области на хозяйственную работу в УНКВД по Оренбургской области. То обстоятельство, что Борисов был убит сотрудниками Оперода УНКВД ЛО, по указанию Губина тогда от следствия скрыл. В протоколе много говорится о хороших отношениях между Хвиюзовым и Губиным, о близости Губина к Запорожцу, о тесных связях Губина с руководством Оперода НКВД СССР в лице Паукера и Воловича, о наличии у Губина определенной группы преданных ему сотрудников Оперода - Малия Максимова, Виноградова и Котомина, об умышленном ослаблении Губиным охраны Кирова, о преднамеренном освобождении Губиным в октябре 1934 года террориста Николаева, "который был задержан у машины Кирова с оружием и рядом документов, прямо указывавших на его попытку совершить теракт над Кировым". После того, как стало известно об убийстве Кирова, он по указанию Губина был оставлен в Опероде, перешел в кабинет Губина и стал ждать указаний от последнего. Ночью ему позвонил Губин, сообщил, что из Смольного в Оперод направлен оперкомиссар Борисов, которого необходимо "поместить в кабинете Котомина, держать его на положении задержанного, не выставляя никакой охраны". Когда привезли

Борисова, он разговаривал с ним наедине. Борисов в сильно возбужденном состоянии заявил, что так как его арестовали, а все остальные на свободе, "он молчать не будет и расскажет о том, что он имел прямые указания от Губина не охранять Кирова". Об этом разговоре он, — Хвиюзов, доложил по телефону Губину, который ночью же приехал из Смольного в Оперод и они стали обсуждать с ним создавшееся положение, вначале вдвоем, а затем с участием Малия, который был вызван по указанию Губина. Ввиду того, что Запорожца в это время в Ленинграде не было (он был в отпуске), решение нужно было принимать им самим. Губин предложил "убрать Борисова", так как он, хорошо зная преступную постановку охраны Кирова, может выдать их и, как выразился Губин, "наши головы полетят". Во время этого разговора к Губину поступило сообщение о выезде из Москвы правительственной комиссии и он сказал, что "нужно решать скорее, что Ягода и Паукер знают все подробности убийства Кирова, но они, может быть, сами не смогут облегчить нашего положения". После этого они "пришли к решению, что Борисова нужно убить" и что "это сделать можно тремя путями: первый — инсценировать самоубийство в здании Оперода; второй — в случае, если Борисова будут вызывать для допроса в Москву, так как мы предполагали, что Борисова могут забрать для следствия в Москву, в пути устроить аварию при его перевозке и убить его; третий — убить Борисова под видом выстрела в него при попытке к бегству". Они рассчитывали, что во всех этих случаях их "могут обвинить лишь в халатности и недосмотре". Договорились, что Губин в нужное время даст указание, какую из этих возможностей использовать для убийства Борисова.

Далее показания Хвиюзова изложены в протоколе следующим образом:

"Затем меня снова вызвал в кабинет к себе Губин и сказал, что он уезжает домой переодеться в военную форму, так как он был в штатском, и дальше на вокзал для встречи приезжающей комиссии, а также Ягоды и Паукера. Тут же Губин мне предложил договориться с Малием о привлечении к организации убийства Борисова и Виноградова, а также использовать Максимова. Всем нам было предложено находиться в Опероде, никуда не отлучаться и неотступно наблюдать за Борисовым до получения указаний Губина.

Вскоре я вызвал к себе Малия и предложил ему договориться с Виноградовым. Максимова я приказал подготовить на всякий случай такую машину с шофером, чтобы была возможность убийства Борисова.

Через некоторое время Малий мне сообщил, что он обо всем договорился с Виноградовым и последний готов к выполнению наших указаний и что он будет находиться при нем. Максимов мне здесь же сообщил, что машина им подготовлена, причем, он мне сказал, что машина будет грузовой, которая стоит у здания НКВД, с шофером по фамилии кажется Кузин. Для меня было совершенно ясно, что наиболее удобна для этой цели грузовая машина.

Часов, приблизительно, в 10-11 2-го декабря 1934 года мне позвонил из Смольного Губин и в большой тревоге еле выговаривая слова, сказал, что Борисова требуют для допроса в Смольный и повторил дословно: "Борисова не должно быть". Я спросил Губина тут же по телефону, как удобнее это сделать, в здании НКВД или в пути в машине. Он ответил, что лучше сделать в пути, в машине. Губин мне сказал, что об этом мне может быть позвонит и лично Паукер из Смольного, а официальный вызов сделает секретарь нач. УНКВД Завилов. Через минуту раздался звонок. Я поднял трубку и услышал следующее: "Говорит Паукер, позвоните Хвиюзова". Я ответил, что я - Хвиюзов. Тогда Паукер меня спросил: "С Вами Губин говорил о доставке Борисова в Смольный?" Я ответил - да, говорил. Паукер мне задал вопрос: "Звонил ли секретарь Медведя о доставке Борисова в Смольный?" Я ответил, что пока еще не звонил, и я жду его звонка. Паукер мне сказал: "Обязательно выполните в точности указание Губина, я на Вас надеюсь, Вам сейчас позвонит секретарь Медведя". На этом мой разговор с Паукером оборвался. Затем позвонил секретарь УНКВД Завилов и предложил мне срочно отправить Борисова в Смольный в распоряжение Губина, так как с ним, Борисовым, хотят говорить руководители партии и правительства.

Я вызвал срочно, так как было очень мало времени на размышления, - Малия, Максимова и Виноградова, передал им распоряжение Губина и мой разговор с Паукером, предложил Максимова подать к парадному приготовленную гру-

зовую машину; Малию и Виноградову взять комиссара Борисова из кабинета Котомина, посадить в машину и следовать с ним в Смольный. Я сказал Малию и Виноградову, что в пути Борисова надо убить, что от этого зависит вся наша жизнь. Я спросил Малия, как он это сделает; Малий мне ответил, что он решил с Виноградовым проделать это так: Малий сядет в кабину шофера грузовой машины, спровоцирует шофера на аварию, в это время Виноградов, сидящий с Борисовым в кузове, тяжелым предметом (у Виноградова был ломик и ключ) ударит Борисова и убьет его в момент аварии в кузове. На этом наш разговор закончился. Я их из здания не провожал, считая это излишним.

Вопрос: Когда Вы узнали об аварии и убийстве Борисова?

Ответ: Спустя 20-30 минут после того, как я проводил из кабинета Малия и Виноградова, прибежал ко мне в кабинет Малий с царапинами на лбу, в очень возбужденном состоянии, и сообщил, что Борисов разбился и в смертельном состоянии доставлен в здание НКВД. На мой вопрос, как это произошло, Малий, нервничая и путаясь, рассказал, что ему удалось спровоцировать шофера под видом того, что он выскакивает из машины, на ходу направить машину в стену дома, спровоцировав таким образом аварию, а Виноградов ударом по голове Борисова покончил с ним. Я начал успокаивать Малия и предложил ему пойти посмотреть, в каком состоянии Борисов. После ухода Малия я тут же из кабинета Губина позвонил в кабинет начальника УНКВД. У телефона оказался его секретарь Завилов, которому я и сообщил о том, что направленный в Смольный Борисов на грузовой машине, из-за отсутствия легковых машин, под конвоем сотрудников Оперода Малия и Виноградова, разбился, так как с ними в пути произошло несчастие - машина потерпела аварию, и Борисов в тяжелом состоянии доставлен в санчасть УНКВД. Тут же я спросил у Завилова, какие будут указания. Он мне на мой вопрос ничего не ответил.

Через несколько минут в кабинет Губина, в котором я находился, прибежал Завилов и ряд работников НКВД центра. Тут же был вызван Малий, его арестовали и я его больше не видел. Виноградов был также задержан, мне его тоже больше видеть не удалось.

Вопрос: Когда Вы обо всем этом доложили Губину?

Ответ: Я в тот же день рассказал Губину подробности убийства Борисова. Мне Губин сказал, чтобы я не волновался, так как со стороны Ягоды и Паукера приняты все меры и следствие будет направлено так, что нас могут обвинить только в халатности, что следствие по

нашему делу Ягода поручил вести людям нашим, которые примут все меры, чтобы скрыть подлинные обстоятельства не только убийства Борисова, но и убийства Кирова.

Вопрос: Когда Вы были арестованы, кто вел Ваше дело?

Ответ: Я был арестован, спустя несколько дней. Дело наше вели работники центра Черток и другие бывшие в группе Агранова. На всех допросах я скрыл истинное положение с убийством Борисова. После освобождения Малия и Виноградова, а затем и моего при встрече с ними мне стало от них известно, что им также в процессе следствия удалось скрыть все обстоятельства убийства Борисова. В январе 1935 года я из Ленинграда был откомандирован в УНКВД по Оренбургской области, где и находился до моего вторичного ареста - июля 1937 года".

20 сентября 1937 года Хвиюзов расстрелян "в особом порядке", т.е. по решению Комиссии НКВД, Прокурора СССР и Председателя Военной коллегии Верховного Суда СССР. (Архивное уголовное дело № 612405, л.д. I, 8, 9, II, 13-42, 45 и 47).

х х

х

В непосредственной связи с делами на Малия, Виноградова, Максимова и Хвиюзова находится дело по обвинению бывшего оперуполномоченного Оперода УНКВД по Ленинградской области Гусева С.П., осужденного 29 ноября 1937 года к расстрелу Военным Трибуналом пограничной и внутренней охраны Ленинградского округа.

По приговору наряду с обвинениями в преступных связях с врагами народа Губиным и Хвиюзовым, в уничтожении дел и материалов Оперода на лиц, подозревавшихся в террористической деятельности, Гусеву вменили в вину, что он сразу же после убийства Борисова по заданию врага народа Миронова выехал на место происшествия, где "устранил свидетелей - очевидцев, аварии автомашины и убийства Борисова, не разрешил прибывшему инспектору ОРУД Оскотскому произвести обследование аварии автомашины и даже разговаривать с шофером и увез его, Оскотского, и шофера Кузина в УНКВД, чем скрыл заранее намеченное и совершенное убийство Борисова, что и привело к ошибочному заключению экспертной комиссии о причинах аварии автомашины и тем самым были скрыты террористы, враги народа, убийцы Борисова".

По этому же делу был осужден к 10 годам лишения свободы бывший врид начальника отделения Оперода УНКВД по Ленинградской области Поповицкий С.С. за связь с врагами народа Губиным, Хвиюзовым и Малием и злоупотребления служебным положением.

Обоснованность осуждения Гусева проверялась в 1958-1959 годах. В результате проверки дело в отношении Гусева прекращено за недоказанностью. 6 июня 1960 года, дело на Поповицкого прекращено 24 мая 1956 года за отсутствием состава преступления.

Из материалов, относящихся к обстоятельствам гибели Борисова, в уголовном деле и материалах дополнительной проверки на Гусева имеются показания Кузина от 22 сентября 1937 года, от 13 октября того же года на очной ставке с Гусевым,

от 28 ноября 1937 года в суде, ~~от 20 апреля, 5 мая 1959~~
~~года~~ и от 20 апреля, 5 мая 1959 года и от 8 февраля
1960 года; показания инспектора ОРУД Оскотского от 25 сен-
тября 1937 года, от 13 октября 1937 года на очной ставке
с Гусевым и от 28 ноября того же года - в суде; показания
инспектора ОРУД Малькевича от 25 сентября 1937 года, показания
Гусева по своему делу, на очных ставках с Кузиным и Оскотским
в суде, его рапорт на имя начальника Оперода УНКВД по Ленин-
градской области от 16 февраля 1935 года и кассационная жа-
лоба от 1 декабря 1937 года. Кроме того, к делу приобщены
упоминавшиеся ранее копии протоколов допросов Кузина, Малия,
и Максимова, справки по архивным уголовным делам на Малия,
Максимова, Малькевича, Виноградова, Хвиюзова, Губина и других

Кузин на допросе 22 сентября 1937 года подтвердил свои
показания от июня 1937 года о том, что авария автомашины, на
которой везли Борисова в Смольный, произошла вследствие умыш-
ленного создания аварийной обстановки сотрудником НКВД Малием
Как показал далее Кузин, авария автомашины произошла около
11 часов утра 2 декабря 1934 года, пострадавший Борисов был
сразу же увезен на неизвестной машине, и он около своей маши-
ны остался один; через 8-10 минут после того, как уехали
Малий и Виноградов, приехал Гусев и предложил ему ехать с
ним, но он отказался, сославшись на то, что должен приехать
инспектор ОРУД, вызванный по его просьбе постовым милицио-
нером. После этого разговора Гусев пошел к постовому мили-
ционеру, и вскоре подошла машина с инспектором ОРУД. Гусев и
инспектору ОРУД предложил ехать с ним, а когда тот сказал,

что ему надо посмотреть машину, Гусев заявил, что сюда еще приедем. Отобрав у него ключ от машины и взяв у милиционера револьвер, отобранный ранее у него - Кузина, Гусев привез его и инспектора ОРУД в здание УНКВД, отвел на 4 этаж и оставил в кабинете у секретаря Могилкиной, а сам с инспектором куда-то ушел. Через некоторое время его пригласили в другую комнату, где с ним беседовал сотрудник НКВД с четырьмя ромбами на петлицах, который расспрашивал не об обстоятельствах аварии, а кто он такой. Оттуда его провели к дежурному коменданту, откуда направили в тюрьму. Из тюрьмы его часа через два вызвали на экспертную комиссию. В состав экспертной комиссии, по словам Кузина, входили опрашивавший его сотрудник НКВД с четырьмя ромбами, приезжавший на место происшествия сотрудник ОРУД, еще один инспектор ОРУД в кожаном пальто и один человек в штатской одежде. Когда его вводили в кабинет, где находилась экспертная комиссия, оттуда вышли начальник гаража Гириш и начальник мастерских Ионов Михаил. На вопрос следствия, что он может "сказать о действиях Гусева на месте аварии машины, были ли они направлены к вскрытию причин аварии машины или, наоборот, к сокрытию?", Кузин ответил: "Действия Гусева были направлены к тому, чтобы скрыть действительные причины аварии машины. Этот вывод я делаю на основании того, что Гусев, приехав на место аварии машины, старался скорее меня увезти оттуда. Никаких вопросов мне о причинах аварии не задал. Сам машину не смотрел и не дал осмотреть машину инспектору ОРУД. Кроме того, были граждане, которые подходили и заявляли, что они видели, как произошла авария, но Гусев на них не обратил никакого внимания и не

записал ни одного свидетеля".

На очной ставке с Гусевым 13 октября 1937 года Кузин дал аналогичные показания, заявив, что первым на место аварии прибыл на легковой машине с шофером Васильевым сотрудник Оперода Гусев, затем инспектор ОРУД, сразу же после приезда инспектора Гусев увез его и инспектора ОРУД в здание УНКВД. Никаких вопросов по обстоятельствам аварии Гусев не задавал. На месте аварии были свидетели, заявлявшие, что они видели, как произошла авария, но Гусев никого из них не записал.

В судебном заседании 28 ноября 1937 года Кузин показал, что 2 декабря 1934 года он, будучи шофером грузовой машины, дежурил с машиной в Опероде и в ожидании вызова сидел в Красном уголке. Когда ему сказали, что его машина должна ехать в Смольный, он вышел и сел за руль, следом за ним вышли Виноградов, Малий и Борисов. В кабину с ним сел Малий, а Борисов и Виноградов сели в кузов машины. Малий приказал ему "как можно быстрее ехать в Смольный", в пути приказывал давить женщину, переходившую дорогу, ехать на красный сигнал светофора. Описывая обстоятельства аварии, Кузин показал:

"При пересечении трамвайных путей Малий неожиданно выхватил у меня руль и свернул машину на панель, а сам в это время хотел выскочить из кабинки, но я его схватил за пальто, и у меня опять в руках очутился руль, и машину я вывел на дорогу, задев только о стену дома крюком кузова машины. Борьба между мною и Малием продолжалась несколько секунд и в момент ее я услышал сильный стук в кузове машины. Когда я машину остановил и вышел из кабинки, то увидел в кузове убитого Борисова и вскрикнул, но Малий мне приказал молчать и предупредил: "Если не хочешь отвечать за убийство, то молчи". Постового милиционера я попросил вызвать инспектора ОРУД, а в это время Малий и Виноградов на другой машине, как-то оказавшейся около места аварии, увезли труп Борисова. Я остался у своей машины один и минут через 8-10 к месту аварии прибыл на легковой машине Гусев, а за ним и инспектор

ОРУД. Гусев инспектору ОРУД не разрешил произвести осмотр места аварии автомашины, и категорически запретил ему разговаривать со мной и увез его в УНКВД. Еще до приезда инспектора ОРУД, как только приехал Гусев, к нам подошел один военнослужащий, который заявил, что он может быть свидетелем, т.к. являлся очевидцем всего того, что произошло с машиной, но Гусев ему ничего не ответил, а военный постоял немного и ушел. Когда нас Гусев привез в здание УНКВД, то сперва нас провели в кабинет секретаря начальника УНКВД Могилкиной на 4 этаж. Оттуда Гусев инспектора ОРУД куда-то увел, а я остался там. После меня вызывал какой-то начальник, который спрашивал меня не о причинах аварии, а о моем происхождении, кто я такой. Когда я был вызван на заседание комиссии, то мне не дали возможности говорить, и я поэтому не сказал, что Малий у меня вырвал из рук руль. Помимо этого, я был напуган, так как Малий мне еще на улице после этой аварии сказал: "Молчи, а то будешь отвечать как за убийство".

На вопрос суда Кузин ответил:

"Когда я остановил машину и влез в кузов, то Борисов уже лежал убитый. За стену машина задела только задним правым крючком кузова. Борисов сидел на борту в правом углу кузова. В комиссии мне дали возможность только отвечать на заданные вопросы, а когда я пытался рассказать, как у меня из рук вырвал Малий руль, мне не дали говорить. В связи с аварией я под стражей содержался 39 дней, после чего вместе с Малием, Виноградовым и Хвиюзовым был вызван к начальнику УНКВД, где было нам объявлено, что дело наше за недоказанностью прекращено. Грузовая машина, на которой я ехал 2 декабря, была в исправности и шла нормально. Во время аварии разбилось только одно стекло и немного помялась правая дверь кабины, которую при аварии открывал Малий".

При проверке дела Гусева в 1959-1960 годах Кузин дважды был допрошен в УКГБ при СМ СССР по Ленинградской области и один раз в КГБ при Совете Министров СССР.

На допросе в УКГБ по Ленинградской области 20 апреля 1959 года Кузин показал, что 2 декабря 1934 года ему, как шоферу грузовой автомашины предложили доставить в Смольный оперкомиссара Борисова, которого сопровождали сотрудники Оперода Малий и Виноградов. При движении по улице Воинова, сидевший с ним в кабине Малий вырвал у него руль, в связи с чем машину забросило в правую сторону на панель. Машина уда-

рилась о стену дома правой дверцей кабины, открытой до этого Малием. Затем он, Кузин, выровнял машину, съехал с панели и остановился. Когда он вышел из машины, Виноградова в кузове уже не было, а Борисов лежал там мертвый.

Далее Кузину были заданы такие вопросы:

Вопрос: С какой целью Малий вырвал у Вас руль?

Ответ: Я считаю, что это им было сделано умышленно, чтобы вызвать аварию.

Вопрос: Почему Вы так считаете?

Ответ: По существу обстоятельств аварии как в 1934, так и в 1937 годах я давал подробные показания, которые я полностью подтверждаю. Как я ранее показывал, так и сейчас утверждаю, Малию вырывать у меня руль по каким-либо другим причинам, кроме как вызвать аварию, не было необходимости. Кроме того, после аварии Малий угрожал мне и предлагал молчать. Наконец, убийство Борисова никак не было причиной аварии. Борисов сидел левой стороной к стене дома, о который ударилась машина, а рана на голове Борисова была с правой стороны, что я хорошо помню. Все эти обстоятельства убеждают меня в том, что Малий умышленно вызвал аварию машины. Такие же показания я давал на очной ставке с Малием в 1937 году.

Вопрос: Обследовались ли причины и место аварии Комиссией?

Ответ: Я слышал, что обследовались, но меня там уже не было, так как я сразу же после аварии был доставлен в здание Управления НКВД Ленинградской области.

Вопрос: В каком состоянии была у Вас машина до аварии?

Ответ: До аварии машина была исправная.

Вопрос: Вы знали Гусева Степана Павловича?

Ответ: Да, Гусева я знал, как работника Оперативного отдела, в котором я и работал шофером.

Вопрос: Какое отношение имел Гусев к аварии машины и убийству Борисова?

Ответ: Я знаю только то, что Гусев после аварии машины прибыл на место происшествия и доставил меня в здание Управления НКВД. Какое еще отношение имел Гусев к аварии машины и к убийству Борисова я не знаю.

Вопрос: Ранее Вы допрашивались о Гусеве?

Ответ: Да, допрашивался, причем, не только на следствии, но и в суде Военного Трибунала. И тогда о Гусеве я показывал только то, что он доставил меня с места аварии в здание УНКВД.

Вопрос: На допросе 22 сентября 1937 года Вы показывали, что "действия Гусева были направлены к тому, чтобы скрыть действительную причину аварии машины". На основании чего Вы так утверждали?

Ответ: На допросе 22 сентября 1937 года я показывал так только потому, что Гусев, прибыв на место аварии, не предпринимал никаких действий к выяснению обстоятельств аварии, однако, поручалось ли ему это делать, я не знаю.

Вопрос: Вам зачитываются Ваши показания, данные о Гусеве в судебном заседании Военного Трибунала 28 ноября 1937 года со слов: "Свидетель Кузин...! до слов: "...которую при аварии открывал Малий". Вы подтверждаете данные показания?

Ответ: Да, зачитанные показания я подтверждаю, правда, некоторые детали по существу обстоятельств аварии машины у меня в памяти не сохранились.

Вопрос: С кем еще Вам давались очные ставки, кроме Малия?

Ответ: Кроме Малия ни с кем другим очных ставок мне не проводилось".

Второй допрос Кузина был проведен 5 мая 1959 года. На этом допросе выяснились вопросы о том, с кем ему проводились очные ставки в 1937 году, кто раньше прибыл на место происшествия — инспектор ОРУД или Гусев, с кем он был доставлен Гусевым в здание УНКВД, запрещал ли Гусев инспектору ОРУД беседовать с ним, правильны ли показания инспектора ОРУД Оскотского, данные им в 1937 году, о том, что авария автомашины произошла вследствие ее технической неисправности. Отвечая на эти вопросы, Кузин показал, что проводилась ли в 1937 году очная ставка между ним и Гусевым, он не помнит, но подпись на протоколе очной ставки принадлежит ему; кто раньше прибыл на место происшествия, инспектор ОРУД или Гусев, он не помнит; в здание УНКВД он был доставлен Гусевым вместе с инспектором ОРУД, по дороге в УНКВД инспектор пытался у него выяснить обстоятельства аварии, но Гусев запретил им разговаривать, заявив, что с этим разберутся в УНКВД; по прибытии в здание УНКВД Гусев по словам Кузина, оставил его в комнате секретаря Могилкиной, а сам с инспектором куда-то ушел, после чего он никакого общения с Гусевым не имел, фамилия инспектора ОРУД ему неизвестна. Показания инспектора ОРУД Оскотского о том, что машина потерпела аварию ввиду того, что была технически неисправна, Кузин не подтвердил, заявил, что считает их неправильными и утверждал, что машина была совершенно исправной.

Будучи допрошен 8 февраля 1960 года в КГБ при Совете Министров СССР, Кузин показал ~~ему~~, что ему неизвестно, с какой

целью Гусев увез его инспектора ОРУД с места аварии, что Гусева знал раньше только в лицо, как сотрудника Оперода УНКВД по Ленинградской области, знаком с ним не был и охарактеризовать его не может— после 1934 года и до 1937 года с Гусевым не встречался. В 1937 году встречался с ним на очной ставке и в суде, где выступал свидетелем по его делу.

По делу Гусева на следствии и в суде допрашивался бывший помощник начальника 2 отделения ОРУД Ленинградского областного управления милиции Оскотский А.С. (по показаниям его жены, умер в Ленинграде в июне 1947 года).

Первый раз Оскотский был допрошен 25 сентября 1937 года. На допросе он показал, что 2 декабря 1934 года он был дежурным по ОРУД и в II часов утра выехал по вызову на место аварии грузовой автомашины УНКВД ЛО на улицу Воинова, кто передавал сообщение об аварии он не помнит.

Позднее был привлечен к работе в комиссии по установлению причин аварии этой машины. Как ему известно, работой комиссии руководил помощник начальника ЭКО УНКВД по Ленинградской области Ржавский, а в комиссию входили он, Оскотский, инспектор ОРУД Малькевич, директор завода "Красный Треугольник" Васильев и два человека от Представительства Наркомтяжпрома, фамилии которых не помнит, один из них был заведующим гаражом.

Когда он приехал на место аварии автомашины, там уже находился сотрудник УНКВД Гусев и шофер пострадавшей машины, которая стояла у поребрика панели. Гусев предложил немедленно ехать с ним в УНКВД, сославшись при этом на приказание

наркома. Он стал возражать, говоря, что необходимо обследовать место аварии и посмотреть машину. Тогда Гусев в приказной форме предложил ему ехать вместе с ним. Во время этих пререканий он успел сделать схематический набросок места аварии и бегло осмотреть машину. При осмотре машины был обнаружен разрыв правой передней покрышки, что в то время дало основание предполагать, что авария произошла вследствие разрыва покрышки. С таким мнением он поехал с Гусевым в УНКВД. Вместе с ним Гусев увез в УНКВД и шофера машины, потерпевшей аварию. Разговаривая с этим шофером Гусев не разрешил. В здании УНКВД Гусев привел его в комнату секретаря Могилкиной, а сам с шофером ушел. В комнате Могилкиной он находился 2,5-3 часа, пока не пришел сотрудник НКВД Агас, заявивший, что будет его опрашивать, но он объяснил Агасу, что ничего не знает, так как не закончил осмотр места происшествия и автомашины. Агас разрешил ему закончить свое дело, и он поехал из УНКВД в ОРУД, где доложил об обстоятельствах аварии начальнику ОРУД Шилкину. Последний, имея ввиду серьезность случая, направил с ним на место аварии старшего инспектора ОРУД Малькевича. На месте аварии никого не было, они вдвоем осмотрели машину, произвели необходимые измерения, после чего поехали в УНКВД. Когда там собрались члены комиссии, они "вместе с комиссией и машиной, потерпевшей аварию, поехали в гараж и там произвели тщательный осмотр машины и установили причину аварии". Из гаража комиссия возвратилась в УНКВД, в кабинет Рживского, где обменялись мнениями и составили акт о причинах аварии. После этого им и Малькевичем было составлено техническое заключение о причинах аварии на бланках ОРУД, кото-

рое не расходилось с выводами комиссии. Гусев в работе комиссии участия не принимал и после того, как Гусев привез его в здание УНКВД, он Гусева больше не видел.

На вопрос, какое было заключение о причинах аварии машины, Оскотский ответил:

"При осмотре машины в гараже была установлена поломка передней рессоры и стяжного болта и отсутствие четырех листов рессоры, в результате чего передняя ось машины ушла влево и оказалась децентрированной. Осмотром резины установлено, что прорыв камеры произошел при ударе переднего правого колеса о поребрик панели, т.е. прорыв камеры не явился причиной аварии, а являлся ее следствием. Причиной же аварии являлась вышеуказанная неисправность машины плюс повышенная скорость, допущенная водителем".

После записи об ознакомлении Оскотского с содержанием протокола, его подписи и подписи лица, производившего допрос, проведена запись дополнительных показаний Оскотского следующего содержания:

"Прошу внести исправления в мое показание, которые сводятся к следующему: из здания УНКВД в ОРУД я не ездил, а выехал из здания вместе со всей комиссией к месту аварии машины, где застал нач-ка ОРУД - Шилкина и ст. инспектора ОРУД Малькевича. Здесь же были представители гаража УНКВД - Ионин и нач. гаража Гири. С машины, потерпевшей аварию, было снято колеса (переднее правое) и комиссия поехала в гараж для осмотра резины и машины, которая пошла своим ходом под управлением Ионина, а я сидел рядом с ним. По пути в гараж на ул. Воинова при повороте направо на Гагаринскую ул. машину забросило вправо на панель. Затем еще раз такой же занос получился на проезде Декабристов, угол бульвара Профсоюз. Это обстоятельство заставило обратить особое внимание на механическую часть, т.к. у всей комиссии вначале составилось мнение, что причиной аварии явился прорыв камеры. Последующим осмотром это обстоятельство было отвергнуто и установлено, что причиной аварии явилась неисправность механической части, т.е. поломка стяжного болта передней рессоры, от которого в машине имелась только головка, недостава семи (по заводской норме) листов рессоры и смещение передней оси влево.

Вопрос: Какое участие в работе комиссии принимали Гири и Ионин?

Ответ: Гири и Ионин присутствовали при осмотре машины в гараже,

причем, высказывали свое мнение о причинах аварии, не совпадавшее с мнением комиссии, т.е. что авария произошла в результате прорыва камеры. Камера тщательно была осмотрена и кроме прорыва, полученного от наезда на поребрик панели, других повреждений не имела. На заседании комиссии Гири и Ионин не присутствовали. Когда комиссия закончила работу, т.Агас предложил представителям ОРУД остаться и здесь нам предложил, независимо от акта комиссии, оформить дело, как оформляются обычные дела на бланках ОРУД. После этого мною и Малькевичем было составлено обследование, заключение и схематический эскиз на бланках ОРУД и передано т.Агас".

На очной ставке с Гусевым 12 октября 1937 года Оскотский показал, что когда он прибыл на место аварии, там кроме машины, потерпевшей аварию, находилась легковая автомашинка "Бьюик", около грузовой машины стоял шофер, и правое переднее колеса этой машины было спущено. Как только он приехал, к нему почти сразу подошел Гусев и предложил ехать с ним в УНКВД. Он заявил Гусеву, что должен обследовать место аварии и машину, но тот настаивал на своем. Он все же успел промерять шагами расстояние от места удара машины об угол стены и попробовать вращение руля, большего сделать не смог и поехал с Гусевым в УНКВД на легковой автомашине. В машине он хотел записать сведения о шофере и проверить его права, но Гусев разговаривать с шофером не разрешил. Он не помнит, к кому привел его Гусев в здании УНКВД, но сидел он в кабинете Могилкиной и в комнате дежурного.

В судебном заседании по делу Гусева 28 ноября 1937 года Оскотский показал, что 2 декабря 1934 года дежурил в аварийной инспекции и около 11 часов утра по телефонному вызову регулировщика с улицы Воинова выехал на место аварии

грузовой автомашины, принадлежавшей Управлению НКВД по Ленинградской области. Там он застал шофера этой машины и сотрудника УНКВД Гусева. Последний запретил ему осматривать место аварии и машину, разговаривать с шофером и предложил поехать вместе с ним в УНКВД. Там Гусев отвел их с шофером на четвертый этаж, где ему пришлось просидеть не менее трех часов пока не пришел сотрудник НКВД Агас, сказавший ему, что будет его опрашивать. Когда он объяснил Агасу, что о причинах аварии ничего сказать не может, так как не успел обследовать место аварии и осмотреть машину, последний разрешил ему это сделать. После этого из УНКВД он поехал в ОРУД, и начальник ОРУД дал ему в помощь инспектора Малькевича. Вместе с Малькевичем они осмотрели машину, затем с комиссией поехали в гараж, где произвели тщательный осмотр машины. При осмотре выяснилось, что лопнул болт рессоры и отсутствует в одной рессоре семь листов. Из гаража комиссия возвратилась в УНКВД, в кабинет Ржавского, и после обмена мнениями "пришла к выводу, что авария машины получилась из-за неисправности машины".

Регулировщик, звонивший по телефону, сообщил ему, Оскотскому, что в результате аварии есть пострадавший. Как заявил в суде Оскотский, свидетелей и посторонних на месте аварии он не видел, и никто из таких лиц к нему не подходил. При вызове шофера в комиссию он "спрашивал шофера, не вырвал ли у него кто-либо руль, на что шофер ответа не дал. Помимо этого, комиссия задавала вопросы только в части технического состояния машины, не вдаваясь в расследование всех обстоятельств.

Вывод комиссии был такой, что авария произошла из-за неисправности машины", и он "с ним был согласен". По заявлению Оскотского, "отсутствие листов в рессоре могло играть роль в смысле выворачивания машины вправо и влево, но, несмотря на это, на ней можно было проехать без аварии еще сотни километров".

На предварительном следствии по делу Гусева 25 сентября 1937 года был допрошен в качестве свидетеля помощник начальника отделения ОРУД Ленинградского управления милиции Малькевич М.А. (2 февраля 1938г. осужден к расстрелу "за шпионаж", 9 сентября 1958г. реабилитирован). Он показал, что 2 декабря 1934 года днем по предложению начальника ОРУД Шилкина и вместе с ним он выезжал на место аварии автомашины на улицу Воинява. До них туда выехал дежурный инспектор ОРУД Оскотский. Когда они приехали на место аварии, там у машины никого не было. На их вопрос, где шофер и инспектор ОРУД, находившийся там милиционер ответил, что они уехали в УНКВД. Шилкин оставил его на месте аварии, а сам уехал в УНКВД. Милиционер предупредил, что до приезда комиссии машину трогать нельзя. Вскоре приехал сотрудник УНКВД в штатском (предполагает, что это был Гусев), который также предупредил, что до приезда комиссии машину трогать нельзя. Через некоторое время приехало несколько человек из гаража, среди которых, как он потом узнал, был техник гаража Ионин. Последний бегло осмотрел всю машину и хотел снять правое переднее колесо, но ему также сказали, что до приезда комиссии машину трогать не разрешено. Вскоре после этого на двух или трех машинах прибыли сотрудники УНКВД и лица в штатском, как он узнал потом, члены комиссии. Комиссия осмотрела машину снаружи, при этом все внимание было

обращено на правое переднее колесо со спущенной покрышкой. Это колесо сняли и отправили в гараж для тщательного осмотра. Туда же поехали и некоторые члены комиссии - представители от завода "Красный Треугольник". На месте аварии остались он - Малькевич, Оскотский и члены комиссии - представители от Наркомтяжпрома. На потерпевшую аварию машину было поставлено запасное колесо, Ионин сел за руль машины, а Оскотский рядом с ним. Было проверено тормозное расстояние сходу, которое оказалось нормальным. После этого он и представители Наркомтяжпрома на легковой машине поехали в гараж, а Оскотский и Ионин погнали туда потерпевшую аварию машину своим ходом для осмотра механической части.

В гараже была осмотрена камера от переднего колеса. На ней кроме одного языкообразного прорыва других повреждений не было. Место прорыва на камере совпадало с местом удара колеса о поребрик панели. В связи с этим комиссия пришла к выводу, что "прорыв произошел от удара колеса о поребрик панели".

Когда в гараж пришла машина, потерпевшая аварию, то Оскотский отвел его в сторону и сказал, что "по пути в гараж при поворотах вправо машину бросало вправо, и они чуть не заехали на панель". Оскотский далее сказал, что Ионин просил его не говорить об этом комиссии.

При осмотре машины были обнаружены следующие технические недостатки: "нехватало семи рессорных листов передней рессоры, был сорван центровой болт, и нижняя часть болта с гайкой отсутствовала. Рессорные цапки, будучи затянутыми гайками до отказа, имели люфт, т.е. фактически рессоры они не скрепляли".

Из гаража комиссия поехала в УНКВД и собралась в каби-

нете Ржавского. Были обсуждены результаты осмотра резины и машины и сделан вывод, что "резина лопнула при ударе колеса о поребрик панели и причиной аварии не являлась. Техническое состояние автомобиля было неисправное и указанные выше дефекты допускали во время хода автомобиля резкие броски машины в сторону, что имело место при следовании машины с места аварии в гараж".

На комиссию приглашался шофер машины, потерпевшей аварию. Он "на неисправность машины не жаловался, а заезд на панель объяснил резким броском машины вправо".

По окончании работы комиссия составила акт, указав в нем, что "техническая неисправность машины послужила причиной аварии". После этого члены комиссии, кроме работников ОРУД, были отпущены, а ему и Оскотскому предложили остаться и оформить документы на данную аварию по правилам ОРУД. В связи с этим он и Оскотский еще раз выезжали на место аварии, сделали точный эскиз, места аварии и к утру составили акт, после чего весь материал передали сотруднику НКВД Агасу. Их выводы с выводами комиссии не расходились.

Работой комиссии руководил Ржавский, в ее состав входили представители завода "Красный Треугольник" и представители Наркомтяжпрома. Из последних один был автоинженер, а второй - механик гаража. От ОРУД в комиссии участвовали он - Малькевич, Оскотский и начальник ОРУД Шилкин, но Шилкин в гараж не выезжал. Сотрудник НКВД Гусев в работе комиссии не участвовал. Малькевич, по его словам, хорошо помнит, что на заседании комиссии был Ионин, который "протестовал против выводов комиссии о технической неисправности автомобиля". Кроме

Ионина из гаража присутствовали еще два человека, но кто именно, он не помнит.

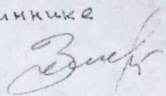
На очной ставке с Гусевым Малькевич не допрашивался, в суд, как свидетель, не вызывался.

Гусев был арестован 16 июля 1937 года, как участник контрреволюционной группы, возглавлявшейся заместителем начальника УНКВД по Ленинградской области Запорожцем и начальником Оперода УНКВД Губиным и проводивший по заданиям Губина и Хвиюзова контрреволюционную деятельность "против руководства ВКП(б) и соввласти".

На допросах 17, 27 и 29 июля, 8 сентября и 8 октября 1937 года, в судебном заседании 28 ноября 1937 года Гусев указанные выше обвинения в совершении контрреволюционных преступлений категорически отрицал. По обстоятельствам, связанным с выездом Гусева на место аварии автомашины, он допрашивался 27 июля, 8 сентября и 8 октября 1937 года, а также 13 октября того же года на очных ставках с Кузиным и Оскотским.

На упомянутых выше допросах, Гусев показал, что на место аварии автомашины он был послан сотрудником НКВД СССР по фамилии, как он узнал позднее от сослуживцев, Миронов. Ему было дано задание обезоружить шофера, доставить его в УНКВД и принять меры к охране машины. К месту аварии выехал на легковой автомашине, которую ему дал дежурный по Опероду. На месте аварии застал следующую обстановку: "Грузовая 1 1/2 тон. машина, потерпевшая аварию, стояла на колесах рядом с тротуаром на дороге. Задняя^{*)} правая покрывка колеса была без воздуха. Все покрывки на остальных колесах были целы. Шофер находился у машины. На тротуаре находился уч. инспектор милиции, а затем

*) Так в подлиннике

подошел второй... Около машины находился уже аварийный инспектор ОРУД и несколько человек из проходивших по улице граждан." Как произошла авария, у шофера не спрашивал, т.к. "считал неудобным, ибо считал его фактически задержанным". Инспектору ОРУД разговаривать с шофером не запрещал. Из разговоров инспектора ОРУД с шофером узнал о ранении Борисова, а позднее от секретаря Оперода Максимова услышал, когда тот рассказывал сотрудникам о гибели Борисова. Шофер был доставлен в Оперод, в комнату, где находились дежурный по Опероду и секретарь Максимова. После этого вновь возвратился на место аварии машины и находился там до приезда комиссии. Кто входил в состав комиссии, не знает, комиссия создавалась бывшим заместителем начальника ЭКО Ржавским, в нее привлекались какие-то инженеры с заводов. В работе комиссии никакого участия не принимал, заключений комиссии не видел. Никаких указаний об участии в работе комиссии ему дано не было.

Насколько припоминает, инспектора ОРУД с места аварии никуда не увозил и когда получал задание о выезде на место аварии, об этом ему ничего сказано не было. Хвиюзова перед выездом на место происшествия не видел, никаких заданий по этому делу от него не получал. О результатах выезда на место аварии ни Хвиюзову, ни Губину не докладывал.

На месте происшествия, по словам Гусева, ему никто не заявлял о том, что он является очевидцем, поэтому он "никого в качестве свидетелей не записал".

Во время допросов Гусеву ставились и такие вопросы:

"Вопрос: Для Вас, как прибывшего почти первым на место аварии, ничего не показалось загадочным в этом происшествии?".

"Вопрос: Вам не показалось странным то обстоятельство, что сотрудники ехали в Смольный на грузовой машине?".

"Вопрос: Вы можете, т.к. Вы выполняли распоряжение присутствовать при комиссии участников к.р. организации Губина и Хвиюзова. Прекратите заипра-тельство и говорите правду".

"Вопрос: Материалами следствия достаточно установлено, что Ваши действия на месте аварии машины закл-чались в сознательном скрывании следов убийства оперкомиссара Борисова, совершенного к/рев. группой Губина. Признаете это?".

Отвечая на эти вопросы, Гусев указывал, что о существовании контрреволюционной группы ему ничего не известно, никаких заданий от этой группы он не получал, на то, что сотрудники ехали на грузовой машине, внимания не обратил, а о том, что ехали они в Смольный, не знал. Вместе с тем, Гусев заявил, что ему "показалось странным в этой аварии то, что лица, ехавшие с Борисовым - Малий сидел в кабине шофера, Виноградов - внутри кузова спиной к кабине, а Борисов почему то сидел на переднем углу правого борта машины". Больше он "ничего не видел странного и необычного в этой аварии".

На очной ставке с шофером Кузиным Гусев показал, что он не утверждает, но, как ему кажется, к моменту его "прибытия на место аварии машины инспектор ОРУД находился уже там и измерял шагами расстояние, прошедшее машиной со спущенной крышкой". С места аварии Кузина он доставил в комнату дежурного по Опероду, отводил ли он Кузина из этой комнаты на четвертый этаж, не помнит. На вопрос, "были ли свидетели,

заявлявшие, что они видели, как произошла авария машины, "Гусев ответил: "Об этом никто из находившихся у машины мне не заявлял".

На очной ставке с инспектором ОРУД Оскотским Гусев показал, что когда он "подъехал на машине к месту аварии, то увидел, что инспектор ОРУД Оскотский шел от трамвайных рельс к машине, потерпевшей аварию", и, как ему показалось,—"шагами измерял в этот момент расстояние". Он мог предложить Оскотскому поехать с ним в УНКВД, так как "знал, что представитель ОРУД должен войти в комиссию", но увез ли он Оскотского в УНКВД вместе с шофером или в другой раз, не помнит. Оскотскому он не запрещал задавать вопросы шоферу, и целый ряд вопросов Оскотский задавал шоферу в машине. Во время очной ставки Гусев с разрешения следователя задал Оскотскому такой вопрос:

"...На месте аварии машины Оскотский задавал ли ряд вопросов шоферу и осматривал ли частично машину и препятствовал ли я ему в этом?".

Оскотский на этот вопрос ответил:

"Да, препятствовал тем, что как только я подошел к машине, то Гусев в приказном порядке предложил мне поехать с ним в здание УНКВД. Я должен был с прибытием на место аварии промерить четыре расстояния рулеткой, составить схематический эскиз, выяснить все данные о водителе и детально осмотреть машину, установив ее повреждения. Эти мероприятия я сделать не мог, ввиду предложения Гусева в приказном порядке поехать с ним в здание УНКВД".

К материалам предварительного следствия был приобщен рапорт Гусева от 16 февраля 1935 года на имя начальника Оперода УНКВД Л.О. Описывая в этом рапорте обстоятельства

уничтожения архивных документов Оперода, Гусев коснулся и вопроса своего выезда на место аварии. Он написал:

"Но меня тут же, почти сразу, вызвали к т. Миронову в связи с аварией машины с Борисовым. Мне было предложено немедленно доставить шофера, обеспечить сохранность в таком виде, как есть на месте до комиссии и совместно с тов. Ржавским создать комиссию из специалистов и представит. ОРУДа".

В судебном заседании по делу Гусева вначале допрашивались свидетели. Давая пояснения по показаниям Кузина, Гусев заявил, что он вопроса к свидетелю не имеет и показания его считает правильными, не помнит, от кого именно, но он получил приказание привезти шофера и инспектора ОРУД в здание УНКВД, что он и сделал.

По показаниям Оскотского Гусев заявил:

"Вопросов к свидетелю не имею и показания его считаю необоснованными".

Будучи допрошен судом после проведенных допросов свидетелей, Гусев об обстоятельствах выезда на место аварии автомашины дал следующие показания:

"После аварии машины меня вызвал Миронов и велел выехать на место аварии, взять шофера и привезти в УНКВД. Кроме того, он мне велел вызвать представителя ОРУД. Я еще до выезда позвонил нач. ОРУД Шилкину, который мне сказал, что представитель аварийной группы уже выехал. По прибытии на место аварии сразу же за мной приехал и инспектор ОРУД. Имея прямое приказание Миронова привезти шофера и представителя ОРУД, я это выполнил. Никто из очевидцев аварии ко мне не подходил. Больше никакого участия в выявлении причин аварии машины я не принимал. Кроме того, мне не было известно, что при аварии был убит Борисов...".

Показания свидетелей о моих связях с врагами народа Губиным и Хвиюзовым я отрицаю. Хвиюзова я "Петей" не называл. В кабинет Губина я свободного доступа не имел и так же, как и все сотрудники, ожидал приема по 2-3 дня. С Губиным и Хвиюзовым я работал не более 8-9 месяцев и до Оперода встречался с Губиным в совхозе, когда Губин был управделами III ОГПУ. У Хвиюзова на квартире я никогда не был.

О прибытии в Ленинград правительственной комиссии мне было известно, но мне не было известно о вызове в комиссию Борисова".

В своем последнем слове Гусев вопроса об аварии автомашины не касался и просил вынести ему "справедливый приговор".

В кассационной жалобе, направленной в Военную Коллегию Верховного суда СССР Гусев, ходатайствуя о замене ему расстрела другой мерой наказания, писал:

"Я заверяю Военную Коллегию Верховного суда Союза ССР, что никогда не являлся членом контрреволюционной организации Губина, Хвиюзова, Малия и других врагов народа. Малий и Максимов в своих показаниях признают, что о их террористических приготовлениях никто не знал.

Мои действия в связи с аварией машины были лишь выполнением прямого приказа вышестоящего н-ка, не выполнить которое я не мог, а то, что данный нач-к Миронов является врагом народа я даже и подозревать не мог в то время и об этом узнал уже только после моего ареста, т.е. через два с половиной года. Мои действия на месте аварии никоим образом не могли иметь никакого влияния на решения комиссии по аварии машины, т.к. я не входил в нее.

Показания шофера Кузина, что на месте аварии машины якобы были свидетели, являются явной ложью, т.к. инспектор ОРУД Оскотский, прибывший на место аварии одновременно со мной, свидетелей также не видел".

Поповицкий, осужденный по одному делу с Гусевым, на предварительном и судебном следствии, как видно из материалов дела, ^{об}обстоятельствах аварии автомашины и выезда Гусева на место аварии не допрашивался. О своих взаимоотношениях с Малие он показал, что дружил с ним с момента своего поступления в органы ОГПУ, иногда они вместе выпивали и встречались в гостиницах. Когда в 1934 году Малий был арестован в связи с гибелью Борисова, он по просьбе жены Малия дважды через дежурного тюрьмы передавал ему передачи.

(Архивное уголовное дело № П-59375, том I, л.д. 2, II, 13, 16, 18, 25, 30, 40-45, 147-150, 156-165, 206, 256, 261-263, 265-267, 331-332, 339-344, 354-355, 388, 483, 491-492)

х х

х

В 1937 году был арестован бывший нарком внутренних дел СССР Ягода, его заместители Прокофьев и Агранов, секретарь НКВД СССР Буланов, начальник Оперода Паукер, начальник ЭКУ Миронов и ряд других ответственных сотрудников Центрального аппарата НКВД СССР. Тогда же были повторно репрессированы осужденные в 1935 году в связи с убийством Кирова бывшие руководящие работники УНКВД по Ленинградской области Медведь, Запорожец, Губин и некоторые другие.

Многим из этих лиц, наряду с обвинениями в принадлежности к контрреволюционной заговорщической организации вменялась в вину в той или иной форме причастность к организации и осуществлению убийства оперкомиссара Борисова.

Следует отметить, что Ягода и Буланов были осуждены в марте 1938 года по открытому судебному процессу по делу "Анτισоветского право-троцкистского блока". На остальных арестованных следствие велось на каждого в отдельности, и они были осуждены Военной Коллегией Верховного суда СССР или "в особом порядке", то-есть, комиссией из представителей НКВД СССР, Прокуратуры СССР и Военной Коллегии Верховного суда СССР.

Бывший начальник Оперода УНКВД по Ленинградской области Губин был арестован 30 апреля 1937 года по распоряжению Ежова и расстрелян "в особом порядке" 14 августа того же года. До ареста он отбывал наказание на Колыме, после ареста был этапирован в Москву и следствие по его делу велось Центральным аппаратом НКВД СССР.

В деле по обвинению Губина имеются два его заявления на имя Ежова, датированные 4 июня 1937 года, и отпечатанный на

машинке протокол его допроса от июня того же года (дата допроса не указана, но к делу в отдельном пакете приобщена копия этого протокола, на которой поставлена дата - 10 июня 1937 года). Кроме того, в отдельном пакете к делу приобщены черновые записи, исполненные карандашом и озаглавленные, как "Первоначальные собственноручные записи арестованного Губина А.А. в Лефортовской тюрьме". Дата составления этих записей не указана.

В своих заявлениях Губин наряду с признанием своей вины в том, что он выполнял преступные задания Ягоды и Запорожца по ослаблению охраны Кирова, писал: "после убийства Кирова, Паукером при моем участии был убит Борисов с целью сокрытия следов убийства, т.к. Борисов являлся единственным свидетелем убийства Кирова...".

В протоколе допроса Губина от июня 1937 года его показание об обстоятельствах гибели оперкомиссара Борисова записаны следующим образом:

Вопрос: На предварительном и судебном следствии (имеются ввиду показания Губина в 1934-1935 гг. по делу ленинградских чекистов - примечание наше) Вы полностью сознались в тех Ваших преступлениях, которые, как Вы сами говорите, прямо способствовали убийству т. Кирова?

Ответ: Нет. Как на предварительном, так и на судебном следствии по делу об убийстве Кирова, я скрыл ряд важных обстоятельств и свою роль в создании условий, давших возможность террористу Николаеву убить Кирова. Я также скрыл обстоятельства и свое участие в убийстве комиссара Борисова, охранявшего Кирова и являвшегося единственным прямым и непосредственным свидетелем его убийства.

Вопрос: Почему же Вы все это скрыли?

Ответ: Я скрыл все это потому, что был в сговоре с участником антисоветского заговора, возглавляемого бывшим наркомвнуделом Ягодой, зам. нач. Ленинградского УНКВД Запорожцем, и по прямой директиве Ягоды, переданной мне через ведших следствие по моему делу - бывш. зам. нач. Особого отдела НКВД Сосновского и бывш. секретаря НКВД СССР Буланова я был предупрежден о необходимости скрывать подлинные обстоятельства убийства Кирова...

Вопрос: Расскажите точно и последовательно, где Вы находились и что делали с момента убийства Кирова до Вашего ареста.

Ответ: Днем 1 декабря 1934г., после телефонного сообщения об убийстве Кирова, я немедленно поехал в Смольный, где и находился до полуночи... Примерно в 1 час ночи я поехал в Оперод УНКВД. Здесь мне кто-то сообщил, что в Ленинград выехала из Москвы правительственная комиссия. Здесь же я узнал, что в комнате Котомина находится арестованный Борисов. Узнав обо всем этом, я немедленно собрал у себя в кабинете Хвиюзова и Малия. После обмена мнениями о случившемся я прямо поставил вопрос перед ними о том, что Борисов, как единственный свидетель убийства и, в то же время, хорошо знающий все наши преступления по охране Кирова, сможет выдать и погубить нас и что нужно убрать Борисова, убить его любым путем во что бы то ни стало.

Вопрос: Говорите точнее, как Вы поставили вопрос и что решили об убийстве Борисова?

Ответ: Еще будучи в Смольном, я учел всю обстановку, которая складывалась и явно угрожала мне, Запорожцу и нашим сообщникам. Я хорошо понимал, что если раскроется вся картина охраны Кирова, я и другие будем расстреляны. Я уже тогда решил, что нужно убрать Борисова, т.к. он, хотя и был обработан мною, однако, мог раскрыть все известное ему об охране Кирова, а также выболтать правду об освобождении Николаева в октябре месяце 1934г., рассказать о моих и Запорожце указаниях, направленных к ослаблению охраны.

Вызвав Хвиюзова и Малия к себе в кабинет, я прямо предупредил их, что если правительственная комиссия узнает действительное положение охраны Кирова, а это она может узнать через Борисова, то нас всех перестреляют. Я сказал, что живым Борисов ни в Москву, ни в руки правительственной комиссии не может быть отдан. На этом разговор был закончен. Позднее я вызвал к себе в кабинет Хвиюзова, сказал ему, что мне необходимо поехать на квартиру переодеться, после чего отправиться на вокзал для встречи Паукера. Здесь же я предложил Хвиюзову сговориться с Малием, Максимовым, Виноградовым как должен быть убит Борисов, прежде, чем его возьмут на допрос или повезут в Москву. Здесь мне пришла мысль о возможности убийства Борисова в автомобиле при перевозке (если его повезут), или под видом выстрела в него при его попытке к побегу, если он не будет вывезен из здания НКВД. Думал я и о возможности инсценировки самоубийства. Во всех этих случаях, я считал, нас могут обвинить только в халатности, недосмотре. Об этом я подробно сказал Хвиюзову и Малию. Говорил об этом позже и Паукеру.

Утром 2 декабря, встретив правительственную комиссию на вокзале, я поехал в Смольный. Здесь я имел разговор с Паукером. В разговоре с ним, волнуясь, я сказал Паукеру, что Борисов может нас погубить, выболтав правду. Паукер, не задумываясь, предложил мне во что бы то ни стало убрать Борисова и я тут же сказал Паукеру о том, что для убийства Борисова все готово и дело это поручено Хвиюзову, осталось лишь дать распоряжение об этом.

Паукер одобрил мое решение и спросил меня, как я думаю это дело осуществить. Я ответил, что в Опероде дежурят преданные мне люди: мой помощник Хвиюзов, секретарь отдела Максимов, оперуполномоченный Малий, сотрудник Виноградов, с которыми я ночью договорился о необходимости во что бы то ни стало убить Борисова, как человека, могущего на следствии разоблачить нас. Мы решили живым Борисова из наших рук не выпускать. Я спросил у Паукера, возможно ли, что Борисова не вызовут совсем в Москву или в правительственную комиссию? Паукер ответил, что вряд ли дело обойдется без вызова, что нужно быть ко всему готовым, что в нашем распоряжении могут быть минуты. На этом мой разговор с Паукером был закончен.

Через некоторое время, в тот же день

2 декабря, находясь в Смольном в комнате возле кабинета Чудова, в ожидании вызова к Ягоде (меня об этом предупредил Паукер) я был отозван вышедшими из кабинета Паукером в другую комнату. Паукер взволнованно сообщил мне, что Борисова вызывают в Смольный и с ним будут говорить руководители партии и правительства - Сталин, Молотов, Ворошилов. Тут же он мне сказал, что положение безвыходное, что Борисова живым доставить в Смольный нельзя и спросил меня, все ли готово? Я ответил, что у меня все готово и что я поеду сам в УНКВД и все сделаю. Паукер схватил меня за руку, сжал ее и сказал, что мне уезжать из Смольного нельзя - "Действуйте отсюда, позвоните кому нужно, потом идите на место и ждите вызова к Ягоде; я также позвоню Хвиюзову и дам указания". Кроме того, Паукер у меня спросил, где секретарь Медведя и как его фамилия. На мой вопрос: "Зачем он Вам нужен, он там только помешает", - Паукер, видя мое волнение, ответил, что официальный вызов Борисова в Смольный он сделает через секретаря Медведя или через самого Медведя.

После этого разговора с Паукером я пошел в другую комнату и позвонил лично Хвиюзову, сказав ему, чтобы он кончал с Борисовым, т.к. его сейчас будут вызывать на допрос в Смольный. Я Хвиюзову сказал, что возможно ему позвонит и Паукер. Я повторил Хвиюзову, что "Борисова не должно больше быть". Меня Хвиюзов спросил, как я смотрю, где это удобнее будет сделать, в здании ли УНКВД или в пути, в машине. Я ответил, что это сделать лучше в машине.

Вскоре мне стало известно, что с машиной, на которой доставлялся Борисов в сопровождении Виноградова и Малия - случилась авария, и Борисов убит. Об этом говорили все сотрудники НКВД, находившиеся в Смольном.

Вопрос: Говорите точно, как был убит Борисов?

Ответ: Мне известно, что Борисов убит в пути следования в Смольный на грузовой машине. Убил его Виноградов, сидевший в кузове машины рядом с Борисовым. По предварительной договоренности, Виноградов должен был дать знак Малию, а Малий, сидевший в кабине грузовика, должен был спровоцировать шофера и организовать аварию машины.

Вопрос: Откуда Вам все это известно?

Ответ: Все это мне рассказал Хвиюзов в тот же день, когда был убит Борисов. Незадолго до своего ареста 2.XII.-

Хвиюзов, буквально на ходу, сильно нервничая и путаясь, рассказал мне, что для убийства Борисова он использовал Малия и Виноградова. Грузовую машину для этой цели специально подготовил Максимов, создав обстановку, при которой, якобы, не оказалось легковых машин. Малий спровоцировал шофера, якобы, пытаясь выскочить на ходу из машины. Шофер, удерживая Малия, потерял рулевое управление и произошла авария. Убил Борисова непосредственно Виноградов ударом по голове.

Вопрос: Это далеко не все подробности тех обстоятельств, при которых был убит Борисов. А ведь их все точно знаете?

Ответ: Прошу мне верить, что я сказал всю правду. Убийство Борисова организовано мною и Паукером через Хвиюзова, Малия, Максимова и Виноградова. Больше подробностей кроме тех, которые я изложил уже об убийстве Борисова, я не знаю. Второй встречи с Хвиюзовым у меня ведь не было, так как он 2 декабря был арестован. Я же больше ни с Малием, ни с Виноградовым, ни с Максимовым не виделся, т.к. они были немедленно арестованы после убийства Борисова - 2 декабря. Вскоре - 6 декабря я также был арестован и направлен в Москву.

Вопрос: С кем же Вы вели разговоры об убийстве Борисова 2-го, 3-го, 4-го, 5-го и 6-го декабря 1934 года, то-есть, до Вашего ареста?

Ответ: Об убийстве Борисова я до своего ареста говорил только с Паукером, я рассказал ему все известные мне обстоятельства.

Вопрос: Что Вам говорил при этом Паукер?

Ответ: После моего рассказа Паукеру об обстоятельствах убийства Борисова (этот разговор произошел 2 или 3 декабря - точно не помню), он мне сказал, что сделано все хорошо и предложил соблюдать максимальную осторожность и спокойствие, заверяя, что все будет в порядке, что расследование по этому делу ведут "как нужно" свои люди, близкие и преданные Ягоде и ему - Паукеру, что если я сам не наделаю глупостей, то ничего серьезного во всей этой истории - в убийстве Кирова и Борисова, с точки зрения ответственности моей и Запорожца, - не будет.

Далее Паукер сказал, что передо мною стоит задача крепко держаться на следствии и суде, а об остальном позаботится Ягода, который меня и Запорожца не даст обидеть. Паукер сказал мне, что арестованные Хвиюзов, Малий, Виноградов предупреждены, как вести себя, и допросы их будут вестись как нужно.

Вопрос: А Вы сообщили Запорожцу об убийстве Борисова, где и когда?

Ответ: Запорожец во время убийства Кирова находился в отпуску на курорте в Сочи.

Я рассказал Запорожцу об убийстве Борисова очень кратко уже в пути следования в ссылку, когда мы с ним ехали в одном вагоне из Москвы в Хабаровск-Владивосток. Я сказал Запорожцу, что все я скрыл на следствии. Он мне ответил: "Об этом больше не следует никому говорить и даже вспоминать, все это должно умереть".

Далее Губин показал, что в 1934-1935 годах в Ленинграде он допрашивался Сосновским, в Москве - Булановым. По совету этих лиц на следствии и в суде он скрыл известные ему обстоятельства убийства Кирова и Борисова. Его и других ленинградских чекистов осудили тогда за преступно-халатное отношение к охране Кирова.

В так называемых "Первоначальных собственноручных записях..." Губина в Лефортовской тюрьме, приобщенных к делу в отдельном пакете, вопрос о Борисове изложен в специальном разделе, озаглавленном "Вызов Борисова". В этом разделе Губин несколько по-иному излагает историю с вызовом Борисова в Смольный и известных ему обстоятельств и его гибели, а именно:

"2 декабря во временной приемной, где находились и другие лица, меня увидел Паукер и сказал: срочное, большое дело, необходимо доставить в Смольный Борисова. Я было направился к телефону, но Паукер остановил меня, заявив, что он сам организует доставку Борисова, только ему надо знать, кто там

в Опероде имеется из доверенных людей. Я назвал фамилию Хвиюзова. С этим Паукер стал уходить, спросив на ходу фамилию секретаря Запорожца и сообщил, чтобы я здесь ожидал вызова Ягоды. Ожидал я очень долго, до вечера, но Ягодой ни в тот день, ни в последующие и вообще не был вызван. Результат доставки Борисова я узнал только ночью или на следующий день от Хвиюзова в таком варианте: позвонил Паукер и потребовал срочно доставить Борисова в Смольный к Ягоде. Он, Хвиюзов, снарядил охрану из Малия и Виноградова и велел им ввиду, якобы, отсутствия легковой машины, садиться на грузовую и срочно доставить Борисова в Смольный к Ягоде. В пути следования с машиной случилась какая-то авария. Она ударилась о стену дома, в результате чего Борисов был убит, один из сопровождающих сотрудников ранен, а второй отделался ушибами. Оба сотрудника и шофер распоряжением Агранова арестованы и ведется следствие.

Сообщал это Хвиюзов путано, нервничал и мне стало ясно, что здесь не несчастный случай, а приложена рука Паукера. Это работа к-р группы, организованной Запорожцем, а, следовательно, и мною. Переспросить Хвиюзова более детально я не успел, т.к. вскоре был арестован.

Перед отъездом Паукер просил передать Хвиюзову, что он с ним повидается лично в следующий приезд или в Москве".

В деле по обвинению Губина имеется заключение врача-психиатра Бутырской тюрьмы (подпись неразборчива) от 10 июня 1937 года, в котором указывается, что арестованный "Губин А.А. в настоящее время обнаруживает психотическую реакцию на арест с явлениями обмана чувств (слуховыми). Как недугушнобольной вменяем"

Врач Лефортовской тюрьмы Розенблюм А.А. в своем рапорте на имя помощника начальника названной тюрьмы сообщала, что 3-го июля 1937 года в 5 часов 30 минут она "была вызвана в камеру № 2, где арестованный Губин, находясь в реактивном состоянии, кричал: "Я старый прохвост, я старый сукин сын, хочу проститься с тов.Сталиным и просить у него прощения".

(Архивное уголовное дело № 612338, л.д. 1, 3, 6, 10, 11, 28-35, 38-40 и 48, пакет № 2).

Названный Губиным, как один из организаторов убийства Борисова начальник Оперода НКВД СССР Паукер К.В. , был арестован 15 апреля 1937 года и расстрелян "в особом порядке" 14 августа того же года. В архивном деле на него никаких данных об обстоятельствах убийства Кирова и гибели комиссара Борисова не имеется, допрашивался ли об этом, из материалов дела не видно. (Архивное уголовное дело № 612329).

Объяснения бывшего заместителя начальника УНКВД по Ленинградской области Запорожца (арестован 1 мая 1937 года, расстрелян в "особом порядке" 14 августа того же года) по обстоятельствам гибели оперкомиссара Борисова зафиксированы только в одном протоколе его допроса от 16 июня 1937 года. Эти объяснения изложены так:

Вопрос: Что Вам известно об убийстве Борисова?

Ответ: О смерти Борисова я узнал, будучи в Ленинграде.

Вопрос: От кого Вы узнали об этом?

Ответ: Во время сдачи дел из разговоров с рядом сотрудников Полномочного Представительства.

Вопрос: Что Вам рассказывали об убийстве Борисова сотрудники Ленинградского П.П.?

Ответ: Мне говорили, что Борисов был убит во время автомобильной аварии. Никаких деталей об этом убийстве и кем оно было выполнено я не знал до встречи с Губиным в вагоне. Я подозревал, что смерть Борисова не случайна и что убийство Борисова было организовано Губиным.

Вопрос: В беседах с Булановым и Ягодой Вы затрагивали вопрос об убийстве Борисова?

Ответ: Повторяю, что у меня тогда были только подозрения об убийстве Борисова и так как ни Ягода, ни Буланов ничего мне об этом не сказали, я сам не считал удобным затрагивать этот вопрос.

Вопрос: Кто первый в вагоне начал разговор об убийстве Борисова - Вы или Губин?

Ответ: Я. Меня этот вопрос, естественно, сильно интересовал. Ведь Губина в заговор вербовал я. Я понимал, что убийство Борисова не случайно, но я ничего до встречи с Губиным не знал и поэтому, встретившись с Губиным в вагоне, я, улучив удобный момент, просил Губина изложить мне подробности ^(убийства) Борисова.

Вопрос: Что Вам рассказал Губин?

Ответ: Губин мне сказал, что убийство Борисова организовано им, Губиным, так как Борисов являлся единственным свидетелем убийства Кирова. Борисов, по словам Губина, отлично знал о преступной постановке охраны Кирова и исполнял приказания Губина, ослаблявшие и без того слабую охрану. Борисов знал об освобождении задержанного в октябре 1934 года террориста Николаева.

Вопрос: Как Губин организовал убийство Борисова?

Ответ: Губин, по его словам, после убийства Кирова, твердо решил, что если начнется следствие, его и Борисова, несомненно будут допрашивать, могут увезти в Москву, а возможно и арестуют. Губин боялся, что Борисов разболтает на допросе о всех преступных моментах охраны Кирова и поэтому он, Губин, еще не зная о выезде из Москвы членов Политбюро, решил убить Борисова до вызова его на допрос, чтобы спрятать все концы и застраховать себя.

Вопрос: Кто убил Борисова?

Ответ: Губин мне рассказал, что 1-го декабря 1934 года, накануне приезда в Ленинград из Москвы членов Политбюро, он, Губин, сообщил Хвиюзову, Малию и Виноградову о необходимости ликвидировать Борисова и чтобы они были готовы к этому. Указанным лицам Губин у себя в кабинете сказал, что если Борисов не будет уничтожен, их всех расстреляют за убийство Кирова. Хвиюзов, Малий и Виноградов, по словам Губина, были целиком согласны с Губиным и согласились убить Борисова.

Вопрос: Отвечайте точно, как же был убит Борисов?

Ответ: Губин мне сообщил, что 2-го декабря 1934 года в день приезда членов Политбюро и Ягоды в Ленинград после убийства Кирова ему - Губину, Ягодой через Паукера было приказано доставить на допрос к членам Политбюро Борисова. По словам Губина, Паукер, передавая ему это распоряжение Ягоды, приказал любым способом уничтожить Борисова по дороге, хотя бы путем автомобильной аварии. Паукер, отдавая это приказание Губину, заявил, что если это приказание не будет Губиным выполнено, то он самого Губина сделает трупом.

Губин, как он говорил мне, приказание Паукера выполнил через Виноградова, Малия и Максимова, которые и убили Борисова. Губин мне сказал, что убийство Борисова было проведено в грузовой машине, что в этих целях была организована авария машины -сотрудником Малием, находившимся в машине рядом с шофером и что эта машина врезалась в стену.

Вопрос: Кто находился в машине вместе с Борисовым?

Ответ: По словам Губина, сопровождал Борисова Малий, сидевший рядом с шофером, а в кузове машины находились Борисов и Виноградов.

Вопрос: Кто же убил Борисова?

Ответ: Губин мне об этом не говорил, но т.к. сотрудник Малий находился рядом с шофером в кабине, а Виноградов был с Борисовым в кузове машины, то, естественно, что Борисова мог убить только Виноградов.

Вопрос: Когда был убит Борисов, до того, как машина врезалась в стену или во время этой аварии?

Ответ: Таких подробностей Губин мне не рассказывал, а я у него об этом не спрашивал, т.к. для меня вопрос с убийством Борисова был ясен.

Вопрос: Чем закончилась эта Ваша беседа в вагоне с Губиным?

Ответ: Узнав интересовавшие меня детали убийства Борисова, я порекомендовал Губину по этому вопросу никогда никому не говорить об этом ни единого слова. Я указал Губину на самые тяжелые последствия, какие могут быть, если история убийства Борисова, а также наше участие в подготовке убийства Кирова станут кому-нибудь известны.

Вопрос: Что Вам ответил Губин?

Ответ: Губин согласился со мной и сказал, что все это умрет вместе с ним. Больше мы с ним об этом не говорили. В лагере я с Губиным был на разных участках, и мы не встречались ни разу".
(Архивное уголовное дело № 612340, л.д. 44-48).

От арестованных в 1937 году бывших руководящих работников НКВД СССР Агранова, Прокофьева и Миронова были получены показания об обстоятельствах гибели оперкомиссара Борисова, причем все они заявили, что об этом им стало известно от Ягоды.

Так, например, Агранов Я.С. на допросе 9 ноября 1937 г. показал, что в декабре 1934 года Ягода ему сказал, что, по его сведениям, Борисов убит работниками Оперода УНКВД Ленинградской области, а авария автомашины - это инсценировка, так как Борисов причастен к убийству Кирова (оставил пост) и ленинградские чекисты опасались, что он их выдаст. Как сказал Ягода, вскрытие подлинных причин гибели Борисова приведет к разгрому ОГПУ, при этом он предложил ему, Агранову, не "раскапывать" этого дела. Он обещал Ягоде и дал на этот счет соответствующие указания сотрудникам НКВД Миронову и Чертоку, которые расследовали обстоятельства аварии автомашины и гибели Борисова. На его просьбу рассказать о подробностях гибели Борисова Ягода ответил отказом. (Архивное уголовное дело № 1961, том 3, л.д. 95-96).

Бывший заместитель наркома внутренних дел СССР Прокофьев Г.Е., будучи арестован 11 апреля 1937 года на допросах 16 мая, 5 и 10 июня 1937 года показал, что Ягода в беседе с ним и

Булановым высказывал беспокойство в связи с расследованием дела об убийстве Борисова, так как Запорожец и его люди очень плохо провели операцию по убийству Борисова, являвшегося единственным свидетелем "указаний Запорожца по ослаблению охраны и открытию доступа к Кирову" . По заявлению Ягоды, "это нужно и можно было сделать умнее и тоньше". Ягода сказал, что "нужно теперь дать "виновников" этого дела и найти такой ход в этом деле, чтобы сохранить себя и спасти заговор". Он и Буланов разделяли опасения Ягоды.

Прокофьев расстрелян в "особом порядке" 14 августа 1937 года. (Архивное уголовное дело № 612346).

Миронов Л.Г., арестованный в июне 1937 года и расстрелянный по приговору Военной Коллегии 29 августа 1938 года, на допросе 29 июня 1937 года показал, что оперкомиссар Борисов был убит во время аварии автомашины по указанию Губина, действовавшего по указанию Паукера, а последний - по указанию Ягоды. В целях сокрытия преступной постановки охраны Кирова, он, Миронов, дал указание Чертоку провести следствие по делу катастрофы автомашины с комиссаром Борисовым так, чтобы доказать, что Борисов является жертвой автомобильного происшествия.

(Архивное уголовное дело № 967387, том I, л.д. 49-50).

Упомянувшийся ранее в показаниях Губина ответственный сотрудник НКВД СССР Сосновский И.И. был арестован в первой половине 1937 года и 15 ноября того же года расстрелян "в особом порядке". В материалах дела не имеется данных о том, допрашивался ли он об обстоятельствах гибели Борисова. Губин, Малий и Виноградов по показаниям Сосновского не проходят. (Архивное уголовное дело № 612526).

Участвовавший в расследовании дела о гибели Борисова сотрудник НКВД СССР Черток И.И. был арестован 16 апреля 1937 года и в тот же день покончил жизнь самоубийством. Никаких протоколов допросов, объяснений и заявлений Чертока в материалах дела на него не имеется, в деле подшиты только ордер на арест, протокол обыска в квартире, акт осмотра служебного кабинета Чертока и акт обследования трупа Чертока. (Архив КГБ при СМ СССР, архивное личное дело № 219753).

Как уже указывалось ранее, в числе лиц, осужденных в марте 1938 года по открытому судебному процессу "Антисоветского право-троцкистского блока" были бывший нарком внутренних дел СССР Ягода и бывший секретарь НКВД СССР Буланов П.П. По обстоятельствам гибели Борисова оба они допрашивались и дали следующие показания.

Буланов, будучи арестованным 29 марта 1937 года, на допросе 15 мая того же года показал, что в начале 1936 года от Ягоды ему стало известно о том, что Киров был убит по совместному решению зиновьевского, троцкистского центров и центра правых, что "по указаниям Запорожца Губин через Борисова - оперкома при Кирове дал возможность Николаеву в Смольном подойти к Кирову и совершить убийство, причем, Ягода подчеркнул, что Борисов использовался втемную". Далее Ягода, по словам Буланова, рассказал, что он, "будучи в Ленинграде, пережил несколько очень опасных минут, когда кто-то из приехавших членов Политбюро предложил доставить на допрос Борисова, единственного свидетеля убийства Кирова. Чтобы избавиться от этого свидетеля и от возможного вскрытия роли Ягоды и Запорожца в убийстве Кирова,

т.к. о полученных указаниях от Губина Борисов мог сказать, Ягода организовал дело так, что Борисов, якобы, случайно погиб в машине, когда его везли на допрос". - На вопрос, каким образом и через кого было организовано убийство Борисова, Буланов ответил: "Никаких деталей об этом ни во время этой беседы, ни в последующих Ягода мне не сообщил".

В судебном заседании 8 марта 1938 года, давая объяснения по этому вопросу, Буланов показал:

"...Ягода далее рассказал мне, что сотрудник Ленинградского Управления НКВД Борисов был причастен к убийству Кирова. Когда члены правительства приехали в Ленинград и вызвали в Смольный этого Борисова, чтобы допросить его, как свидетеля убийства Кирова, Запорожец, будучи встревожен этим и опасаясь, что Борисов выдаст тех, кто стоял за спиной Николаева, решил Борисова убить. По указанию Ягоды Запорожец устроил так, что машина, которая везла Борисова в Смольный, потерпела аварию. Борисов был при этой аварии убит и таким образом они избавились от опасного свидетеля".

Арестованный 28 марта 1937 года, Ягода по обстоятельствам гибели оперкомиссара Борисова допрашивался 19 мая 1937 года. Его показания об этом записаны так:

Вопрос: Ваша роль в убийстве тов. Кирова не ограничивается только тем, что Вы не чинили препятствий к совершению террористического акта над ним, и тем, что Вы освободили задержанного сотрудниками Оперода Ленинграда убийцу. Вы приняли меры к тому, чтобы максимально ослабить физическую охрану тов. Кирова и тем самым облегчить доступ убийце.

Ответ: Я этого не признаю. Никаких указаний об ослаблении физической охраны Кирова я не давал. Может быть это делал Запорожец по собственной инициативе, но мне об этом не говорил.

Вопрос: Вы не только дали распоряжение об ослаблении охраны Кирова, но и после совершения террористического акта приняли меры к устранению свидетеля. Мы говорим об убийстве сотрудника Оперода Борисова, охранявшего Кирова.

Ответ: Этого я также признать не могу. Лично никаких указаний об устранении Борисова не давал. Запорожца в это время вообще в Ленинграде не было. Если здесь имело место убийство, а не несчастный случай, то это дело рук Губина, но я этого не знаю.

Вопрос: Вы говорите неправду. Вы будете уличены во лжи показаниями Запорожца и Губина. Мы предлагаем Вам сейчас сказать правду о том, при каких обстоятельствах был убит Борисов.

Ответ: Я ничего не скрываю. Я говорю искренне и правдиво. Добавить к своим показаниям по этому вопросу ничего не могу.

Я могу признать, что лично у меня после убийства Кирова была попытка, вернее, намерение дело это "потушить" и ограничиться арестами только в Ленинграде. Но неослабный контроль со стороны ЦК и участие в следствии Ежова этому помешало. Как известно, были арестованы Зиновьев, Каменев, Бакаев и другие в Москве.

Неудачной оказалась также попытка выгородить Запорожца от привлечения к ответственности по делу ленинградских чекистов: вмешался Ежов, и Запорожец был осужден".

В судебном заседании эти показания Ягоды не проверялись и его по обстоятельствам гибели оперкомиссара Борисова не допрашивали.

Таким образом, из изложенного выше видно, что Ягода, на которого ссылались в своих показаниях Буланов и другие, свою причастность к организации убийства Борисова категорически отрицал. Более того, в судебном заседании, в своем последнем слове Ягода заявил, что он не имел никакого отношения к убийству Кирова и не совершал других преступлений, вмененных ему в вину.

Буланов на следствии и в суде утверждал, что убийство Борисова организовано Запорожцем. Между тем, Ягода в показаниях от 19 мая 1937 года и Губин в своих показаниях на

следствии в июне 1937 года заявляли, что во время убийства Кирова и гибели Борисова Запорожца в Ленинграде не было, т.к. он в это время был в отпуске и находился в Сочи.

О том, что в первых числах декабря 1934 года, когда было совершено убийство Кирова и погиб Борисов, Запорожец находился не в Ленинграде, а на отдыхе в Сочи, он дал показания на следствии по делу сотрудников Ленинградского УНКВД в 1934-1935 гг. и на упоминавшемся выше допросе от 16 июня 1937 года. На этом допросе Запорожец показал: "Во время убийства Кирова я был в Сочи... Я узнал об убийстве Кирова из правительственного сообщения и из телеграммы Медведя. Я немедленно выехал в Москву, куда прибыл накануне похорон Кирова..." (факт отсутствия Запорожца в это время в Ленинграде подтверждается последними материалами проверки).

Следует отметить, что в обвинительном заключении по делу "Антисоветского право-троцкистского блока", составленном 23 февраля 1938 года, указывается о выделении в особое производство дел в отношении ряда лиц, в том числе и дела на Запорожца И.В., в то время как Запорожец был расстрелян "в особом порядке" еще в августе 1937 года, то-есть, более, чем за шесть месяцев до составления названного обвинительного заключения. (Архивное уголовное дело № 967582, том 2, л.д. 166-167; том 16, л.д. 51, 52; черновик правленной стенограммы судебного заседания по делу "Антисоветского право-троцкистского блока" - л.д. 10, 31; судебный отчет по делу "Антисоветского право-троцкистского блока" - Юриздат, Москва, 1938 г., - стр. 23, 35, 245, 250-253, 373-375).

Со времени убийства Кирова до судебного процесса по делу "Антисоветского право-троцкистского блока" (март 1938 года) никаких сообщений об обстоятельствах гибели оперкомиссара Борисова в открытой печати не было. Об этом упоминалось в Закрытом письме ЦК ВКП(б) и в письме НКВД СССР по поводу убийства Кирова, которые были разосланы в начале 1935 года, однако в этих документах говорилось, что Борисов погиб случайно в результате аварии автомашины. Впервые об обстоятельствах гибели Борисова в открытой печати было сообщено при опубликовании материалов о судебном процессе по делу "Антисоветского право-троцкистского блока", причем, гибель Борисова представлялась уже как организованное убийство его сотрудниками НКВД с целью сокрытия причастности руководящих работников органов НКВД к убийству С.М.Кирова. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в опубликованных материалах судебного процесса об обстоятельствах гибели Борисова имелись только приведенные выше показания Буланова в судебном заседании со ссылкой на Ягоду, который на следствии их отрицал, а в суде его об этом не допрашивали. В обвинительном заключении, в речи государственного обвинения и в приговоре по делу "Антисоветского право-троцкистского блока" вопрос об обстоятельствах гибели оперкомиссара Борисова не затрагивался.

х

х

х

Обстоятельства гибели оперкомиссара Борисова по материалам проверок, проводившихся в 1956, 1960-1961 и в последующие годы.

На XX съезде КПСС в докладе "О культе личности и его последствиях" в той его части, где говорилось о загадочном убийстве Кирова, об обстоятельствах гибели оперкомиссара Борисова было сказано следующее: "...Крайне подозрительным является то обстоятельство, что когда прикрепленного к Кирову чекиста 2 декабря 1934 года везли на допрос, он оказался убитым при "аварии" автомашины, причем никто из сопровождающих его лиц при этом не пострадал...".

Это было, по существу, второе после 1938 года публичное заявление о том, что Борисов не случайно погиб, а был убит при аварии автомашины.

Комиссия под председательством Молотова, созданная Президиумом ЦК КПСС после XX съезда партии для изучения материалов открытых судебных процессов по делам Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Тухачевского и других, в числе других вопросов занималась и изучением обстоятельств гибели оперкомиссара Борисова.

По поручению Комиссии, обстоятельства гибели Борисова изучались работниками Прокуратуры СССР и Комитета госбезопасности. В процессе изучения этого вопроса, ими в апреле 1956 года были допрошены Кузин и бывший сотрудник УНКВД по Ленинградской области Якушев и проведена очная ставка между ними, в мае получено объяснение от Войтаса, а в сентябре того же года допрошен бывший начальник санчасти Ленинградского Управления НКВД Мамушин.

Бывший шофер Кузин на допросе 19 апреля 1956 года показал, что

примерно в 9 часов утра 2 декабря 1934 года ему было приказано срочно выехать в Смольный. К подъезду, где стояла его автомашина, подошли Малий, Виноградов и Борисов. Малий сел к нему в кабину, "а Виноградов и Борисов сели на скамеечке в кузове автомашины". Ехали "по улице Воинова в направлении Смольного быстро, со скоростью примерно 60 км в час". Когда переехали трамвайную линию, сидевший рядом с ним Малий "вырвал" у него руль "повернул его вправо и направил автомашину в стену рядом стоявшего здания. Когда машина стала поворачивать вправо, Малий быстро открыл правую дверцу автомашины и на-ходу пытался спрыгнуть", но он, Кузин, "быстро схватил левой рукой за руль и повернул его влево. Одновременно с этим, затормозил автомашину, а правой рукой ухватил Малия за руку, чтобы он на-ходу не спрыгнул с автомашины". В результате принятых им мер "машина была остановлена и даже не задела стены стоявшего рядом здания. Крыло на автомашине помято не было. Разбилось только стекло правой дверки автомашины и спустил правый скат".

Как только он "съехал с тротуара, Малий быстро выскочил с кабины автомашины и остановился впереди напротив радиатора, а Виноградов слез с кузова и почему-то быстро убежал". В присутствии Малия он "поднялся в кузов автомашины и увидел лежащего там охранника Борисова. С правого виска у него текла кровь". Увидев это, он закричал: "Убили, убили" и слез с автомашины. Когда он стоял уже на земле, к нему подошел Малий и сказал: "Молчи, щенок", после чего повернулся и ушел от него. По его просьбе постовой милиционер, находившийся примерно в 30 метрах от машины, вызвал автоинспектора, но последнего он не дождался, так как "минут через 5 после всего случившегося, подошла легковая автомашина с Гусевым" и его "арестовали". После этого ни ма-

шины, ни труп Борисова он больше не видел.

Отвечая на вопросы, почему он на следствии в 1934 году не показывал, что Малий вырвал у него руль и направил автомашину в стену здания и причину аварии объяснял по-другому, Кузин заявил, что в 1934 году о причинах аварии им "были даны такие же показания, как и на сегодняшнем допросе". Тогда он лично протоколов не читал, а когда его вызывали и предлагали подписать, он подписывал. Почему он не сказал о поведении Малия при аварии во время беседы с членами экспертной комиссии, он и сам не знает.

Кузина спросили, правильны ли его утверждения на допросе 16 июня 1937 года, что в 1934 году он дал ложные показания о причинах аварии по указанию Малия. Он ответил, что таких указаний от Малия не получал и его показания от 16 июня 1937 года в этой части "не соответствуют действительности".

Давая пояснения по своим показаниям от 29 июня 1937 года, когда он заявил "...я утверждаю, что Борисов убит Виноградовым и Малием..., что сидевший рядом со мной Малий, как только остановилась машина, бросился в кузов автомашины, где были Борисов и Виноградов... немедленно после аварии, когда я находился в кабине машины, я слышал в кузове машины глухой удар, после чего сидевший там Виноградов выбросился из кузова автомашины и в кузове остался только Малий...", Кузин показал: "Я таких показаний не давал, так как Малий в кузов машины вообще не залезал и никакого глухого удара в кабине я не слышал... Когда меня вызывали на допрос, то я рассказывал все так, как было в действительности, а когда я стал читать протокол, то увидел, что там записано совершенно другое. Я тогда спросил у

следователя: "Как же так получается, показываешь одно, а записывается другое?". На это мне ответили, что "Ничего, ты не беспокойся, подпиши", и я подписал".

На вопрос, какое у него сложилось убеждение о смерти Борисова, Кузин ответил:

"В 1934 году я был твердо убежден, что Борисова убили. При этом мнении я остаюсь и сейчас, так как машина не имела соприкосновения со стеной стоявшего рядом здания, а следовательно это и не могло явиться причиной смерти Борисова. Оставшись возле машины один, я осмотрел место стоянки, дома и водосточной трубы, о которые мог бы удариться Борисов. Но никаких следов на этих местах я не обнаружил".

Как заявил Кузин, его показания в 1937г. о том, что он оставался на месте аварии после того, как Малий и Виноградов увезли Борисова на попутной машине, "не соответствуют действительности" (почему не соответствуют, в протоколе не указывается). Показания работника милиции Крутикова по этому вопросу он отрицал.

Утверждая, что Малий после аварии в кузов машины не влезал, Кузин показал, что, как он считает, "Борисова убил Виноградов", и на вопрос, на основании чего он приходит к такому выводу, ответил: "Я так думаю".

Как показал Кузин, при следствии в Смольный, Малий не давал ему указаний давить постового милиционера и почему так записано в протоколе его допроса в 1937 году, не знает. С Малием и Виноградовым в 1934 году он содержался в разных камерах и приносили ли им передачи, ему неизвестно. Во время аварии у Малия и Виноградова было личное оружие, но какое, не помнит. Во время следствия к нему меры физического воздействия "не применялись". Когда он получил указание отвезти в Смольный Малия, Виноградова

и Борисова, в гараже были легковые машины, но закрепленные за другими отделами. Утром, при приеме машины от сменщика шофера Чоповского, последний предупредил его, что "две рес-соры были сломаны и что в связи с этим он подтянул стремянки и центральный болт". В остальном, по словам Кузина, машина была исправна, в пути следования у него машину не забрасывало и "опровергнуть чем-либо заключение автоинспекции и экспертной комиссии" по этому вопросу он не может. Он помнит хорошо, что никаких посторонних предметов в кузове автомашины, когда он видел там мертвого Борисова, не было.

Во время допроса Кузину были поставлены и такие вопросы:

"Вопрос: Из Ваших показаний следует, что Малий, пытаясь выпрыгнуть из автомашины, сам подвергал себя опасности, так как мог быть или придавлен к стене, или попасть под машину. Здесь что-то не так.

Ответ: Я показываю только правду. Это видно хотя бы из того, что Малий подтвердил эти обстоятельства и на оч-ной ставке со мной.

Вопрос: Когда, в 1937 году?

Ответ: Да...

Вопрос: Чем объяснить, что Вы в 1937 году давали одни показания, а теперь даете другие?

Ответ: Протоколов допросов в 1937 году я сам не читал. Что давал мне следователь Якушев, то я и подписывал".

Допрошенный 20 апреля 1956 года бывший сотрудник УНКВД по Ленинградской области Якушев С.К. признал, что в 1937 году он вел дела на Малия и Виноградова. О возникновении этих дел Якушев показал следующее:

"Точно вспомнить обстоятельства возникновения этого дела я в настоящее время не могу, но помню, что однажды вызвал меня начальник СПО Карпов и приказал срочно разыскать шофера Кузина, на машине которого был убит охранник С.М.Кирова - Борисов.

Я срочно навел необходимые справки, установил, ^{где} ~~кто~~ Кузин проживает и доставил его в Управление НКВД.

Когда в управлении зашел разговор о причинах аварии машины и смерти охранника Борисова, Кузин стал волноваться, плакать и все спрашивал, что ему за это будет.

Я успокоил Кузина и попросил его подробно рассказать о причине аварии автомашины и обстоятельствах смерти Борисова.

Кузин мне рассказал, что в 5 или 6 часов утра 2 декабря 1934 года он был вызван в оперативный отдел, и ему было приказано подать автомашину к подъезду здания НКВД на улице Воинова. Когда он подал автомашину, из здания НКВД вышли трое: один был одет в кожаное пальто, второй - в черное с воротником, а третий был в полувоенной форме. Двое - в гражданском пальто и полувоенной форме сели в кузов автомашины, а сотрудник в кожаном пальто сел в кабину автомашины рядом с ним - Кузиным.

Севший к нему в кабину сотрудник в кожаном пальто приказал на большой скорости ехать к Смольному.

Когда они проезжали перекресток улицы Воинова и проспекта Чернышевского, то сидевший рядом сотрудник по фамилии Малий обратил внимание на стоявшего впереди постового милиционера и сказал: "Дави эту гадину", но Кузин заявил: "Зачем же его давить, когда можно объехать".

Объехав постового милиционера, машина продолжала идти на большой скорости. В тот момент, когда автомашина стала подходить к Таврическому садоводству, Малий вдруг выхватил у Кузина рулевое управление и резко повернул машину вправо, в направлении стоявшего рядом здания Таврического садоводства. Кузин вначале растерялся, но потом резко повернул рулевое управление влево и вывел автомашину из-под прямого лобового удара о стенку дома.

Когда машина остановилась, сидевшего рядом с ним сотрудника уже не было. Вдруг он услышал какой-то глухой удар в кузове. Посмотрев в кузов автомашины, он увидел, что человек в черном пальто лежит на полу, с окровавленной головой, а Малий убежал от автомашины в направлении школы, расположенной на левой стороне улицы Воинова".

На вопрос, на основании каких материалов были арестованы Малий и Виноградов, Якушев вначале ответил, что на основании показаний Кузина, других материалов, кроме этих показаний, не было. Затем, при вторичной постановке этого вопроса, добавил, что кроме показаний Кузина "было указание из Москвы об аресте этих лиц".

Далее Якушев показал, что в процессе следствия по делам Малия и Виноградова он материалами расследования 1934 года не пользовался, так как не смог их разыскать, а к розыску членов экспертной комиссии никаких мер не принял, потому что не знал их фамилий. Наряду с обвинением Малия и Виноградова в убийстве Борисова им предъявили обвинение и в том, что они являются участниками троцкистско-зиновьевской группы, так как "тогда было такое указание, что все лица, в той или иной мере причастные к убийству С.М.Кирова, должны привлекаться к уголовной ответственности, как участники троцкистско-зиновьевской террористической группы".

Малий в начале следствия "своей вины ни в чем не признавал, но позже признал. Виноградов также свою вину признал и показал, что убийство Борисова совершил он вместе с Малием".

"Я помню, — показал Якушев, что по указанию руководства управления арестованного Малия бил Рубенчик. Бил ли я Малия, припомнить не могу. Применялись ли меры физического воздействия к арестованному Виноградову я не знаю, во всяком случае, мне такие факты неизвестны". Почему Виноградов отказался в суде от своих показаний "я ответить затрудняюсь".

Хотя Малий и Виноградов обвинялись в совершении одного и того же преступления, дела на них были разделены из-за того, что

такая "практика была установлена сверху".

В процессе следствия ему стало известно, что Губин и Хвиюзов, проходившие по показаниям Виноградова и Малия, арестованы и находятся в Москве. Он высылал туда протокол допроса Виноградова с просьбой об их допросе, но ни на это письмо, ни на напоминание ему из Москвы не ответили, и начальник СПО Карпов сказал тогда, что "дело по обвинению Малия и Виноградова ясное и что его нужно побыстрее кончать".

Ответы Якушева на некоторые конкретные вопросы в протоколе допроса изложены следующим образом:

Вопрос: Вы правильно записывали показания Кузина в 1937 году?

Ответ: Да, правильно.

Вопрос: Почему же в таком случае Кузин на допросе от 19 апреля 1956 года заявил: "когда меня вызвали на допрос, то я рассказал все так, как было в действительности, когда я стал читать протокол, то увидел, что там записано совершенно другое. Я тогда спросил у следователя: "Как же так получается, показываешь одно, а записывается другое.". На это мне ответили: "Ничего, ты не беспокойся, подпиши..." и я подписал".

Ответ: Эти показания Кузина неправдивы.

Вопрос: Вы заявляете, что у Борисова был револьвер в тот момент, когда он, как задержанный, находился в Красном уголке Управления НКВД и что это обстоятельство не

является случайным, так как организаторы убийства Борисова рассчитывали, что он, имея при себе револьвер, может покончить жизнь самоубийством. Откуда Вам об этом известно?

Ответ: Об этом мне известно из показаний арестованного Виноградова.

Вопрос: А Вы проверяли эти показания Виноградова?

Ответ: Нет, не проверял.

Вопрос: Из следственного дела видно, что, якобы, в кабинете Хвиюзова обсуждался конкретный план убийства Борисова и что присутствовавший при этом Малий заявил: " Самый верный способ убить Борисова тогда, когда будем доставлять его в Смольный для допроса правительственной комиссией...". Откуда Хвиюзов, Малий и другие могли знать, что Борисова вызовут на допрос именно в Смольный? Не выдуманный ли это вариант?

Ответ: Этот вариант основан на показаниях арестованных. Лично я от себя никаких вариантов не придумывал.

Вопрос: Как же все-таки произошло убийство Борисова?

Ответ: По материалам дела, Борисова убили железным брусом.

Вопрос: Объясните, почему в деле столько противоречий по поводу убийства Борисова: то его убили ключом, то железным брусом, то Виноградов стукнул Борисова о стенку головой, и ему в этом помогал Малий.

Ответ: Я признаю, что качество следствия по этому делу было низким, но фальсификации нет...

Вопрос: Какие показания давал Кузин об обстоятельствах убийства Борисова?

Ответ: Кузин показывал, что Борисова ударил Виноградов железным бруском, а затем Малий вскочил в кузов автомашины и добавил еще.

Вопрос: Но Кузин заявляет, что Вам таких показаний он никогда не давал и что протоколы допроса в 1937г. он подписывал, не читая. Что Вы можете показать по поводу этого заявления Кузина?

Ответ: Я не верю, чтобы Кузин мог давать такие показания".

В тот же день, то-есть 20 апреля 1956 года, Кузин и Якушев были допрошены на очной ставке.

Кузин опознал Якушева, как следователя, который в 1937 году вел дело на Малия и Виноградова и неоднократно допрашивал его, Кузина, когда он содержался под стражей; заявил, что данные им накануне показания о том, что Якушев в 1937 году неправильно записал его показания, полностью подтверждает и просил разрешения задать Якушеву вопрос. Когда Кузину это было разрешено, он спросил Якушева: "Скажите, Якушев, Вы правильно вели следствие по делу Малия и Виноградова?". Якушев ответил: "Да, правильно". На вопрос следствия Кузину, удовлетворен ли он ответом Якушева, Кузин ответил:

"Нет, потому что следствие по данному делу велось Якушевым неправильно. Я был арестован сотрудниками УНКВД 6 июня 1937 года. Когда я был доставлен в здание Управления НКВД на 6 этаж, меня обступило человек 8 сотрудников, и один из них заявил, что я арестован, как участник контрреволюционной организации и враг народа. Я ответил ему, что участником контрреволюционной организации я никогда не был, тогда он подошел ко мне и ударил меня сильно в грудь. Я спросил его: "Зачем Вы меня бьете, ведь я советский человек". Тогда стоявший рядом один из сотрудников со звездочкой сказал: "Допрашивайте его как троцкиста". И меня допрашивали подряд 23 суток. На допросах мне не давали возможности садиться. Меня ставили в угол и беспрерывно допрашивали. Когда один следователь устал, его сменял другой, а я продолжал стоять. От меня все время требовали признаться, что я являюсь участником контрреволюционной террористической группы, но я не мог признать свою вину в этом, так как в организации никогда не состоял. Среди допрашивавших следователей был и Якушев.

Кажется на 10 сутки после ареста, стоя в углу я упал и у меня изо рта пошла кровь. Мне стало очень плохо, и я заявил следователю Смирнову: "Если Вам нужна моя жизнь, то возьмите ее", и после этого стал подписывать все протоколы допросов, которые мне давал Якушев. Сам я этих протоколов не читал".

На вопрос, сколько раз его допрашивал, Якушев,

Кузин ответил:

"Меня допрашивали 4 человека, но сколько раз допрашивал меня Якушев, я не помню. Я только знаю, что меня допрашивали каждый день, но записей никаких не делали. Первый протокол появился тогда, когда я упал. Это, видимо, и было 16 июня 1937 г. Я также вспомнил, что во время допросов стула в комнате никогда не было".

На последующие вопросы, что в протоколах, составленных Якушевым, записано правильно и что - неправильно, Кузин ответил:

"В протоколе указано, что я слышал, якобы, глухой удар в кузове автомашины и что Борисова убил Виноградов железным брусом. Далее в протоколе указывается, что когда машина остановилась, то Малий выскочил из кабины, залез в кузов и добавил

еще Борисову. Все это не соответствует действительности и является вымыслом следователя...

Правильным является лишь то, что сидевший рядом со мной в кабине автомашины Малий выхватил у меня руль и на большой скорости направил автомашину в стену стоявшего рядом здания. Об этом я заявлял на допросах и в 1934 и в 1937 годах".

Как заявил Кузин, никаких посторонних предметов в кузове автомашины он не видел.

Якушев подтвердил, что с Кузиным он "встречался как следователь с арестованным в 1937 году", на вопрос Кузина, правильно ли им велось следствие по делу Малия и Виноградова ответил: "Да, правильно". На вопрос следствия, почему в деле имеется только два протокола допросов Кузина, в то время как Кузин заявляет, что его допрашивали ежедневно в течение 23 суток, Якушев заявил: "На этот вопрос ответить затрудняюсь".

Далее у Якушева спросили, почему он необъективно записал показания Кузина. Якушев ответил: "Протокол допроса я записывал со слов Кузина".

В конце очной ставки Якушеву был поставлен вопрос, что он может показать по поводу заявления Кузина. Последовал ответ:

"Я хочу заявить, что всю свою жизнь я работал честно, никаких мер физического воздействия к арестованным не применял и следственных материалов не фальсифицировал. Кузин также не может сказать, что я его бил. Что же касается заявления Кузина о том, что я неправильно записывал его показания, то оно не соответствует действительности".

Мамушин С.А., бывший начальник санитарного отдела УНКВД по Ленинградской области, на допросе 4 сентября 1956 года показал, что участвовал во вскрытии трупа опер-

комиссара Борисова и, как член экспертной комиссии, подписал протокол вскрытия и заключение о причинах смерти Борисова. Насколько он помнит, "Борисов умер от травмы черепа. Судя по характеру травматических повреждений, смерть Борисова последовала в результате сильного удара о какой-то твердый предмет... Все члены экспертной комиссии пришли к единодушному мнению о том, что смерть Борисова явилась следствием несчастного случая, последовавшего в результате автомобильной катастрофы...".

На вопрос, было ли какое-либо постороннее давление на членов экспертной комиссии в части дачи заключения о причинах смерти, Мамушин ответил:

"Нет, никакого давления на нас не оказывалось. Свое заключение о причинах смерти Борисова мы давали на основании объективных данных и в соответствии со своими личными убеждениями".

Во время допроса Мамушин был ознакомлен с актами о причинах смерти Борисова, подписанными им в 1934 году, его спросили, какое у него сейчас складывается мнение о причинах гибели Борисова. На это Мамушин дал следующий ответ:

"Прочитав еще раз акты осмотра трупа Борисова и заключение по поводу причин его смерти и вспомнив в связи с этим ряд деталей, я и ныне, как прежде, считаю, что смерть его последовала в результате удара его головой о каменную стенку дома, т.е. что смерть его явилась следствием несчастного случая. Таково мое мнение и ныне".

В объяснении бывшего инструктора Ленинградского обкома ВКП(б) Войтаса от 7 мая 1956 года по вопросу о Борисове описывается только факт доставки его с места аварии к зданию УНКВД в легковой автомашине, на которой проезжал мимо места происшествия Войтас. Его машина была остановлена двумя сотруд-

никами НКВД, которые положили Борисова в машину и довезли его до здания УНКВД. Лицо пострадавшего было в крови. Об этом случае, он, Войтас, сообщил по телефону в обком Свешникову, а тот передал трубку Агранову, которому он все и рассказал. Позднее он сообщил об этом комиссии ЦК ВКП(б), работавшей в Ленинграде. (Архив КГБ при СМ СССР, дело № ОВ-5, том I, л.д. 52, 70,86 и 191; том I2, л.д. 55-57).

Комитетом госбезопасности при Совете Министров СССР 31 августа 1956 года представлена в Комиссию "Справка по материалам о злодейском убийстве С.М.Кирова". Один из разделов справки был посвящен обстоятельствам гибели оперкомиссара Борисова. В этом разделе подробно излагались материалы расследования обстоятельств гибели Борисова 1934 года, материалы дела, по которым были осуждены в 1937 году Губин, Хвиюзов, Малий, Виноградов и Максимов и данные, полученные в результате допросов Якушева и Кузина в 1956 году.

При изложении материалов, относящихся к 1934 году, в справке дана общая обстановка в связи с убийством Кирова, описаны обстоятельства вызова Борисова и организация его доставки в Смольный, отмечено, что Борисов отправлен на грузовой машине с согласия Хвиюзова, что Малий и Виноградов, "судя по их первичным допросам, не знали фамилии шофера грузовой автомашины. Это уже одно, говорится в справке, — делает сомнительным утверждение о предварительной подготовке к убийству Борисова во время сопровождения его в Смольный". Со ссылкой на показания Виноградова и постового милиционера Крутикова описана обстановка автомобильного происшествия, приведены выдержки из заключения технической экспертизы, из акта сотрудников ОРУД и из показаний Кузина и шофера Чоповского, содержавшие данные о том, что авто-

машина перед аварией была неисправна.

В справке отмечалось, что "расследованию причин аварии автомашины, на которой следовал Борисов, и выяснению всех обстоятельств его смерти в 1934 году придавалось особое значение". В расследовании участвовали ответственные работники НКВД СССР и находившиеся тогда в Ленинграде "члены правительственной комиссии Ежов и Косарев". По делу допрошен ряд свидетелей из числа сотрудников УНКВД по Ленинградской области и другие лица. Создана "авторитетная судебно-медицинская экспертная комиссия в составе профессоров Надеждина, Добротворского" и других, которая вместе с Ежовым и Косаревым выезжала на место происшествия.

В справке указывалось, что в 1934-1935 гг. "в результате анализа всех материалов расследования об обстоятельствах гибели Борисова был сделан вывод о том, что Борисов погиб случайно, в результате автомобильной катастрофы".

При изложении материалов 1937 года было сказано, что арестам бывших сотрудников Оперода УНКВД по Ленинградской области предшествовал арест Ягоды, который показал, что он "в соответствии с указанием Енукидзе приказал Запорожцу не чинить препятствий подготовляемому теракту против С.М.Кирова". Затем подробно изложены показания Губина, в частности, его заявление о том, что убийство Борисова организовано им с ведома Паукера, чтобы избавиться от него, как от важного свидетеля, что во время следствия в 1934 году он не рассказал об этом по указанию Сосновского и Буланова. Одновременно в справке говорится, что эти показания Губина "не нашли подтверждения в показаниях Паукера, Буланова и Сосновского".

Как отмечалось далее в справке, "проверкой установлено,

что Малий и Виноградов в процессе следствия подвергались избиению и другим незаконным мерам физического воздействия", при этом делалась ссылка на показания Якушева и Кузина от апреля 1956 года, на факты отказа Виноградова от своих показаний в суде и отказа Максимова от своих показаний в ходе следствия, на противоречия в показаниях Хвиюзова, Малия, Виноградова и Максимова о разрабатывавшихся планах и обстоятельствах убийства Борисова. Указывалось в справке и на то, что в 1937 году, получив показания от Кузина "следователь Якушев использовал затем Кузина для "уличения" Малия, Виноградова и Максимова в убийстве Борисова", чтоследователь Якушев в 1937 году "не поднял старое дело, не перепроверял имевшиеся там доказательства а просто пренебрег им, в том числе и заключениями экспертов". Вопреки требованиям закона, дела на Губина, Хвиюзова и других были искусственно разобщены.

В конце раздела по вопросу о Борисове говорилось:

"Мотивы, по которым, якобы, группе Губина нужно было "убрать" Борисова, неправдоподобны и надуманны.

Губин и другие показали, что решили ликвидировать Борисова, как единственного свидетеля убийства С.М.Кирова и человека, могущего рассказать о преступной организации охраны С.М. Кирова. В то же время, известно, что Борисов не только не являлся единственным свидетелем, но он и вообще не видел самого факта убийства и к месту происшествия подошел позднее других свидетелей (Платыч, Ялозо, Леонидок и др.). Борисов нес охрану только в Смольном и как она была организована вообще знал меньше других сотрудников Оперода, а потому и в этом отношении его показания не могли быть решающими. Помимо Борисова и арестованных сотрудников Оперода имелся ряд других сотрудников, показаниями которых была полностью восстановлена картина организации охраны С.М.Кирова".

В выводах справки говорилось:

"3. Гибель Борисова явилась следствием несчастного случая;

4. Сотрудники УНКВД по Ленинградской области, обвиненные в убийстве Борисова, расстреляны необоснованно по сфальсифицированным материалам". (Архив ЦК КПСС, дело № М-12сс п.3).

Прокуратура СССР по результатам изучения материалов об обстоятельствах смерти Борисова 3 сентября 1956 года представила в Комиссию отдельную справку, в которой так же, как и в справке КГБ по этому вопросу, подробно изложены материалы расследования причин аварии и гибели Борисова, относящиеся к 1934 году, материалы следствия по делам Малия, Виноградова и других лиц, арестованных в 1937 году и показания Кузина и Якушева, данные ими на допросах и очной ставке в апреле 1956 года.

При оценке материалов 1934 года Прокуратура в отличие от КГБ при СМ СССР высказала некоторые критические замечания. Так, о заключении технической экспертизы говорится:

"Дефект этого технического акта заключается в том, что, анализируя причины аварии, акт отмечает повреждения, явившиеся результатом самой аварии. Таким образом, техническая комиссия в 1934 году не установила причинной связи между техническим состоянием автомашины и совершившейся аварией".

Анализируя содержание акта судебно-медицинской экспертизы, авторы справки указали:

"Экспертная комиссия, производившая судебно-медицинское вскрытие трупа, дала заключение, что :

- а) смерть Борисова наступила "от кровоизлияния в полость четвертого желудочка мозга на почве полученных переломов черепной крышки и основания черепа;
- б) Борисов получил повреждение черепа от сильного удара головой о стенку дома;
- в) причиной смерти Борисова является несчастный случай при аварии автомобиля.

Давая заключение о том, что Борисов получил повреждение черепа от удара о стенку дома, судебно-медицинская комиссия явно вышла за пределы своей компетенции, потому что ответы на такие вопросы медицинская комиссия давать не могла и не имела права".

Давая оценку материалам 1937 года, Прокуратура СССР безоговорочно признавала, что следствие велось с грубыми наруше-

ниями законности и "обвинение Малия, Виноградова и Хвиюзова в 1937 году в том, что они состояли членами контрреволюционной организации, совершившей террористический акт против Борисова, и в том, что Виноградов убил Борисова железным брусом - было сфальсифицировано".

В оценке же показаний Кузина она заняла несколько иную позицию. С одной стороны, со ссылкой на показания Кузина в 1956 году, признается, что "путем применения мер физического воздействия заставили Кузина подписать вымышленные показания о том, что Виноградов убил Борисова железным брусом, а Малий добивал Борисова". С другой стороны, говорится: "Что же касается показаний Кузина в 1937 году о том, что Малий вырвал у него руль автомашины и тем самым вызвал аварию, то эти показания Кузин подтвердил и при ^{допросе} его в 1956 году". Однако, в конце справки после больших цитат из показаний Кузина от 19 апреля 1956 года, было сказано:

"Оценивая эти показания Кузина, необходимо иметь ввиду, что не исключена возможность неправдивых показаний Кузина, потому что он считает себя связанным показаниями, данными им в 1937 году, которые послужили одним из оснований для осуждения Малия и Виноградова".

Прокуратура СССР пришла к следующему заключению:

"Таким образом, на основании изложенного сделать категорический вывод, достаточно обоснованный материалами расследования, о причинах катастрофы, повлекшей смерть Борисова, при отсутствии в настоящее время Малия, Виноградова и Хвиюзова, а также невозможности проведения повторной технической и медицинской экспертиз - нельзя".
(Архив ЦК КПСС, дело № М-12 сс. п. 3).

Были ли записки КГБ и Прокуратуры СССР об обстоятельствах гибели Борисова предметом специального обсуждения на Комиссии Президиума ЦК КПСС из протоколов заседаний этой Комиссии не

видно. Вместе с тем, Комиссия на своем заседании 8 апреля 1957 года поручила КГБ при Совете Министров СССР и Прокуратуре СССР подготовить и представить 12 апреля в Комиссию проект записки в ЦК КПСС об обстоятельствах смерти охранника Борисова, "тщательно проанализировав все имеющиеся материалы и документы по этому вопросу".

К указанному в решении Комиссии сроку КГБ и Прокуратура СССР представили документ под названием: "Выводы Комиссии по рассмотрению материалов об обстоятельствах смерти Борисова М.В., работавшего в охране С.М.Кирова".

Как видно из этого документа, при его составлении широко использовались материалы расследования 1934 и 1937 годов, показания Кузина, Якушева и Мамушина, полученные от них в 1956 г., а также делается ссылка на заключение созданной в 1956 году экспертной комиссии "из квалифицированных криминалистов", которая "подтвердила, что описанные выше неисправности в машине могли привести к произвольному броску передних колес^и всей машины, а, следовательно - к аварии". В выводах отмечалось, что расследование в 1937 году по делам Хвиюзова, Малия и других проводилось тенденциозно, с нарушением законности и указывалось, что "мотивы, по которым, якобы, группе Губина нужно было "убрать" Борисова - неправдоподобны и явно надуманны" и что "даже при допущении мысли о причастности сотрудников Оперода к убийству С.М.Кирова, уничтожение ими Борисова является совершенно бесцельным".

В конце документа указывалось, что "в результате изучения всех имеющихся материалов у комиссии есть основание полагать, что гибель Борисова явилась следствием несчастного случая - аварии автомашины. Комиссия считает, что сотрудники УНКВД по

Ленинградской области, обвиненные в 1937 году в убийстве Борисова, были осуждены по сфальсифицированным материалам:

Примечание: Ссылка в выводах на заключение экспертной комиссии, созданной в 1956 году из квалифицированных криминалистов не основана на материалах проверки. Как было установлено в 1960 году, сотрудниками научно-исследовательского института криминалистики Главного управления милиции МВД СССР Чернышевым, Люблинским и Комаринцем в 1956 году по письму Главной Военной Прокуратуры составлено не заключение экспертной комиссии, справка, в которой указывалось, что при наличии у автомашины марки "ГАЗ-АА" технических неисправностей (отсутствие у передней рессоры центрального болта, семи рессорных листов и незатянутых стремянок рессоры) "резкий поворот-бросок передних колес и всей машины (с учетом движения автомобиля с повышенной скоростью и изменения направления движения) вполне возможен". (Материалы проверки 1960 года, том 6, л.д.327-332, 55, 133, 142).

13 апреля 1957 года Комиссия обсуждала проект письма в ЦК КПСС, подготовленный КГБ и Прокуратурой СССР и по предложению члена Комиссии т.Аристова отложила рассмотрение материалов об обстоятельствах смерти Борисова, "имея ввиду, что тов.Аристов разошлет дополнительные материалы по этому вопросу".

Указанные "дополнительные материалы" были разосланы тов.Аристовым 18 апреля 1957 года. В сопроводительном письме к ним было сказано:

"В соответствии с состоявшимся обменом мнениями на заседании Комиссии ЦК КПСС об обстоятельствах смерти Борисова представляю материалы т.Козлова Ф.Р., которые он прислал в ЦК в марте 1956 года. Приложение: на 20 листах".

Разосланные тов.Аристовым материалы состояли из препроводительного письма бывшего секретаря Ленинградского обкома КПСС Козлова Ф.Р. объяснений на его имя от Якушева, Кузина, бывших сотрудников Уголовного розыска города Ленинграда Громова П.П. и Казанского М.В.

В объяснении Якушева от 20 марта 1956 года, адресованном на имя Козлова, говорилось, что, выслушав доклад т.Хрущева Н.С. на XX съезде КПСС, он считает своим партийным долгом доложить "об очень важном факте", который "в связи с вскрывшимися новыми обстоятельствами, вытекающими из доклада т.Хрущева, заслуживает особого внимания". Далее Якушев писал, что в Ленинградском Управлении ОГПУ-НКВД он работал с 1932 по 1949 год и в 1937 году вел следствие по делу об убийстве оперкомиссара Борисова. Сообщая об обстоятельствах, при которых было начало расследование дела о гибели Борисова в 1937 году, Якушев указал, что ему "было дано указание... разыскать работавшего в свое время шофером в гараже НКВД Кузина и допросить его об обстоятельствах аварии машины... Разыскав Кузина, в течение нескольких часов беседовал с ним об обстоятельствах аварии его автомашины, в результате которой погиб оперкомиссар Борисов. На допросе Кузин вел себя довольно странно, страшно волновался, путал обстоятельства аварии автомашины, плакал, неоднократно спрашивал, что ему будет и проч., в общем, чувствовалось, что он что-то знает, но боится последствий и поэтому скрывает истину. В продолжительной беседе Кузин чистосердечно рассказал об обстоятельствах аварии".

Содержание этих показаний Якушев изложил так. Утром 2-го декабря Кузин был вызван с машиной в Оперод, подъехал к зданию УНКВД с улицы Воинова. Из здания УНКВД вышли трое, из которых двое сели в кузов, а один к нему в кабину, никого из пассажиров не знал. Севший с ним в кабину приказал ехать в Смольный "на самой большой скорости". На перекрестке возле Таврического садоводства "машину, мчавшуюся с предельной скоростью, на трамвайных

путях сильно трянуло, в этот момент сидевший рядом с ним - Кузиным, сотрудник, резко выхватил у него рулевое управление и повернул машину вправо, в направлении дома Таврического садоводства". Кузин "нашел в себе самообладание, при столь неожиданных обстоятельствах, резко повернул рулевое управление влево и тем самым успел вывести автомашину из прямого лобового удара о стенку дома". Автомашина зацепила только правым концом переднего траверза о стенку дома, разбилась правая фара и стекло раскрывшейся правой дверки кабины, видимо от того, что "сидевший с ним сотрудник пытался выброситься из машины". Кузин был страшно напуган происшедшим, несколько минут находился в каком-то оцепенении и когда сидевшего с ним в кабине пассажира уже не было, "он услышал какой-то глухой удар в кузове", посмотрел в кузов и увидел лежавшего там человека с окровавленной головой, а другой, ехавший в кузове в это время бежал от машины на противоположную сторону ^{улицы.} Тот, который ехал с Кузиным в кабине, "пригрозил ему, чтобы он не говорил о причине этой аварии, иначе у него слетит голова с плеч" и предложил аварию автомашины обяснить тем, что "машина потеряла рулевое управление", после чего убежал от машины. Вскоре, по словам Кузина, он был задержан на месте аварии приехавшими сотрудниками УНКВД, доставлен в Управление, арестован в дисциплинарном порядке на 15 суток, первое время содержался в одной камере с Малием и Виноградовым и был свидетелем, как им приносили передачи, состоявшие из фруктов, колбасы и других продуктов. Через 9 суток его освободили из-под ареста и уволили из органов НКВД.

Якушев писал, что на основании этих показаний Кузина были арестованы Малий и Виноградов. Характеризовал Малия, как

"отъявленного хулигана, на все способного человека". Виноградова он знал очень мало, но ему было известно, что Виноградов являлся близким другом Малия.

Далее Якушев указывал в своем объяснении, что Малий никаких показаний о своей виновности на следствии не дал, хотя Виноградов и Кузин изобличали его на очных ставках. Виноградов же "после непродолжительного заpiresательства" дал подробные показания, как подготавливалось и совершено убийство Борисова. Смысл его показаний сводился к следующему. После убийства Кирова Борисова поместили в Красный уголок и оставили при нем оружие, рассчитывая на то, что он "боясь ответственности за гибель С.М.Кирова, охрану которого он нес, покончит жизнь самоубийством", но этого не случилось. Борисов отказывался от пищи, плакал и не спал. Было известно, что Борисов за месяц до убийства Кирова задерживал убийцу Николаева и доставлял его в Оперод, откуда Николаев без обыска был отпущен руководством, которое только пожурilo его за неуплату в течение двух-трех месяцев партийных взносов. При задержании Николаев имел при себе заряженный револьвер, из которого впоследствии он убил Кирова. По словам Хвиюзова, показывал Виноградов, Борисов мог "погубить не только руководство отдела, но и руководство Управления, в частности, зам. начальника Управления Запорожца". Чтобы избавиться от такого свидетеля, "его нужно любыми средствами убрать, причем, Хвиюзов, якобы говорил, что есть указание Запорожца убить Борисова". Когда он - Виноградов был вызван в кабинет Хвиюзова, то там находились Хвиюзов и Малий. Он понял, что они обсуждали конкретный план убийства Борисова. В разговоре Хвиюзов сказал, что они рассчитывали на самоубийство Борисова, но он этого не

сделал. Убить Борисова в Красном уголке рискованно - звук выстрела привлечет внимание сотрудников Оперода. Вступивший в разговор Малий сказал, что самый верный способ убить Борисова - это при доставке его в Смольный для допроса правительственной комиссией, причем, Малий "предлагал доставлять Борисова не на легковой, а на грузовой автомашине, в пути организовать аварию, в процессе которой убить Борисова". Тогда они втроем "договорились убить Борисова при аварии автомашины в пути ее следования к Смольному". При этом было обусловлено, что Малий сядет в кабину с шофером, а Виноградов с Борисовым в кузов, "причем, Борисова посадят к правому борту кузова автомашины". Малий вызовет аварию, направив машину в стену одного из домов по улице Воинова, а Виноградов в это время "должен будет ударить Борисова по голове железным куском".

Хвиюзов, по словам Виноградова, этот вариант убийства Борисова одобрил, как наиболее безопасный, сказал, что "он оформит эту аварию причиной неисправности автомашины" и поэтому им бояться нечего, в то же время, предупредил, что, возможно, они будут арестованы и просидят не больше 15-20 суток.

Когда Виноградову и Малию было предложено доставить Борисова в Смольный, они разместились в машине, которой управлял Кузин, так, как договорились. По улице Воинова машина шла "с большой скоростью", на трамвайных путях у Таврического садоводства "машину сильно тряхнуло" и "она резко повернула вправо в сторону дома, а затем также резко снова повернула влево, задев раскрывшейся дверкой кузова о водосточную трубу дома". В этот момент Виноградов "ударил Борисова железным куском по голове". Когда машина остановилась, вскочивший в кузов Малий выхватил из

рук Виноградова железный кусок и "еще раз ударил им лежавшего на полу автомашины Борисова по голове". После этого Виноградов побежал звонить Хвиюзову о случившемся.

После того, как Малий и Виноградов были осуждены, шофер Кузин был освобожден им, — Якушевым, из-под стражи, и дело в отношении его прекращено. О судьбе Кузина ему ничего не известно, если он жив, просил его допросить.

В конце своего объяснения Якушев написал:

"Нет необходимости гадать о выводах. Борисов убит сотрудниками органов НКВД по заданию руководящих работников этих органов.

Из этого факта вытекает и другой вывод, кто в действительности направлял злодейскую руку убийцы Николаева против С.М.Кирова.

Если Борисова нужно было убрать, т.к. он мог назвать действительных вдохновителей убийства С.М.Кирова и что в этом были заинтересованы руководящие работники органов НКВД, я, лично, прихожу к выводу, что убийство С.М.Кирова произведено по заданию этих руководящих работников органов НКВД Москвы и Ленинграда.

В Ленинграде этими работниками могли быть Запорожец и руководство Оперативного отдела, в том числе Хвиюзов.

Кто был в Москве, не знаю...

Тов.Козлов, излагая все это по сохранившейся у меня памяти, я, естественно, отдельные детали хода следствия недостаточно полно и последовательно изложил. Я старался сказать коротко о главном. Если что-будет неясно или что-либо необходимо уточнить — я всегда готов внести необходимую ясность или уточнить отдельные детали".

Следует отметить, что Якушев еще раньше по собственной инициативе обращался с письмом на имя Козлова, в котором сообщал, что в 1937 году вел следствие по делу об убийстве оперкомиссара Борисова и просил вызвать его, если он может "быть чем-либо полезным в связи с вскрывшимися новыми обстоятельствами, вытекающими из доклада Н.С.Хрущева". Из приведенного выше объяснения Якушева видно, что он был принят Козловым и рассказывал ему о существовании дела. (Материалы проверки 1960 г., том 6, л.д. 268).

Кузин в своем объяснении на имя Козлова (дата написания объяснения не указана) писал, что 2 декабря 1934 года в 11 часов утра он привез в здание УНКВД начальника отделения Мюллера, машину оставил у подъезда на улице Воинова, а сам пошел в Красный уголок. Мюллер запретил ему выезжать куда-либо без его разрешения, поэтому когда к нему в Красном уголке обратился Малий и предложил поехать с ним в Смольный, он отказался, сославшись на запрещение Мюллера. После этого к нему подошел Виноградов и тоже предложил ехать в Смольный, но он и ему сказал, что без разрешения Мюллера не поедет. Тогда пришел секретарь Оперода Максимов и приказал ему ехать в Смольный с Малием и Виноградовым, после чего он пошел к машине. За ним из подъезда вышли Малий, Виноградов и Борисов, которого до этого он не знал. Виноградов и Борисов сели в кузов, а Малий к нему в кабину. По дороге Малий "все время торопил" его. Во время переезда улицы Потемкина Малий вырвал у него руль и направил машину на стену дома, а сам попытался выброситься из кабины, но он его задержал. Машина открытой правой дверцей ударилась о стену дома, в результате чего стекло в дверце оказалось разбитым. Когда он остановил машину, вышел из кабины и посмотрел в кузов, Виноградова там уже не было. В кузове лежал "убитый Борисов, правый висок был в крови". Он закричал: "Убили, убили", но к нему подошел Малий и сказал: "Не кричи, а то будет и тебе", после чего скрылся. Через постового милиционера он вызвал автоинспектора. В это время подъехал сотрудник НКВД Гусев, арестовал его и доставил в здание УНКВД. Через несколько часов его опросили и посадили в тюрьму. Следствие вел работник НКВД СССР Черток. Просидел он 39 суток и был освобожден. Перед освобождением его, Малия, Виноградова и Хвиюзова собрали в одном кабинете на чет-

вертом этаже, и работник НКВД с четырьмя ромбами им объявил об их оправдании, т.к. "Борисов не был убит умышленно, а убит при аварии машины от удара о водосточную трубу". Когда они выходили из Управления, Хвиюзов сказал: "Вы все освободились благодаря меня". Его тогда уволили из гаража, и он поступил на работу на судовой верфь НКВД, где работал шофером до 1937 года. 6 июня 1937 года он был вновь арестован по делу о смерти Борисова. На очной ставке с ним Малий признался, что прыгал из кабины. Считает, что "Борисов был убит не при аварии машины". Об этом же дал показания и тогда на следствии.

Объяснение на имя Козлова бывшего сотрудника Уголовного розыска города Ленинграда Казанского М.В. от 19 марта 1956 года касается только обстановки на месте убийства Кирова, арестов родственников Николаева и других вопросов, не относящихся к обстоятельствам гибели оперкомиссара Борисова. В объяснении Громова П.П. от 17 марта того же года указывается, что, как ему было известно, на следующий день после убийства Кирова " в Управление милиции поступило сообщение, что на улице Воинова... произошла авария с грузовой машиной Управления МВД, на которой в здание Смольного сотрудники МВД везли Борисова - личного охранника С.М.Кирова. По сообщениям, машина ударила о край тротуара, Борисов выпал из кузова машины, ударился головой о панель, в результате чего и умер". Это сообщение, писал Громов, его лично удивило, было непонятно, почему Борисова везли в грузовой открытой машине, авария произошла на улице Воинова, которая, "особенно в то время", охранялась от постороннего движения и "почему именно Борисов оказался, как единственный свидетель убийства С.М.Кирова, жертвой аварии".

В письме Козлова в ЦК КПСС на имя Хрущева говорится, что в ходе ознакомления коммунистов с докладом "О культе личности и его последствиях" в Ленинградский обком КПСС поступило несколько заявлений от членов КПСС, которые "вносят ясность в обстоятельства, связанные с убийством тов. Кирова".

Ссылаясь на сообщение Якушева, Козлов писал, что "убийство Борисова было осуществлено по заранее разработанному плану" и подробно излагал содержание этого сообщения.

Содержания сообщения Кузина в письме Козлов не приводит, однако в заключительной части раздела письма, касающегося обстоятельств гибели Борисова, говорится:

"Таким образом, из сообщений видно, что Борисов был убит Виноградовым и Малием. Это подтверждает шофер Кузин. В совершенном преступлении сознался и убийца Виноградов". (Материалы проверки 1965 года, том № ____, л. д. ____).

По материалам, поступившим в ЦК КПСС от Козлова и разосланным Аристовым членам Комиссии, Прокуратура СССР и Комитет госбезопасности 22 апреля 1957 года представили в Комиссию справку, в которой содержится анализ и оценка этих материалов.

В справке говорится, что представленные секретарем Ленинградского обкома КПСС Козловым заявления Якушева и Кузина "не заслуживают доверия". Якушев, пытаясь доказать, что убийство Борисова было совершено по заранее разработанному в НКВД плану, ссылается при этом на показания Малия, Виноградова и Максимова, следствие по делам которых он вел лично в 1937 году. Между тем, проведенной в 1956-1957 годах проверкой установлено, что их показания о том, что "они совершили убийство Борисова были сфальсифицированы Якушевым... Малий, Виноградов и Максимов признали себя виновным только после того, как к ним были применены

меры физического воздействия". Это подтвердил Якушев на допросе 20 апреля 1956 года, то есть "уже после подачи им заявления на имя т.Козлова".

Виноградов, одним из первых признавший себя виновным на допросах у Якушева и изобличавший Малия на очной ставке в убийстве Борисова, "в суде от этих показаний отказался".

Якушев ссылается на показания Кузина, но и они, как показала проверка в 1956 году, "также были сфальсифицированы при активном участии Якушева".

"Таким образом, - говорится в справке, - Якушев в своем заявлении ссылается на им же сфальсифицированные показания Малия, Виноградова, Максимова и Кузина. Будучи повинен в фальсификации следственных дел, повлекшей за собой расстрел невинных людей, Якушев лично заинтересован в доказательстве правдоподобности созданных им дел".

Несостоятельными являются также утверждения Якушева о том, что убийство Борисова было совершено по указанию Запорожца и что Борисов был убит для того, чтобы скрыть факт задержания им Николаева за месяц до убийства С.М.Кирова.

Известно, что во время убийства С.М.Кирова и гибели Борисова заместителя начальника УНКВД по Ленинградской области Запорожца в Ленинграде не было, он находился в санатории в Хосте на Черноморском побережье. К задержанию Николаева Борисов никакого отношения не имел.

В 1937 году показания Кузина были одним из основных доказательств вины Малия, Виноградова и Максимова. Сейчас, в 1956 году, Кузин из этих показаний подтверждает лишь то, что Малий в пути следования вырвал у него из рук рулевое управление и нап-

равил машину на стену дома. Однако, "анализ всех имеющихся материалов дает основание утверждать, что эти показания Кузина об эпизоде с поведением Малия в кабине автомашины также не соответствует действительности".

При расследовании причин аварии и обстоятельств гибели Борисова в 1934 году Кузин показывал, что авария произошла из-за неисправности рулевого управления. Утверждение Кузина в заявлении на имя Козлова о том, что Малий вырвал у него рулевое управление, направил машину в стену дома и пытался на ходу выбраться из автомашины, "явно неправдоподобно", так как "Малий сидел в кабине автомашины справа, машину также забросило вправо. Следовательно, если бы Малий действительно пытался выскочить из машины (он мог это сделать только в правую сторону), он должен был бы пойти на неизбежную смерть".

Далее Кузин в своем заявлении указывает, что Малий и Виноградов после убийства Борисова убежали с места происшествия бросив его и труп Борисова, и что спустя короткое время его арестовали сотрудники УНКВД. Проверка же 1956 года показала, что "после происшествия ни Малий, ни Виноградов никуда не убежали, а, наоборот, они остановили первую проходящую автомашину и на ней доставили Борисова в поликлинику. В этой машине ехал работник Ленинградского обкома партии Войтас, который и ныне проживает в Ленинграде". К месту происшествия первым подъехал т.Войтас, а не сотрудники УНКВД, как об этом говорит Кузин.

"При оценке показаний Кузина, — отмечалось в справке, — следует также иметь в виду то обстоятельство, что ему выгодно утверждать о том, что авария наступила по причине, от него независимой. В противном случае он должен нести ответственность за аварию автомашины и смерть Борисова и ложные показания в 1937 г

повлекшие за собой ^(расстрел) Малия и Виноградова".

Далее в справке указывалось, что "в процессе расследования гибели Борисова были созданы техническая и судебно-медицинская экспертные комиссии, объективность которых и ныне не вызывает сомнения. Техническая экспертная комиссия пришла к заключению о том, что авария автомашины произошла в результате ее неисправности, а данные судебно-медицинской экспертизы свидетельствуют о том, что смерть Борисова последовала в результате несчастного случая.

Это же подтверждают и все материалы проверки, произведенной в 1956-1957 годах".

Резюмирующая часть справки по вопросу об обстоятельствах смерти Борисова гласила:

"Таким образом, анализ всех имеющихся в Комитете госбезопасности и Прокуратуре СССР материалов дает основание утверждать, что гибель Борисова явилась следствием несчастного случая".

(Архив ЦК КПСС, дело № М-12 сс, п.3).

23 апреля 1957 года материалы об обстоятельствах смерти оперкомиссара Борисова были рассмотрены Комиссией и принято решение - в течение дня подготовить проект записки в ЦК КПСС по этому вопросу. 25 апреля 1957 года такая записка была направлена в ЦК КПСС за подписью всех членов Комиссии.

В записке говорилось, что "Комиссия тщательно изучила имеющиеся архивные материалы периода 1934 и 1937гг., а также материалы дополнительной проверки, произведенной в 1956 году". По мнению Комиссии, "обстоятельства гибели комиссара Борисова вызвали известные сомнения, поскольку при аварии машины погиб только он один..., что именно отставание комиссара Борисова от

Кирова на 30-40 метров обогчило возможность преступнику Николаеву совершить злодейское убийство". Хотя проведенным в декабре 1934 года расследованием было установлено, что смерть Борисова наступила в результате несчастного случая, однако "само расследование было проведено недостаточно полно".

Из показаний Якушева и Кузина в 1956 году усматривается что во время следствия в 1937 году к арестованным по обвинению в убийстве Борисова применялись меры физического воздействия, поэтому Комиссия допускает, что "показания 1937 года арестованных по делу были вымышлены и получены в результате незаконных методов следствия".

Комиссия вносила следующее предложение:

"В связи с давностью событий и смертью лиц, которые могли бы внести ясность в это дело, собрать материалы, которые дали бы возможность установить, была ли гибель Борисова результатом умышленного убийства или автомобильной аварии, не представляется возможным. Поэтому считаем целесообразным дальнейшую проверку этих вопросов закончить". (Архив Политбюро ЦК КПСС).

В марте-апреле 1956 года Козлов по обстоятельствам убийства Кирова и гибели Борисова кроме упоминавшихся выше заявлений Якушева, Кузина и других направил в ЦК КПСС еще ряд заявлений и объяснений от различных лиц. Однако, передавались ли эти материалы на рассмотрение Комиссии, неизвестно. По архивным материалам Комиссии Президиума ЦК КПСС указанные заявления и объяснения не проходят.

К обстоятельствам гибели Борисова из этих материалов имеют прямое отношение объяснения упоминавшегося ранее бывшего начальника санотдела УНКВД по Ленинградской области Мамушина и бывшего шофера УНКВД Янелиса М.В.

Свое объяснение на имя Козлова от 29 марта 1956 года Мамушин озаглавил: " Докладная записка". В ней он написал, что участвовал во вскрытии трупа Борисова вместе с профессором Надеждиным, который вместе с ним "писал заключение по протоколу судебно-медицинского вскрытия, длившегося очень долго". Тогда по окончании вскрытия они "оба пришли к единодушному мнению, что эта смерть загадочная и не выяснена окончательно причина ее, вследствие отсутствия наличия каких-либо точно установленных признаков причины этой смерти".

Далее Мамушин излагает свои рассуждения о возможном психическом или травматическом шоке у Борисова, не делая при этом никаких выводов о причине его смерти. Как сообщал Мамушин, он хорошо помнит, что вместе с Надеждиным они "ставили вопрос о необходимости осмотра места происшествия", но их просьба "почему-то не была удовлетворена".

В конце объяснения Мамушин писал, что если ему будет предоставлена возможность ознакомиться с протоколом судебно-медицинского вскрытия трупа Борисова, он постарается "воскресить в памяти происшедшее". (Материалы проверки 1960г., том 6, л.д. 254- 256).

Бывший шофер УНКВД по Ленинградской области Янелис написал объяснение на имя Козлова 29 марта 1956 года. По вопросу о гибели Борисова в этом объяснении он сообщал следующее:

"По прибытии в Смольный мы с Крауклисом (шофер другой легковой машины - примечание наше) вошли в вестибюль Смольного с тем расчетом, чтобы найти покурить. Не помню, сколько мы там были, но в скором времени, очень быстро, подходят ко мне Малий и один из работников НКВД, не помню точно кто, но как-будто Казаков, и отдает мне распоряжение, чтобы я ехал срочно с ним, т.е. с Малием в ДПЗ за Борисовым. Подъехав к ДПЗ, ворота моментально открылись, и мы въехали во двор. Во дворе уже стоял Борисов в окружении сотрудников НКВД. Раз-

вернув машину, я остановил ее на выходе по ходу на выезд. В это время я слышу, как Малий с нецензурными словами сказал, "что такую скотину - ворону возить на правительственной машине не следует" и предложил Борису забираться в кузов машины-полуторки "ГАЗ-АА" и садиться на борт этой машины. Тогда Борисов отвечает Малию, что я боюсь, как бы не упасть, на что и я, со своей стороны, сказал, что на бортах грузовых машин сидеть не полагается. Малий мне на это грубо ответил: "Это не твое дело, ты поезжай обратно в Смольный". Воспользовавшись тем, что меня отпустили, я быстро подъехал к зданию НКВД и поднялся в столовую на 7-й этаж, чтобы купить папирос. Купив папирос, я спускался по лестнице и, недоходя 2-го этажа (считая снизу), я встретил группу людей - сотрудников НКВД, в числе которых был Малий и которые несли уже убитого Борисова. На голове у Борисова (его несли без головного убора), ближе к затылку, был виден кровавый подтек. После этого я вышел и поехал в Смольный".

В тот же день, говорится в объяснении Янелиса, он возил в гараж Акулова, Вышинского, Ульриха и Шейнина для осмотра потерпевшей аварию машины. Вместе с этими лицами он подошел к машине, но обойти ее вокруг не успел, так как Акулов сказал, что все ясно, и все они уехали из гаража. После беглого осмотра машины, по словам Янелиса, ему "показалось сомнительным, чтобы она потерпела какую-либо серьезную аварию с человеческими жертвами, повлекшую смерть Борисова." После всего этого, несмотря на то, что он являлся шофером I класса и членом партии, его пересадили на грузовую автомашину, а в начале 1938 года без всяких оснований уволили с работы из органов НКВД.

(Там же, л.д. 245-247).

х

х

х

Вновь к вопросу об обстоятельствах гибели Борисова возвратились в 1960 году, когда работниками Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС по поручению Президиума ЦК КПСС проверялась:

причастность Молотова к незаконным массовым репрессиям и выдвинутое против него обвинение в срыве им работы Комиссии Президиума ЦК КПСС, созданной 13 апреля 1956 года для "изучения материалов открытых судебных процессов по делам Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Тухачевского и других".

В процессе этой проверки по вопросам, связанным с обстоятельствами гибели Борисова, были получены объяснения от ряда лиц, эксгумирован труп Борисова и проведены судебно-медицинская и автотехническая экспертизы.

В период с ноября 1960 г. по январь 1961 г. вновь опрошены Кузин, Якушев, Янелис, Мамушин, получены объяснения от бывших сотрудников и шоферов УНКВД по Ленинградской области Петровского Рябова, Михальченко и других, выяснялись обстоятельства гибели Борисова также и у других лиц, располагавших какими-либо сведениями об этом.

Так, от бывшего шофера Кузина в этот период времени было получено три объяснения. В объяснении от 21 ноября 1960 года на имя Председателя КПК при ЦК КПСС он описывал, как 2 декабря 1934 года привез в УНКВД своего непосредственного начальника Мюллера, и получил от него указание о том, чтобы без его разрешения никуда не ездил, как ему приказывали Малий, а затем Виноградов срочно ехать в Смольный, но он отказывался и поехал только после того, как распоряжение о поездке дал секретарь Оперода Максимов. Тогда в его машину сели Малий, Виноградов и третий, как он узнал впоследствии, Борисов, которого до этого он никогда не видел. По пути в Смольный Малий вырвал у него руль, направил машину в стену, а сам пытался выброситься на ходу, но он его удержал. Машина въехала на панель, стукнулась дверцей

кабины о стену здания, в результате чего оказалось разбитым стекло дверцы. После остановки им машины, Малий выскочил, и он вышел из машины. В это время увидел, как "Виноградов уже выскочил из кузова и побежал на другую сторону улицы. Минуты через две-три он пришел обратно к машине". Он, Кузин, посмотрел в кузов и увидел, что "в кузове убит Борисов". Он закричал: "Что наделали! Убили!" В это время к нему "подошел Малий и пригрозил: "Молчи, щенок, а то вот пистолет!" После этого была остановлена "посторонняя машина" и Борисова увезли в УНКВД. Он вызвал автоинспектора, последний подъехал, но в его присутствии машину не осмотрели, так как он, Кузин, был арестован прибывшим на место аварии сотрудником Оперода Гусевым. Его и автоинспектора Гусев посадил в легковую машину и доставил их в УНКВД. В автомашине Гусев запретил автоинспектору задавать ему вопросы. Следствие по делу вел Черток. Под арестом он находился 39 суток, затем всех их - Хвиюзова, Малия, Виноградова и его, Кузина, освободили. После освобождения, когда все спускались по лестнице в здании УНКВД, Малий стал его ругать и сказал: "Я думал, что тебе дадут пять лет". На это он Малию ответил: "А я думал, что тебя расстреляют". Тогда в разговор вмешался Хвиюзов и сказал: "Молчите, все вы освобождены через меня, может быть, поработаем годика два-два с половиной". Хвиюзов, Малий и Виноградов были оставлены на работе в органах, а его уволили.

В 1937 году, как писал Кузин, он был вновь арестован по этому делу. Когда его привезли в УНКВД, то сотрудник УНКВД Смирнов, указывая на него, доложил начальнику, что доставлен участник контрреволюционной группы, выполнивший одно из ее заданий. Присутствовал

ший при этом сотрудник Федоров два раза ударил его, замахнулся в третий раз, но он успел отвести удар и тогда начальник сказал: "Допрашивайте как троцкиста".

На этот раз он просидел в одиночной камере 79 суток. Обвинение в принадлежности к контрреволюционной группе и связь с ней не признал. Следствие вначале вел Смирнов, а через пятнадцать суток стал вести Якушев.

В начале августа 1937 года ему устроили очную ставку с Малием, где он, Кузин, "доказывал, что Борисов не при аварии погиб, а был убит", приводя при этом в качестве доказательства то, что "если бы он стукнулся о водосточную трубу, то была бы помята водосточная труба и был бы разбит левый висок, а у него была разбита голова с правой стороны."

"Мое мнение такое, - написал Кузин, - что Борисов был убит".

Когда его вызывали в Москву к Серову, то зачитывали материалы следственного дела 1934 года. Он "был не согласен с заключением, которое было сделано в то время".

В декабре 1960 года Кузин в числе других работников гаража приглашался на беседу техническими экспертами, которым было поручено дать заключение в связи с проверкой обстоятельств гибели Борисова. Эта беседа состоялась 20 декабря 1960 года в Ленинграде, в Парткомиссии Ленинградского обкома КПСС.

Во время этой беседы Кузин утверждал, что тогда, в 1934 году он был совершенно здоров, только что демобилизовался из армии, машина в момент аварии была исправна, находилась в эксплуатации лишь два года и прошла около 30.000 километров, в Смольный выехал только по приказанию Максимова, который заявил, что он старше Мюллера. Дорога, по словам Кузина, была сво-

бодна, асфальт сухой, объезда никакого не была, трамвайной вышки и светофора на перекрестке не было. Объяснял аварию автомашины тем, что Малий вырвал у него руль. Он "бородся за руль и тормозил машину". Когда остановил машину, то увидел, что "Виноградов побежал в соседний дом", а Малий оставался у машины. Он "вскочил в машину" и увидел, что "из правого виска Борисова течет кровь, правая сторона головы разбита". Когда он закричал: "Убили, убили", то Малий сказал: "Смотри, щенок, не ори, а то вот пистолет". Борисова увезли на попутной легкой машине в УНКВД. Инспектора ОРУД он вызвал через милиционера. При нем инспектор машину не осматривал и никаких схем не составлял, так как и его и инспектора увез в УНКВД сотрудник Гусев, прибывший на место аварии раньше инспектора. Насколько он помнит, Гусева привез шофер Васильев. После того, как они уехали, на месте аварии остался милиционер. Как ему рассказывали потом шофера, машина пришла в гараж с места аварии своим ходом. Это может, как он считает, подтвердить бывший шофер Янелис.

Когда машина отъезжала от здания УНКВД по направлению к Смольному, он заметил, что "Виноградов стоял, держась за кабину". Как объяснил Кузин, борта у машины наращены не были, у кабины в кузове "стояла скамеечка, она намертво была прибита... она никакой качки не имела". Борисов "сидел почти в центре, а не на углу". На вопрос: "На борту никто не сидел?", Кузин ответил: "Нет, на борту не могли сидеть. Он никак не мог убиться о стенку потому что не мог достать головой стенку". На вопрос: "Как долго продолжалась борьба за руль?", последовал ответ Кузина: "Это были секунды". Кузина спросили, помнит ли он фамилию сот-

рудника ОРУД, прибывшего на место аварии, Кузин ответил: "Мне называли его, сейчас я не помню. Я с этим сотрудником встретился в 1937 году, когда Гусева трибунал судил, этот инспектор был свидетелем. Когда в перерыв вышли, он у меня спросил: "Не ты подал заявление, что Борисов погиб из-за неисправности машины?". Я говорю; " Нет, я сам только вышел". Отвечая на вопрос, может ли он назвать старожилов гаража, которым могут быть известны какие-либо обстоятельства, связанные с проверяемым вопросом, Кузин заявил: "Я забыл всех. С Янелисом встретился, и то его не узнал, узнал только после того, как он назвал себя".

18 января 1961 года Кузин написал новое объяснение на имя Председателя КПК при ЦК КПСС, где изложил обстоятельства, при которых он в апреле 1956 года был вызван и допрошен в КГБ при Совете Министров СССР. Кузин писал, что он доказывал бывшему председателю КГБ Серову, что "Борисов погиб не вследствие аварии, а был убит", но Серов "стал кричать" на него, зачитывать ему следственное дело 1934 года и настаивать, чтобы он "согласился" с этими показаниями. Когда ему предложили подписать протокол, в котором было сказано, что Борисов погиб при аварии, он отказался, после чего Серов опять стал зачитывать ему показания 1934 года и закричал: "Вы смотрите, машина была неисправна, была поломана передняя рессора". Он настаивал на своем. Серов продолжал кричать на него, говорил, что он "подставной шофер, который получил за эту аварию деньги". Он доказывал обратное, говорил, что его тогда выгнали из органов НКВД, не заплатив денег, что он арестовывался в 1937 году и сидел в одиночной камере. Серов "склонял" его признать

"неправильно записанные показания 1934 года", но он отказался, и тогда вызвали на очную ставку с ним Якушева. На очной ставке он "доказывал, что в 1934 году следствие велось неправильно, так как во время следствия старались доказать, что машина была неисправна. Я говорил Серову, — писал Кузин, — почему же меня не осудили в 1934 году за то, что я выехал на неисправной машине?"

В 1937 году на первых допросах Кузин, по его словам, стал давать такие же показания, как и в 1934 году, но следователь Смирнов стал на него кричать: "Нам не нужна твоя старая басня, ты скажи, кто тебе давал задание?" Он это обвинение отрицал. Когда следствие по его делу поручили вести Якушеву, то во время допроса у него изо рта и носа пошла кровь. Якушев прервал допрос, его отвели в камеру, он "отдохнул, поел", после чего Якушев вновь вызвал его и стал спрашивать: "Кузин, расскажи по-честному, как дело было?", и он стал рассказывать, как все произошло. По словам Кузина, на допросах у Якушева он показал, что 2 декабря 1934 года выехал в Смольный только после того, как получил приказание от секретаря Оперода Максимова. Обращавшимся к нему до этого сотрудникам Оперода Малию и Виноградову отвечал отказом, ссылаясь на распоряжение своего непосредственного начальника Мюллера о том, чтобы без его разрешения никуда не ездить. Об этом же распоряжении Мюллера он говорил и Максиму и даже спрашивал его: "Почему Вы посылаете грузовую машину в Смольный, если у Вас стоят легковые машины". Зачем его посылают на машине в Смольный, не знал. Малия, Виноградова и Максимова знал только в лицо. В кабину с ним сел Малий, а Виноградов и Борисов разместились в кузове. Малий все время торопил его, говоря: "Давай, давай быстрее!". Он с ним даже заспорил из-за этого и сказал, что

"машина и так идет хорошо". При переезде Потемкинской улицы он сбавил скорость и ~~недалеко~~ стал двигаться дальше по улице Воинова." В это время неожиданно Малий, - как писал Кузин, - вырывает у меня из рук руль и сам старается выпрыгнуть из кабины. Я его удержал, не дал ему выпрыгнуть. Машина вошла на панель и стукнулась о поребрик тротуара колесом, в результате чего спустила покрышка и было разбито только одно стекло". Когда после случившегося он остановил машину и вышел из кабины, то Виноградов бежал уже к дому напротив. В кузове машины на скамейке никого не было. Он "вскочил в кузов и закричал: "Убили! Убили!" К нему подошел Малий и стал угрожать пистолетом, говоря: "Смотри, щенок, а то вот пистолет".

На попутной машине Борисова увезли в УНКВД. В этот момент приехал Гусев и хотел его арестовать, но он не подчинился, так как ожидал инспектора. Когда подъехал инспектор, Гусев не дал ему осматривать машину и даже не подпустил к ней, а доставил их обоих в УНКВД. По дороге инспектор пытался задавать ему вопросы, но Гусев запретил, заявив: "Мы сами инспектора, разберемся с этим делом".

В 1935 году, после освобождения из-под стражи, он пошел в гараж, и там шофера ему "сказали, что машина была исправна и своим ходом шла в гараж".

В конце своего объяснения Кузин вновь возвратился к обстоятельствам вызова его в Москву в 1956 году и написал следующее:

"Когда я приехал из Москвы, от Серова, в 1956 году, я позвонил Ф.Р.Козлову о том, что я был в Москве у Серова. Тов.Козлов немедленно меня принял, и я дрложил ему, что Серов мною недоволен, что Серов склонял меня согласиться с показаниями 1934 года. Серов сказал: "Надоело нам ваше ленинградское дело".

(Материалы проверки 1960 года, том 6, л.д. I-6, 322-326; том 9, л.д. I5-27).

Упоминавшийся ранее бывший сотрудник УНКВД по Ленинградской области Якушев написал два объяснения на имя Председателя КПК при ЦК КПСС, первое - 23 ноября 1960 года и второе - 18 января 1961 года.

В объяснении от 23 ноября 1960 года Якушев написал, что следствие по делам Малия и Виноградова он, как уже заявлял ранее, "вел совершенно объективно", доказательством чего является тот факт, что арестованный по делу Малия и Виноградова шофер Кузин был им "освобожден, как непричастный к убийству Борисова".

Говоря о том, что Кузин "несколько изменил свои показания об обстоятельствах гибели Борисова", Якушев указывал в своем объяснении, что "это дело его совести", полемизировать с ним^{он} не может, так как у него "нет других доказательств", но он "готов пожертвовать своей жизнью с тем, чтобы доказать", что его "совесть чиста в этом деле".

Осуждение Малия и Виноградова, по словам Якушева, до сих пор не дает ему удовлетворения, ибо "не раскрыто главное: почему убит Борисов".

Якушев категорически отвергает версию о том, что Борисов явился жертвой автомобильной катастрофы на том основании, что в Ленинградском УНКВД было "более, чем достаточно легковых машин" и что ушиб головы Борисов получил не с левой, а с правой стороны.

После анализа обстановки гибели Борисова и материалов следствия 1937 года по делам Малия и Виноградова у него, по словам Якушева, "складывается убеждение, что Борисов был убит

сотрудниками Оперода, очевидно, потому, что его нельзя было допустить на допрос следственной комиссии ЦК, т.к. он мог раскрыть подлинных убийц, направивших руку Николаева против С.М.Кирова и что, следовательно, это убийство Борисова сделано по заданию сверху".

Охарактеризовав Малия, как отъявленного хулигана, способного на "всякие грязные и темные дела", которого "не случайно" использовали "для выполнения этого гнусного преступления", Якушев писал далее:

"Вот почему я прихожу и к другому выводу, что убийство Борисова тесно связано с убийством С.М.Кирова. У меня, к сожалению, нет каких-либо достаточно убедительных доказательств, но я остаюсь при мнении того, что и руку Николаева и руку Малий против Борисова направляла чья-то одна рука сверху и что она проходила через узкий круг руководящих работников наших органов как в Москве, так и Ленинграде".

Во втором своем объяснении от 18 января 1961 года Якушев вначале описал обстоятельства вызова его в апреле 1956 года в Москву и обстановку его допроса в КГБ при Совете Министров СССР, указав при этом, что Серов допрашивал его "в очень грубой форме", обвинял его в фальсификации и избииении Малия, Виноградова и Кузина по делу об убийстве Борисова, в результате чего Малий и Виноградов осуждены к расстрелу необоснованно. Эти обвинения он, Якушев, категорически отрицал, ссылаясь при этом на освобождение Кузина, но Серов "в резкой форме требовал" от него "признания", что дело на Малия и Виноградова было им сфальсифицировано. На его просьбу разобраться объективно, Серов ответил: "Нечего разбираться с фальсификаторами, им место сейчас в тюрьме". Его письмо на имя Козлова было расценено Серовым как "попытка предупредить

события. Вы,- говорил ему Серов,- предчувствовали, что это дело будут проверять и Вам не избежать ответственности". Тогда же в КГБ была проведена очная ставка с Кузиным. Когда на очной ставке Кузин сказал, что он к нему, Якушеву, никаких претензий не имеет, Серов "в недовольном тоне ответил Кузину: "Вас не поймешь, виноваты и Вы, и Якушев и теперь пытаетесь отделаться легким испугом, но это не выйдет". После очной ставки он был оставлен один, и его, "еще продолжительное время Серов допрашивал, пытаясь склонить" к признанию того, что он сфальсифицировал дела Малия и Виноградова.

На следующий день, по словам Якушева, ему предложили подписать протокол, но он отказался ввиду того, что его показания были записаны неправильно. Протокол он подписал только после того, как в него были внесены изменения, на которых он настаивал. (Материалы проверки 1960 г. , том 6, л.д. 24-33; 287-294).

Янелис, бывший шофер легковой машины УНКВД по Ленинградской области, написал в ноябре 1960 года два объяснения на имя Председателя КПК при ЦК КПСС.

В одном из них - от 19 ноября 1960 года, Янелис, как и в письме на имя Козлова в марте 1956 года, сообщал, что за Борисовым из Смольного он был направлен кем-то из двух сотрудников, фамилия одного из них - Казаков, ехал с ним в машине Малий, причем, Малий раньше его вышел из здания Смольного, а к машине подошел откуда-то со стороны, когда он уже сидел за рулем. Они подъехали к ДПЗ, "ворота моментально открываются, чтобы впустить машину во двор". Во дворе он увидел Борисова в окружении сотрудников НКВД. Как ему "показалось

Малий немножко оторопел, отозвал в сторону какого-то сотрудника (точно фамилию не помню, боюсь утверждать, но не был ли это Хвиюзов или Виноградов?), с которым они минуту или две разговаривали". Он в это время развернул машину и разговаривал со стоявшим у ворот охранником. Услышал, как Малий с бранью кричал: "Вот еще новое дело, чтобы такую ворону (намекая на Борисова), везти на правительственной машине, повезем его на грузовой". Шоферу стоявшей во дворе ДПЗ грузовой автомашины "ГАЗ-АА" было дано распоряжение заводить машину. Малий влез в кузов и стал помогать сотрудникам "втаскивать Борисова в кузов, так как Борисов был слаб. Втащив Борисова в кузов, он приказал ему садиться на борт. Борисов очень упирался садиться на борт, по всей вероятности, из-за того, что боялся упасть, да кроме того, на борт и не полагалось садить людей". Соглашаясь про себя с тем, что Борисов не заслуживает того, чтобы везти его на легкой правительственной машине, он все же сказал Малию, что по правилам сажать на борт людей не полагается. Тот ответил площадной бранью, со злостью захлопнул дверцу его машины и приказал возвращаться в Смольный.

Янелис, по его словам, выехал на улицу, но, перед тем, как поехать в Смольный, поднялся в столовую УНКВД на седьмой этаж за папиросами и пробыл там некоторое время. Возвращаясь из столовой, на лестнице между первым и вторым этажами увидел, что "несут Борисова на руках, как впоследствии оказалось, мертвого". Борисов был без головного убора и он "ясно видел багровую плешивую голову Борисова". Ему показалось, что голова "раздроблена, потому что была даже неправильной формы". Когда он спросил, что

случилось, Малий его "грубо оттолкнул в сторону". На улице, когда он вышел к машине, стояло несколько человек и среди них знакомый шофер, фамилию которого не помнит и он не из гаража УНКВД. Этот шофер сказал ему, что "ваш парень не виноват, что у него выхватили руль, вследствие чего, якобы, получилась авария и вследствие чего, якобы, был убит Борисов". Откуда шоферу стало известно об этом, "говорил ли ему об этом Кузин или кто-нибудь другой, или он сам видел, я, - писал Янелис, - точно не знаю". Шоферу он очень грубо ответил, сказал, чтобы тот не вмешивался не в свои дела, так как "был очень расстроен".

Когда он приехал в Смольный, его "уже встречали около парадной". Тогда один из сотрудников спросил, где же Борисов, и он ему ответил: "Борисова понесли в санчасть, что-то случилось по дороге". После его сообщения все побежали, а он стал ожидать дальнейших распоряжений. Через некоторое время вышли Вышинский, Ульрих, Акулов, Шейнин и "еще кто-то", точно не помнит, но "как-будто бы Жданов". Они сели в машину и приказали везти их в гараж на бульвар Профсоюзов. Рядом с ним сидел Вышинский, который сказал, что он, Янелис, будет у них консультантом по машине, потерпевшей аварию. В гараже он увидел потерпевшую аварию машину, стоявшую в моечном отделении в полутемноте. Приехавшие с ним лица, не зажигая света, бегло осмотрели машину, не пригласив ни его, ни других специалистов автодела, и уехали обратно в Смольный.

"Мое мнение, - писал в конце своего объяснения Янелис, - что из-за такой незначительной аварии не мог погибнуть человек в машине, - по-моему, он был убит".

В объяснении от 22 ноября 1960 года Янелис сообщал, что после

убийства Кирова один из отпусков он проводил у своего хорошего знакомого - "видного работника НКВД в городе Тбилиси" Степанова, который раньше работал в УНКВД по Ленинградской области и знал, что он, Янелис, "близко соприкасался с С.М.Кировым, обслуживая его по загородным поездкам." При встрече Степанов "закидал" его вопросами о событиях в Ленинграде 1 и 2 декабря 1934 года. Рассказав Степанову, все, что он знал об этих событиях и пользуясь тем, что их разговор "принял секретно-интимный характер", он, в свою очередь, стал задавать Степанову вопросы, в частности, кому нужна смерть Кирова и "второе: непонятное, даже загадочное убийство Борисова (что Борисов был убит Виноградовым и Малием, - писал Янелис, - я был уверен, но не вследствие аварии, как утверждали, кому это было нужно)", на что М.А.Степанов ответил примерно так:

"Миша, ты очень хорошо знаешь, каким авторитетом пользовался Сергей Миронович, а отсюда вывод, что Киров был большой претендент на место хозяина (хозяин или батя в наших разговорах подразумевался Сталин), а в отношении Борисова им поступить иначе было нельзя, как только убить, потому что в большей или меньшей степени Борисов был замешан в деле убийства С.М.Кирова, а зная Борисова, как слабовольного и трусливого человека, который мог все выболтать, его и убили".

"Таким образом, Степанов М.А., - писал в заключение Янелис, дал мне понять, что С.М.Киров был убит по приказанию Сталина".

Во время беседы с членами технической экспертной комиссии, состоявшейся 20 декабря 1960 года, Янелис как и в упоминавшемся выше объяснении на имя Председателя КПК при ЦК КПСС от 19 ноября 1960 года, но уже более определенно сообщил, что за Борисовым его послал помощник коменданта Смольного Казаков, который, подойдя к нему с Малием, сказал: "Поедешь с этим то-

варищем в ДПЗ и срочно привезешь Борисова". Выезду в ДПЗ УНКВД, как заявил Янелис, предшествовал такой "момент":

"Когда мне сказали, - сообщил Янелис экспертам, - что надо ехать, я им сказал: "Пожалуйста, идите в машину". А сам стал смотреть по коридору, не идет ли Крауклис, чтобы сказать ему - побудь здесь, а я выезжаю. Посмотрел, его нет. Я выскакиваю, открываю капот, сажусь, а в это время Малий подходит спереди ко мне. Тогда мы в садик заезжали прямо, там не было асфальта, был бульжник. По-моему, он взял бульжник. Это потом мне в голову приходило, тогда мне ни к чему было. Я вспоминаю, что-то такое неладно, потому что Малий справа подходил к машине. Когда я вышел, его не было около машины".

Эксперты спросили Янелиса: "Но Вы этого не видели?" Янелис ответил: "Нет, я не видел, это впоследствии возникла такая догадка".

Далее Янелис сообщил экспертам, что в ДПЗ их, вероятно, ожидали. Борисов был уже во дворе в окружении трех-четырех человек, "пожилой такой, сгорбившийся, в шапочке, воротничек поднят". Около Борисова тогда был Виноградов. Пока они беседовали, он развернул машину, чтобы выехать, и услышал, как Малий говорил, что "это не дело - везти на правительственной машине такую скотину, такую гадину, повезем его на грузовике". В то время, по словам Янелиса, "во втором дворе стоял грузовичок - полуторка, который обслуживал коменданта тюрьмы Богданова, эта машина была в его распоряжении, о на привозила только продукты, больше на ней ничего не возили". Шоферу-молодому парнишке сказали, чтобы он завел машину и выехал в первый двор, что тот и сделал. Борисова стали втаскивать в эту машину, а ему Малий приказал возвращаться в Смольный. Когда Борисова втаскивали наверх, "кто-то сказал, по-моему, - заметил Янелис, - Малий, что на борт посадим". Он тогда сделал замечание, что "на борт

нельзя сажать людей, не положено по правилам". Малий с руганью захлопнул дверцу его машины и сказал: "Поезжай".

Внехав со двора ДПЗ, он в Смольный сразу не поехал, а поднялся на седьмой этаж здания УНКВД в столовую за папиросами. Когда через некоторое время спускался по лестнице, между первым и вторым этажами увидел, как несли Борисова. Он заметил, что "голова у него багровая, левая сторона вроде выше, правая нижепроломлена (он был без шапки)". На его вопрос: "Братцы, что такое?" Ничего не ответили, а Малий или Виноградов оттолкнули его рукой с руганью. Янелис, по его словам, " был ошеломлен" и "тихонько" вышел из здания. Около здания УНКВД "была небольшая толпа, часовые ее разгоняли". На противоположной стороне улицы стояла легковая машина из чужого гаража. Шофер этой машины крикнул ему, Янелису: "Михаил, ваш парень не виноват, у него руль выхватили". Не расспросив этого шофера, в чем дело, он грубо ему ответил: "Не вмешивайся не в свое дело".

Как только он подъехал к Смольному, его встретили " чуть ли не в воротах" и спросили, где Борисов. Он ответил: "Его убили". В этом месте беседы эксперты Янелиса спросили: "Почему Вы сказали, что убили?" Янелис ответил: "Я был почти уверен, что убили ,на голове у него была такая вмятина и голова была на один бок, с правой стороны был пролом. Я предполагал, что он убит. Так я и сказал: боюсь утверждать, но мне так кажется. Они сразу забегали".

Описывая, как и в предыдущих объяснениях, свою поездку в гараж с Вышинским, Ульрихом и другими для осмотра потерпевшей аварию машины, Янелис в числе выезжавших назвал уже без каких-

либо огорок фамилию Жданова. К осмотру машины Янелиса, по его словам, не допустили. Хотя Вышинский и сказал: "Подойдите сюда" и он хотел уже выйти из машины, но кто-то сказал, что не надо, поэтому он все время находился в машине. Осмотр машины указанными лицами продолжался недолго, сотрудников ОРУД, механиков, шоферов, слесарей при этом не было. Из гаража он отвез Вышинского и других в Смольный или в "Большой дом" (здание УНКВД - примечание наше).

Как доставили машину в гараж с места аварии, он не знает, но слышал разговоры, что она пришла своим ходом и вел ее работник гаража Ионин.

После того, как Вышинский и другие уехали из Ленинграда, Янелис по его словам, "сразу посадили и выпытывали все", потом "начали притеснять, пересадили на грузовую машину. В 1937 году опять вызвали, опять постращали, два раза ударили по лицу наотмашь (Соколов - такой был комендант)".

Как заявил Янелис, упоминавшийся им ранее его хороший знакомый - сотрудник НКВД Степанов "пытался предупредить убийство С.М.Кирова (на него рассмеялись, что ересь порет человек?)". Степанов предупредил его, сказав: "Ты ничего не видел, ничего не знаешь". Поэтому он и "зажал рот". Об этом он рассказал во время беседы Козлову и, как указал Янелис, "Фрол Романович меня немножко корил, почему раньше не заявил". Я прямо сказал, кто говорил - где они сейчас?".

Уточняя вопрос о грузовой машине, эксперты спросили Янелиса: "Что, продуктовая машина это и была машина Кузина? Янелис ответил: *«Нет»*. На следующий вопрос экспертов: "С той машиной что-то не получилось?" Янелис дал такой ответ:

"Я не видел, когда выезжала эта машина. Когда выезжал, открыл дверцу, смотрел, чтобы развернуться - никто не выезжал. Вообще, машины стояли, в переулке машины стояли (сейчас это тупичок, а тогда был сквозной переулок на Неву), на Каляевой улице много машин стояло".

На вопрос, сколько времени занял выезд, покупка папирос и питье лимонада, последовал ответ Янелиса: "Минут 10-15, не больше. Они отъехали недалеко, километра не будет".

Янелису был задан и такой вопрос, - когда он ехал обратно в Смольный, не останавливался ли на месте происшествия. Он ответил: "Нет. Когда я проезжал, стояла машина, но около нее никого не было, может быть, человека два-три стояли. Я не остановился возле машины, потому что я садил, как полоумный, боялся: Борисов убит, а я пил лимонад, покупал папиросы".

Как видно из стенограммы, во время беседы с Янелисом присутствовал и бывший шофер Кузин, который после рассказа Янелиса о существовавших тогда в их гараже порядках и состоянии машин, заявил: "Состояние моей машины всегда признавали отличным". После этих слов Кузина в стенограмме записано следующее заявление Янелиса:

"Я могу сказать о т. Кузине, что он был рекомендован из пограничного полка с хорошей характеристикой. Когда к нам брали молодых водителей, их первое время сажали на грузовые машины. Говорят, что т. Кузин был одним из лучших".
(Материалы проверки 1960г., том 6, л.д. 7-21, том 9, л.д. 1-14).

Свое объяснение в КПК при ЦК КПСС от 20 ноября 1960 года бывший начальник Санотдела УНКВД по Ленинградской области Мамушин начал с заявления о том, что раньше и

и теперь он "интуитивно" чувствует незавершенность расследования по делам об убийстве Кирова и гибели оперкомиссара Борисова. Поэтому после его реабилитации в 1955 году он "доложил начальнику МВД о необходимости вновь поднять это дело" и "просил организовать" ему беседу в Ленинградском обкоме партии. После этого он был принят Козловым, "который тогда с места сказал, что в этом деле особенно загадочна смерть сотрудника Борисова". В один из ближайших после беседы дней Козлов возил его к месту происшествия на улицу Воинова, и они "беседовали, главным образом, о загадочных обстоятельствах смерти Борисова". Учитывая, что прошло много времени и он из-за своего возраста многое забыл, он стал просить поднять документы того времени и дать ему возможность ознакомиться с ними. Вскоре его вызвали в Москву, где с ним беседовали "оперативные работники в присутствии представителя военной прокуратуры". Он ознакомился с протоколом вскрытия трупа Борисова, с характером травматических повреждений головы Борисова. Это не только не устранило его сомнений, а, наоборот, "было ясно, чего-то нехватало для полноты картины", тем более, что тогда, в 1934 году отклонили ходатайство экспертов о выезде на место происшествия. "Это один из главных моментов, который впоследствии, - писал Мамушин, - побудил меня при вторичной беседе с Фролом Романовичем записать мое мнение о неполноценности судебно-медицинской экспертизы".

Далее Мамушин описал свою встречу с шоферами в Ленинградском обкоме КПСС:

"По ходу работы Ком. ЦКК (речь идет о беседе Мамушина с представителями Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС примечание наше) был приглашен прямо с работы тов. Кузин - водитель грузовой машины, возивший арестованного оперативника Борисова.

Во время этой беседы Кузин сразу сказал, что в данном случае имеет место убийство и привел доказательства, что оба сотрудника, арестовавшие Борисова, когда он лежал в кузове машины, отлучались на этой улице не на долгое время, а потом вернулись снова к машине... Перед тем, как отлучиться от машины, у машины происходила краткая борьба между Кузиным и сотрудником Малием, который пытался вырвать руль-баранку у Кузина, а этот не допускал, угрожая применить оружие.

Как сказано, эти сотрудники, оставив в покое машину, куда-то отлучались на той же улице, а потом снова вернулись, вскочили в грузовик и приказали везти в санчасть. Вот в этот момент, когда начали идти по направлению к санчасти, и произошло в кузове машины, но что именно произошло, Кузин этого не мог видеть, он вел машину.

Потом на Комиссию ЦК был приглашен второй шофер "Паккард" (фамилию его я не помню), — он также подтвердил показание Кузина, что действительно 2 сотрудника отлучались с машины и затем быстро вернулись, вскочив в кузов машины, приказали вести машину в санчасть. В это время, видимо, и совершилось убийство, о котором показывал Кузин. Это свое показание он повторил в Москве при допросе у ген. Серова, и тогда снова настойчиво повторил в Комиссии ЦК в нашем присутствии.

Все вместе взятое убедило и меня — та картина разрушения мозга у Борисова была настолько ясна и глубока, что эти повреждения могли быть нанесены только третьим лицом внутри кузова машины. Каким оружием могли быть нанесены удары? Оба шофера согласны, не сговариваясь друг с другом, в присутствии Комиссии ЦК, говорили, или булыжником, который нетрудно было принести с мостовой, припрятав его в одежду, а потом выкинуть на ходу автомашины, или какую-нибудь массивную железку, словом, какое-либо холодное оружие, достаточно массивное для нанесения столь тяжелых ран...".

В 1934 году во вскрытии трупа Борисова, писал Мамушин, участвовала комиссия из 5 человек, в том числе два профессора, но случай оказался "чрезвычайно сложным", и вот сейчас "только шофера, — продолжал он, — могли нам помочь, хорошо практически знающие автомашину, выявив и объяснив всю механику обширных и тяжелых повреждений у Борисова, нанесенных только третьим лицом извне, со стороны".

Далее Мамушин написал:

"Вот так появилась версия о нанесении удара по голове булыжником или тяжелым предметом, способным вызвать такое большое разрушение черепной коробки.

Таким образом, Комиссия ЦК и все присутствующие

здесь пришли к единодушному решению, что данный случай с лперсотрудником Борисовым был не несчастным случаем, а преднамеренное убийство".
(Материалы проверки 1960г., том 6, л.д.35-52).

Опрошенный в 1960 году бывший шофер УНКВД по Ленинградской области Чоповский в своем объяснении в КПК при ЦК КПСС от 28 ноября 1960 года сообщил, что об обстоятельствах гибели Борисова ему рассказывал Кузин в 1935 году после освобождения из-под стражи. Кузин, по словам Чоповского, рассказал следующее:

"Вызвали машину в Управление. Там посадили в кузов Борисова. Охранять приставили оперуполном. т.Виноградова. В кабину к шоферу сел оперуполномоченный Малий и дал команду ехать в Смольный. Не доезжая Потемкинской ул. (следуя по Воинова), Малий выбил ноги Кузина с педалей сцепления и тормоза и начал вырывать руль, поворачивая его в сторону здания садоводства. Пока шла борьба в кабине, машина попала в открытый люк. Пер. колесо от удара лопнуло. Машину потянуло в здание садоводства.

Тем временем, Виноградов пистолетом пробивает череп тов.Борисову. Когда дело сделали, Малий выскочил и начал избивать Кузина, но Кузин выхватил свой пистолет и хотел себя застрелить (так в деле было записано Малием). Тем самым аварию хотели отнести на Кузина".

Касаясь технического состояния автомашины, на которой везли Борисова, Чоповский, являвшийся сменщиком Кузина на этой машине, написал:

"Утром в 9-⁰⁰ 2.XII я передал машину своему сменщику Кузину Василию в полной технической исправности, т.к. сам Кузин ее осмотрел и взял пульт для выезда в Управление НКВД Л.О."

В своем объяснении Чоповский указал также, что в середине дня 2 декабря 1934 года его вызвали из дома в УНКВД, объяснив, что произошла авария с машиной, на которой он работал вместе с Кузиным, во время аварии "убит т.Борисов," а Кузин арестован.

В Управлении его допрашивали два незнакомых ему сотрудника НКВД. Его обвиняли в том, что он "умышленно подготовил автомобиль так, чтобы в течение дня произошла авария". Он это обвинение отрицал и комиссия, созданная позднее, подтвердила его невиновность. Как ему известно, "находясь под арестом, т.Кузин также отрицал всю выдумку и поклеп". Во время первого допроса он обратил внимание, что допрашивавшие его "сотрудники больше разговаривали о хорошеньких женщинах, чем о деле, поэтому, - писал Чоповский, - я вынес свое мнение, что вопрос об аварии - это выдумка и кому-то это нужно".

В объяснении Чоповский характеризует Малия, как высокомерного, чванливого, грубого человека и несерьезного работника.

Во время беседы с техническими экспертами, состоявшейся 21 декабря 1960 года в Ленинградском обкоме КПСС, Чоповский заявил, что его сменщик Кузин 2 декабря 1934 года принял от него машину в исправном состоянии. Они с Кузиным тогда только поставили на переднюю рессору дополнительный хомутик, так как оказалось, что "одна часть рессоры сломана". И, кроме того, он "стремянку подтянул". Чоповский не отрицал, что написал в путевке о том, что "в рессоре один лист сломан", и за это на следствии тогда "зацепились". Кто осматривал автомашину после аварии, и как она доставлена с места происшествия в гараж ему не известно.

На некоторые вопросы экспертов Чоповский ответил следующим образом:

Вопрос: Центральный болт в каком был состоянии?

Ответ: Все было в порядке. Авария была сделана искусственно. Когда меня разбудили и сказали, что авария с машиной, то у меня волосы встали дыбом".

"Вопрос: На центровом болте все рессоры были, только один кусочек рессоры, конец был сломан?

Ответ: Да. Тогда был начальником мастерских Ионин, который мне сказал, что в комиссии жмут на это дело. Меня вызвали два сотрудника, которые говорили, что я подделал аварию. Я отвечал, что нет, этого не может быть. На меня очень нажимали, даже хотели приложить руки".

"Вопрос: На гауптвахту Вас сажали?

Ответ: Да, Быховский посадил.

Вопрос: За что?

Ответ: Не припоминаю. Такое тяжелое положение было с этой аварией, что другого ничего не помню. Это длилось месяца три, потом все наладилось. Я работал на другой машине у зам. начальника Управления Волкова.

Вопрос: Что Вы знаете о судьбе той машины?

Ответ: Через месяц я на ней стал работать. После того, как Борисова похоронили, через месяц, после аварии я сел на эту машину.

Вопрос: Какой ремонт Вы сделали?

Ответ: Никакого ремонта не сделали. Сменщиком у меня был Юдин".

"Вопрос: Вы приняли машину в таком же состоянии, в каком сдали ее Кузину до аварии?

Ответ: Посмотрели машину, убрали кровь на площадке. .

Вопрос: Стекла вставили?

Ответ: Не помню, чтобы они были разбиты. О рессоре слов не может быть. Мы со сменщиком посмотрели машину и начали работать.

Вопрос: Может быть, кто-нибудь другой ремонтировал машину?

Ответ: Она была законсервирована, к ней никого не допускали.

Вопрос: Когда Вы заменили эту рессору?

Ответ: Не помню этого дела.

Вопрос: Вы два года работали и такого момента не помните.

Ответ: Машина не ходила с грузом. Почти 98% времени машина ходила пустая, с одним или двумя техниками-радистами".

"Вопрос: Кузов у нее был нормальный?

Ответ: Нет. Борта ниже на одну доску. Это сделали сами, чтобы было людям легче лазить через борт. Мы со сменщиком это сделали.

Вопрос: Скамейки там были?

Ответ: Да, мы тоже сами их сделали для того, чтобы люди не держались за борта. Они были сделаны на обыкновенных петлях. У кабины был брус, к которому цеплялась скамейка"

"Вопрос: Когда Вы через месяц приняли машину, то правая крышка была целая или нет?

Ответ: Не помню. С самого начала это была искусственно созданная авария. Недоезжая угла Потемкинской ул. был открыт люк. Когда началась борьба между Малием и Кузиным, при попытке Малия вырвать из рук Кузина руль, колеса попали в люк, и это помогло Малию пересилить Кузина, который был крепким человеком. Они боролись, пока не переехали на другую сторону Потемкинской ул. и не въехали в эту

стенку. Так было мне передано комиссией и самим Кузиным.

Когда они въехали в стенку, то здесь Малий и Кузин выскочили из машины. Малий хотел убить Кузина, но тогда все шоферы имели пистолеты."

Вопрос: Ионин осматривал эту машину? К какому выводу пришел?

Ответ: Что авария не произошла из-за этой рессоры".

(Материалы проверки 1960г., том 6, л.д. 68-73; том 9, л.д.66-77).

Бывший шофер Оперода УНКВД по Ленинградской области Васильев Н.В.

29 ноября 1960 года письменно сообщил в КПК при ЦК КПСС следующее:

"2 января 1934 года я отвез т.Бенюка в Таврический дворец, т.к. он был назначен начальником наружной охраны дворца и мне приказал быть у дежурного отдела Оперода. Я оставил машину у 4-го подъезда по ул. Воинова. В тот день дежурным отдела был т.Мурзин. Через некоторое время вошел Малий и попросил у дежурного вызвать ему грузовую машину, но дежурный предложил ему легковую, указывая на меня, а он отказался. Тогда дежурный сказал ему, чтобы он обратился к нач-ку отдела за разрешением на грузовую машину. Малий пошел к нач. отдела (в то время нач. отдела был Губин), и он разрешил Малину взять грузовую машину, дежурный вызвал грузовую машину к Управлению (шофером был Кузин)...

Когда я вернулся в гараж, грузовая машина уже стояла в мойке, и ее осматривала Московская комиссия. Проходя мимо группы шоферов, я услышал обрывки фраз, сказанных Кузиным, что во время поездки Малий вырывал у него руль.

Мое личное мнение, что Борисова умышленно убили".

Технические эксперты беседовали с Васильевым 21 декабря

1960 года. Во время беседы Васильев подтвердил, что автомашину, потерпевшую аварию с Борисовым, он видел в гараже, когда ее осматривала комиссия, причем, видел с задней стороны, "сзади она была нормальной". На вопрос, какие были разговоры среди шоферов и его товарищей по работе в гараже о причинах аварии, Васильев ответил: "Я слышал из разговоров о том, что Малий вырывал руль из рук Кузина".

На последующий вопрос, были ли разговоры о том, что авария произошла из-за технической неисправности машины, Васильев пояснил: "Я, как шофер, могу сказать, что она должна быть исправна, потому что она мало ходила. Машина делала 5-10 километров, а это ничто для машины, покрышки были новые. Обслуживали нас хорошо. Все, что мы просили, нам давали".

Заттагивались ли в беседе экспертов с Васильевым вопросы, изложенные им в объяснении от 29 ноября 1960 года, то-есть об отказе Малия воспользоваться его легковой машиной и обстоятельствах вызова из гаража грузовой машины с шофером Кузиным, из стенограммы этой беседы не видно.

(Материалы проверки 1960г., том 6, л.д. 22-23; том 9, л.д. 81-85).

Упомянувшийся ранее бывший инструктор Ленинградского горкома КПСС Войтас в своем объяснении от 21 ноября 1960 года на имя Председателя КПК при ЦК КПСС, сообщил, что 2 декабря 1934 года машину, на которой он ехал по улице Воинова, остановил сотрудник НКВД, предложил подъехать к стоявшему грузовику, после чего он и еще один мужчина поднесли и положили в машину человека, с лица которого "шла кровь". Этого человека доставили к зданию УНКВД, а ему, Войтасу, разрешили следовать своей дорогой. В пострадавшем он узнал Борисова, который всегда сопровождал С.М.Кирова о чем из дома позвонил в Смольный. К телефону подошел Свешников, которому он сообщил об увиденном. Свешников передал это сообщение находившимся в том же кабинете Агранову и Чудову. Последние предложили ему немедленно прибыть в Смольный. Когда он приехал в Смольный, то рассказал обо всем Агранову, Чудову и Угарову. Позднее его вызвала комиссия ЦК - Ежов и Косарев, которым он рассказал обо всем, что видел. (Материалы проверки 1960 г., том 14, л.д. 13-14).

Петровский П.А., бывший сотрудник Оперода УНКВД по Ленинградской области, в своих воспоминаниях об обстоятельствах убийства Кирова, датированных 1 декабря 1960 года, касаясь вопроса о Борисове, написал, что после убийства Кирова ему, Петровскому, и еще одному сотруднику из секретной группы было поручено "охранять арестованного охранника т. Кирова - Борисова". Тогда он, "во избежание каких-либо неприятностей" и "судя по состоянию Борисова", отобрал у него браунинг. Этот пистолет передал "начальнику секретных охранников Грюнвальду", который его "обругал нецензурным словом, сказав при этом - "Кто тебя просил отбирать оружие, не твое это дело".

Когда потребовали доставить Борисова в Смольный на допрос, то "доставить Борисова оказалось не на чем, вдруг исчезли все машины, и только смогли достать грузовую полуторку, причем, дно кузова машины было отполировано, аж блестело, как зеркало. Эту машину предоставил один из начальников Оперативного отдела Мюллер.

На дно кузова машины, на середину, посадили Борисова (предварительно Борисова во дворе ДПЗ избили, об этом, - пишет Петровский, - я узнал в 1941г. от бывш. нач. Котомина), с шофером в кабину сел оперативный уполномоченный Малий, а в кузов на скамейку у кабины уполномоченный Виноградов. По приказанию Малия шоферу - "чтобы быть в Смольном через 5 минут", шофер бешено погнал машину по улице Воинова и, свернув за Таврическим дворцом направо, на Таврическую, от быстрого хода машину занесло, и задними колесами она ударилась о панель, от сильного толчка сидевший и не державшийся Борисов вылетел из

машины и ударился головой о мостовую, у него из носа, ушей и рта появилась кровь, и он был на месте мертв, в Смольный был доставлен труп Борисова. Шофер, Малий и Виноградов были арестованы".

Из каких источников все это стало известно Петровскому, он в своих воспоминаниях не написал (Материалы проверки 1960г., том 6, л.д. 99-131).

К тому 10 материалов проверки 1960 года приобщена копия заявления Петровского на имя Ежова от 23 апреля 1938 года, в котором он об обстоятельствах гибели Борисова написал следующее:

"Всю предательскую, гнусную, кровавую работу предателя Ягоды теперь я понял, за что был ими убит Борисов, тогда я удивлялся, зачем его повезли на 1 1/2 тонной автомашине, когда в гараже были легковые, а теперь я понял, почему Борисова посадили не на скамейку, а на дно машины посередине, для того, чтобы он не мог держаться, в кузов с Борисовым сел оперуполномоченный Оперода Владимиров, который крепко держался за скамейку, а в кабину с шофером сел уполномоченный Оперода, не помню фамилию, не то Малий, а, в общем, в этом духе, большой аферист, который приказал шоферу бешеную скорость, якобы, как можно скорее доставить Борисова на допрос к тов. Сталину.

Шофер разогнал бешеную езду по ул. Воинова, мимо дворца Урицкого и, сделав крутой поворот для проезда на быв. Тверскую ул., стукнулся задними колесами о панель, а от удара вылетел не державшийся Борисов и ударился головой о мостовую, и, не приходя в сознание, умер. Оба уполномоченных вернулись к исполнению своих обязанностей в Опероде. Я и некоторые из сотрудников в то время думали, что произошел несчастный случай".
(Материалы проверки 1960г., том 10, л.д. 56).

За период с ноября 1960г. по январь 1961 года поступили письма, заявления, воспоминания и получены объяснения от ряда других лиц. Так, бывшие сотрудники УНКВД по Ленинградской области Рябов, Томко, Шаблыкин и Семенов при описании обстоятельств относящихся к убийству Кирова высказывали свои личные мнения о загадочности гибели оперкомиссара Борисова и высказывали пред-

положения, что Борисов убит сопровождавшими его сотрудниками по уназанию вышестоящих начальников, как опасный свидетель.

Бывший заместитель коменданта Смольного Михальченко, бывшие сотрудники Оперода Кустов и Кульнев, обслуживавший Кирова шофер Писанко и член КПСС с 1915 года Черняк М.И. в своих объяснениях указали, что об обстоятельствах гибели Борисова им известно со слов других, причем, на конкретные фамилии не ссылаются.

Михальченко, например, сообщил, что он слышал от кого-то из сотрудников УНКВД, что Борисов во время аварии автомашины ударился о борт кузова машины и получил смертельное повреждение.

Писанко слышал, что когда Борисова везли из Смольного в УНКВД, и автомашина потерпела аварию, Борисова из кузова выбросило на мостовую, и он разбился.

Кульневу, со слов других сотрудников, известны различные объяснения причин гибели Борисова: во время аварии упал на мостовую, ударился затылком и, не приходя в сознание, умер; на пути в Смольный машину стало заносить, Малий ухватился за руль, чтобы выправить ее, и в это время произошла авария, при которой погиб Борисов; Малий умышленно выхватил руль у водителя, нарушил правильное движение машины, а в это время Виноградов ударил Борисова рукояткой "нагана" в затылок, после чего Борисов выпал на мостовую и умер. Кульнев также сообщил, что в течение месяца Борисова не хоронили и не выдавали его труп жене. Похороны Борисова, по словам Кульнева, организовывал сотрудник УНКВД Василевский.

По заявлению Кустова, одни сотрудники в то время говорили, что Борисов погиб в результате автомобильной катастрофы, другие

высказывали сомнение в этом и предполагали, что кое-кому из руководства была нежелательна встреча Борисова со Сталиным и членами правительственной комиссии. Факт гибели Борисова, по словам Кустова, как-то замалчивался, и об этом разговаривали вполголоса, наедине друг с другом.

Черняк написала в своем объяснении так: говорили, что авария эта была специально устроена.

Как сообщил бывший секретный сотрудник органов НКВД Ильтонов, ему в то время рассказывал Поповицкий, что Малия, с которым Поповицкий дружил, постигло несчастье: по сопровождении им охранника Кирова автомашина налетела на столб, и охранник разбился насмерть. В связи с таким сообщением Ильтонова следует отметить, что в процессе следствия и на суде в 1937 году, а также на допросе при проверке этого дела в 1956 году Поповицкий об обстоятельствах гибели Борисова никаких показаний не давал, нет данных об этом и в его объяснении от 20 января 1961 года, адресованном в КПК при ЦК КПСС.

В указанный выше период времени от некоторых лиц были получены и такие объяснения, содержание которых расходится с фактическими, не вызывающими сомнения, обстоятельствами гибели Борисова.

Страздынь, бывший дежурный помощник коменданта Смольного, в своем объяснении указал, что Борисов 2 декабря 1934 года до 6 часов вечера находился в Смольном в комнате дежурного, откуда был направлен в Оперод УНКВД. Через некоторое время его потребовали на допрос к Сталину, а затем дежурный помощник коменданта Казаков сообщил, что машина, на которой везли Борисова, потерпела аварию, и тот в тяжелом состоянии доставлен в санчасть УНКВД. Между тем, известно, что правительственная

комиссия во главе со Сталиным прибыла в Ленинград утром 2 декабря 1934 года и вскоре после ее прибытия было дано указание о доставке Борисова в Смольный. Ночь с 1 на 2 декабря 1934 года Борисов находился в здании УНКВД в помещении Оперода, откуда и был взят для доставки в Смольный.

Бывший председатель Военного Трибунала пограничной и внутренней охраны Ленинградского округа Марчук в своем объяснении от 20 января 1961 года утверждал, что он в 1937 году председательствовал в судебном заседании по делу начальника Оперода УНКВД по Ленинградской области Гудина и сотрудников Оперода Гусева, Виноградова и Малия, обвинявшихся в убийстве Борисова. Марчук описал сохранившиеся у него в памяти обстоятельства этого дела, которые совпадают с излагавшейся ранее версией 1937 года об убийстве Борисова сопровождавшими его сотрудниками УНКВД.

В то же время, проверка показала, что названные Марчуком бывшие сотрудники Оперода УНКВД по Ленинградской области проходили не по одному делу, а на каждого из них были заведены отдельные уголовные дела. Из всех этих дел в Военном Трибунале пограничной и внутренней охраны Ленинградского округа под председательством Марчука рассмотрено только одно дело по обвинению Гусева. Губин же (а не Гудин) был расстрелян во внесудебном порядке 14 августа 1937 года, а Малий и Виноградов осуждены к расстрелу Военной коллегией Верховного Суда СССР 1 и 2 сентября 1937 года, то-есть за 3-3 1/2 месяца до рассмотрения дела Гусева в суде.

Как на предварительном следствии, так и в суде Гусев категорически отрицал какую-либо свою причастность к заговорщической организации и к убийству Борисова. Однако к уголовному делу на Гусева были приобщены копии протоколов допроса Малия и

Максимова, в которых говорилось, что убийство Борисова осуществлено по указанию руководства Оперода УНКВД. Кроме того по делу на следствии и в суде допрашивался шофер Кузин, показывавший, что по дороге в Смольный Малий вырвал у него руль, направил автомашину на панель и в это время он услышал в кузове сильный стук, а когда остановил машину и заглянул в кузов, то увидел там мертвого Борисова.

В материалах проверки 1960-1961 годов имеется сообщение УКГБ по Ленинградской области о беседе негласного сотрудника органов КГБ с женой Борисова, состоявшейся 19 декабря 1960 года, письмо в ЦК КПСС от 18 января 1961 года, подписанной женой и дочерью Борисова и два экземпляра стенографической записи беседы с женой Борисова - Борисовой В.А. и его дочерью - Кучер А.М., проведенной в Ленинградском обкоме КПСС 18 января 1961 года. В этих документах говорится, что Борисов ушел на работу утром 1 декабря 1934 года и больше домой не возвращался. В этот день он разговаривал по телефону с женой и дочерью, был очень взволнован, но объяснить причины такого состояния отказался, заявив, что "потом все узнаете". Это был их последний разговор с Борисовым. До середины декабря о судьбе Борисова им ничего известно не было и на их звонки из УНКВД отвечали, что он в командировке или занят и не может подойти к телефону. Только 17 декабря, когда дочь Борисова вторично принял бывший начальник Оперода Алехин, он сообщил ей, что Борисов погиб при аварии. Как рассказал Алехин, Борисова вызвали на беседу Сталин и Ягода в Смольный. "Все машины были в разборе", поэтому троим сопровождавшим Борисова сотрудникам "дали полуторку грузовую с испорченными тормозами". Когда они ехали по улице Воинова, с боковой

улицы "выскочила пятитонная машина и налетела на эту полуторку, а так как тормоза были испорчены, шофер не смог машину остановить и поскольку Ваш отец, - говорил Алехин, сидел на борту, то при толчке он выпал из машины и у него оборвались связки легких... Отца взяли в НКВД в приемный покой и там он через 3 часа, не приходя в сознание, умер."

19 декабря 1934 года, по сообщению жены и дочери, состоялись похороны Борисова. Они были организованы секретарем Оперода Максимовым, с которым было еще три сотрудника НКВД. Захоронили тело Борисова на Смоленском кладбище, покойного взяли из морга Военно-медицинской академии. Кроме жены, дочери и упомянутых сотрудников НКВД на похоронах Борисова было разрешено присутствовать двум его сестрам. Гроб с телом Борисова на кладбище сфотографировали. После похорон на квартиру к Борисовым приехали трое из присутствовавших на кладбище сотрудников НКВД. Во время поминок один из них по фамилии Козлов сказал, что Борисов выпал на ходу из машины при аварии

Жене и дочери, по их словам, запретили рассказывать кому-либо о ставших им известными обстоятельствах гибели Борисова.

Во время похорон дочь заметила темное пятно на правом или левом виске Борисова и необычно плоскую форму головы, а жена отметила темную поперечную полосу на лбу Борисова.

Жена Борисова с июня 1935 до октября 1950 года, то-есть до своего ухода на пенсию, получала пенсию за покойного мужа. (Материалы проверки 1960г., том 6, л.д. 61, 84, 88, 97, 137, 143, 281; том 10, л.д. 87, 97, 109, 120, 144, 154).

В декабре 1960 года для "проведения криминалистического и автотехнического исследования" были привлечены заведующий

Центральной криминалистической лабораторией Всесоюзного института юридических наук Министерства юстиции РСФСР доцент Зотов Б.Л. и старший инженер той же лаборатории Боград Г.Я.

На разрешение этих лиц поставили следующие вопросы:

1. Установить, явились ли причиной автопроисшествия технические неисправности автомобиля "ГАЗ-АА" № 2-42-15, отмеченные в актах комиссии от 2 декабря 1934г. и акте № 10652 от 2 декабря 1934 года.

2. Обоснованы ли с технической точки зрения заключения, изложенные в актах от 2 декабря 1934 г. (арх. № 213635, листы 1-8).

3. Объяснить механизм образования следов на стене дома, на автомобиле "ГАЗ-АА" № 2-42-15 и одежде потерпевшего Борисова М.В."

30 декабря 1960 года Зотов и Боград составили документ под названием: "Акт исследования материалов дела, связанных с гибелью комиссара Борисова М.В. 2-го декабря 1934 года во время автопроисшествия с грузовым автомобилем "ГАЗ-АА" № 2-42-15, имевшего место в гор. Ленинграде на ул. Воинова".

В первой части акта подробно перечисляются документы из материалов расследования причин аварии и гибели Борисова. 1934 года, с которыми ознакомили авторов акта перед дачей ими заключения на поставленные вопросы. Отмечается, что кроме материалов расследования 1934 года в их распоряжение были предоставлены архивно-уголовные дела на осужденных в 1937 году сотрудников Оперода УНКВД по Ленинградской области Малия, Виноградова, Максимова и Гусева. Далее говорится, что авторы акта беседовали с бывшими работниками гаража УНКВД Ленинградской области, выезжали на место, где в 1934 году произошла авария автомашины, и произвели эксперимент с автомашиной.

Во второй части акта дается описание обстановки места происшествия и анализ технического состояния автомобиля, потерпевшего аварию, описывается механизм образования следов на стенке здания, автомашине и одежде пострадавшего Борисова, восстанавливаются некоторые габаритные размеры автомобиля и приводятся данные о сопоставлении их с расположением следов на стенке дома, водосточной трубе и одежде Борисова, дается анализ бесед с работниками гаража и результаты эксперимента с автомашиной.

Заключительная часть акта состоит из трех пунктов следующего содержания:

1. Зафиксированные в декабре 1934г. в актах технической комиссии и работников ОРУД технические дефекты передней рессоры "ни при каких условиях не могли послужить причиной самопроизвольного и резкого изменения направления движения автомобиля" поскольку система рулевого управления - самостоятельная, с передней рессорой не связана и потому неисправности в рессоре не могли лишить автомобиль управляемости.

2. Имеющиеся в тех же актах заключения о причинах аварии автомашины "противоречат общеизвестным техническим данным", так как без воздействия на рулевое управление автомобиль "самопроизвольно, резко изменить направление движения вправо не мог".

3. Следы на автомобиле, одежде Борисова и стене дома образовались "в результате касательного соприкосновения автомобиля со стеной дома". Борисов в этот момент находился "в положении сидя или близко к этому". Размещение следов автомобиля на стене, отсутствие повреждений на правом борту кузова, "плавный, равномерный и управляемый характер движения автомобиля ГАЗ-АА № 2-4215 к стене, вдоль стены и от стены при скорости движения в этот момент 12-15 км в час

(или даже большей скорости, порядка 18-20 км в час, поскольку из-за отсутствия точных исходных данных скорость определена ориентировочно)..... в своей совокупности могут служить достаточным основанием для вывода о том, что указанный маневр не представлял непосредственной опасности для лиц, находившихся в кабине автомобиля и лиц, находившихся в кузове автомобиля, если они сидели на скамейке данного автомобиля)".
(Материалы проверки 1960г., том 8, л.д. 150-177).

При ознакомлении с актом исследования обращает на себя внимание следующее.

I. По фотоснимкам (шесть штук) места происшествия, приобретенным к материалам расследования 1934 года, на которых отсутствует указание о масштабе, категорически утверждается, что во время аварии автомашина около 4-х раз "плавно, без резких углов" изменяла направление движения и правый поворот в сторону стенки здания совершила в момент нахождения ее не более чем в двух местах от поребрика тротуара, схематически изображается путь движения автомашины при аварии и определяется пройденное ею расстояние на каждом из поворотов.

Прежде всего, необходимо отметить, что при отсутствии на фотоснимках масштаба глубины изображения восстановление по ним действительных расстояний и размеров предметов, находящихся на разном удалении от объектива фотоаппарата, является делом сложным и требующим специальных познаний и исследований.

Далее, в материалах расследования 1934 гда по этим вопросам имеются данные, которые противоречат этим выводам. Так, в акте, составленном сотрудниками ОРУД, говорится, что после пересечения Потемкинской улицы автомашина шла не около тротуара

а "вплотную у наружной рельсы трампуей", при ширине проезжей части улицы Воинова 5,5 метра. Когда шофер Кузин, проехав так некоторое расстояние, повернул руль вправо, чтобы выехать на середину проезжей части улицы, "автомобиль резко бросило вправо к панели и он въехал на панель под углом 35° в расстоянии 30 мтр от угла перекрестка". Допрошенный в 1934г. очевидец автопроисшествия постовой милиционер Крутиков показал, что перед аварией машина вначале "свернула налево, затем тут же машина резко повернула вправо и машина вылетела на тротуар". Сидевший в кабине грузовика рядом с шофером оперработник Малий на допросах 2,7 и 14 декабря 1934 года утверждал, что перед аварией "машину повернуло влево, выйдя на другую сторону рельс, затем машина резко повернула направо, вылетела на тротуар и правым бортом ударилась о стену". Оперработник Виноградов, находившийся во время аварии в кузове автомашины вместе с Борисовым, будучи допрошенным 2 и 10 декабря 1934г. также показал, что после переезда Потемкинской улицы автомашину сильно накренило влево, затем резко бросило вправо и она врезалась в стену дома правым бортом. Шофер Кузин на допросах в декабре 1934 года хотя и не упоминал о повороте машины влево до того, как она резко свернула направо по направлению к стене дома, но фактически не отрицал, что перед аварией он поворачивал руль влево. Так, при опросе его членами технической комиссии 2 декабря 1934 года на вопрос: "При переезде трамрельсов Вы сначала вляли влево, а потом вправо. Сразу ли после поворота вправо машину дернуло дальше в ту же сторону?" Кузин ответил: "Сразу", не отрицая, таким образом, правильности подобной формулировки заданного ему вопроса.

2. В разделе акта, где говорится о техническом состоянии машины и перечисляются теоретически возможные случаи произвольного резкого забрасывания автомобиля вправо, указывается, что с технической точки зрения смещение листов рессоры по отношению к оси центрального болта не может иметь места в связи с тем, что при заводской сборке первые шесть листов рессоры "скрепляются специальными хомутками в один пакет, ограничивающий расхождение отдельных листов" и такое крепление "обеспечивает нормальную работу рессоры без сдвигов листов в какую бы то ни было сторону". На основании этого делаются безоговорочные выводы о том, что "технические неисправности автомобиля "ГАЗ-АА" № 2-42-15, отмеченные в актах от 2 декабря 1934 г. технической комиссией и работниками ОРУД не могли послужить причиной самопроизвольного и резкого изменения движения автомобиля" и что эти положения актов.... противоречат общеизвестным техническим данным".

В подтверждение этих выводов в акте делается также ссылка на проведенный эксперимент - испытание автомашины с воспроизведенными по данным 1934 года неисправностями, во время "отклонений автомобиля от заданных направлений не наблюдалось" и "неисправности рессоры никакого влияния на систему управления автомобилем "ГАЗ-АА" не имели".

По свидетельству бывших работников гаража, автомашина "ГАЗ-АА", потерпевшая аварию в 1934 году, была выпущена Горьковским автозаводом в 1931 или 1932 г., тогда как эксперимент производился на автомашине выпуска 1947 года. В акте нет оговорки о том, претерпела ли к 1947 году какие-либо изменения конструкция автомашины в целом и отдельные ее узлы, в част-

ности, ^{те,} на неисправность которых указывалось в актах 1934г., если были такие изменения, то не могли ли они повлиять на результаты испытаний машины в 1960 году.

В акте исследования указывается, что "по материалам дела и из бесед с шоферами гаража Управления НКВД, работавшими в период 1934г., установлено, что существовавший порядок обслуживания автомобилей, а также наличие высококвалифицированных кадров, достаточный резерв различных запасных частей в гараже, а также наличие резервных автомобилей исключали возможность выхода в эксплуатацию автомобиля, имеющего техническую неисправность" и на этом основании делается вывод, что автомашина до аварии была исправна. Между тем, в 1934 году шофера Кузин и Чоповский дали показания о том, что при выезде из гаража 2 декабря 1934 года передняя рессора была неисправной. Об этом же Чоповский и, с его слов, шофер Конарев заявили во время беседы с авторами акта исследования 21 декабря 1960 года. В актах технической комиссии и сотрудников ОРУД от 2 декабря 1934 года также указывается на доаварийную неисправность передней рессоры, то-есть, отсутствие в ней нескольких листов и центрального болта. В декабре 1960г. бывшие работники гаража сообщали и о том, что технический осмотр автомашин в гараже проводился не ежедневно, а только 2-3 раза в месяц, остальное время за техническим состоянием машин следили сами шофера. Они же и устраняли замеченные неисправности. О техническом состоянии машины, обнаруженных и неустраненных неисправностях шофера сообщали друг другу по окончании смены, оставляя об этом записки.

4. В акте исследования не дается никакого объяснения

отмечавшимся в 1934 году в документах технической комиссии и сотрудников ОРУД ненормальностям в рулевом управлении - тяжелый разворот руля влево и облегченный против нормального разворот вправо, вследствие чего в пути следования с места аварии в гараж машину дважды забрасывало на панель. Об этом же сотрудники ОРУД Оскотский и Малькевич дали показания в 1937г. по делу Гусева. Нет объяснения в акте и тому, возможно ли было смещение передней оси влево не в связи с неисправностью рессоры, а по другим причинам. В актах осмотра автомашины в 1934 году отмечается, что смещение передней оси влево было видно даже "на глаз", что именно смещение передней оси вызвало нарушение системы рулевого управления, поворот под более острым углом с одновременным вырыванием руля у водителя. В этой связи представляют также интерес показания работника ОРУД Оскотского в судебном заседании по делу Гусева о том, что "отсутствие листов в рессоре могло играть роль в смысле выворачивания машины вправо и влево, но несмотря на это на ней можно было проехать без аварии еще сотни километров".

5. Авторы акта исследования считают, что предаварийная скорость автомобиля была 45 км в час, но к моменту соприкосновения с выступом стены она снизилась до 12-15 или даже до 18-20 км в час. Снижение скорости произошло за счет частичного погашения ее во время преодоления всем автомобилем поребрика тротуара и в результате имевшего место после наезда на тротуар притормаживания автомашины. Из этого делается вывод о плавном, равномерном и управляемом характере движения автомобиля и безопасности совершенного автомобилем во время аварии маневра для находившихся на нем пассажиров.

Как установлено, что автомобиль перед его наездом на тротуар шел со скоростью 45 км в час, при помощи каких расчетов определено, что к моменту соприкосновения со стеной (согласно схемы автомобиль за это время прошел 9,5 м под углом 35° к стене) скорость автомашины снизилась и была порядка 12-15 или 18-20 км в час, учитывалось ли при этом состояние Борисова (погрязен случившимся, ночь не спал, плакал, ехал в полусонном состоянии) особая важность полученного задания - из акта исследования не видно.

По вопросам о скорости автомобиля перед аварией и принятым шагам шофером Кузиным в это время мер по остановке управляемого им автомобиля в материалах расследования 1934 года имеются разноречивые данные.

Так, в акте сотрудников ОРУД отмечено, что "в отношении скорости дать заключение без выяснения данного обстоятельства свидетельскими показаниями не представляется возможным, т.к. на месте аварии установить тормозное расстояние не удалось ввиду отсутствия ясного следа торможения до и после аварии".

В акте технической комиссии записано, что по "докладу тов. Малькевича, со слов постового милиционера т. Крутикова, после переезда машиной регулируемого перекрестка улицы Воинова и Потемкинской, правила уличного движения были нарушены тем, что машина развила скорость около 40 км в час, вместо предельной 35 км в час. По следам шин, признаков резкого торможения не обнаружено".

На допросах в декабре 1934 года милиционер Крутиков показал, что "машина шла с нормальной скоростью". Виноградов

заявил, что "отъехав от управления НКВД шофер развил скорость в 50-60 километров в час". Малий пояснил, что "постепенно машина ускорила движение, но, насколько мне кажется, больше 40 клм не развивала..... Потому, что машина и после удара продолжала двигаться, я полагаю, что несмотря на то, что машина потеряла рулевое управление, шофер все-же не дал своевременно тормоза". Кузин на первом допросе 2 декабря 1934 года показал, что при пересечении трамвайной линии "скорость была 10-15 км, а до этого 20-25 клм". На вопросы, пытался ли он при резком повороте вправо остановить машину и почему не остановил в момент аварии - ответил: "Пытался притормозить, пока не выехал на тротуар, но, главным образом, пытался вывернуть машину влево... Я машину не остановил пока мне не приказали, собираясь стать когда съеду с панели. После удара включил 3-Ю СКОРОСТЬ И НА НЕЙ СЪЕХАЛ."

Бывший работник гаража Конарев В.А. во время беседы с авторами акта 21 декабря 1960 года, на вопрос: что говорили тогда о состоянии автомашины, потерпевшей аварию при доставке Борисова в Смольный, ответил: "Я уже не помню, от кого я это слышал, боюсь сказать, но помню, что говорили, когда машина выезжала с ул. Воинова на Потемкинскую, где раньше был поворот трамвая и рельсы возвышались над дорогой (показывает руками: вот если здесь идет рельса, то здесь было 2 ряда диабаза, а здесь кусочек асфальта и опять рельсы) и на этом месте всегда переезд был нехороший, всегда машину поддавало при переезде через эти рельсы. Когда Кузин вышел из тюрьмы, он рассказывал, что когда машину на этих рельсах

поддало, то Малий дернул за руль, и они въехали в дом. Он не то, чтобы мне рассказывал специально, но я слышал такие разговоры".

На последующие вопросы, слышал ли он об этом из уст Кузина, рассказывал ли Кузин ему лично или он присутствовал при его рассказах, Конарев ответил: "Нет, я боюсь сейчас так сказать... Это надо припомнить, боюсь сейчас сказать".

(Арх. след. дело № 213635, том 3, л.д. I-9, IO, II, I7, 2I, 23-25, 39-44, 69, 75, 79, 84, Материалы проверки I960г., том 8, л.д. 62-I77).

В декабре I960 года Главному судебно-медицинскому эксперту Министерства здравоохранения СССР профессору Прозоровскому В.И. и заведующему кафедрой судебной медицины 2-го Московского медицинского института профессору Смольянинову В.М. было поручено провести судебно-медицинское исследование и ответить на следующие вопросы:

I. Правильно ли были охарактеризованы повреждения на костях черепа при вскрытии трупа Борисова М.В. 4 декабря I934 года.

2. Какие повреждения вызвали наступление смерти Борисова М.В.

3. Каковы были условия образования повреждений у Борисова М.В. по экспертным данным.

4. На основании каких данных устанавливается принадлежность эксгумированных костей скелету покойного Борисова М.В.

В распоряжение профессоров Прозоровского и Смольянинова предоставили:

а) материалы расследования причин аварии автомашины и гибели Борисова I934 года;

б) архивно-уголовные дела на осужденных в 1937 году бывших сотрудников Оперода Управления НКВД по Ленинградской области Малия Д.З. и Виноградова Н.И.;

в) показания шоферов Кузина от 21 ноября 1960 года и Янелиса от 19 и 22 ноября 1960 года и бывшего начальника санотдела УНКВД по Ленинградской области Мамушина от 20 ноября 1960 года;

в) материалы и выводы автотехнического и криминалистического исследования, проведенного экспертами Зотовым и Боградом в период 17-30 декабря 1960 года.

Кроме того, Прозоровский и Смольянинов подвергли исследованию костные останки, извлеченные при эксгумации на месте погребения Борисова 22 декабря 1960 года.

После ознакомления с указанными выше материалами и исследований костных останков Борисова, изъятых при эксгумации, Прозоровский и Смольянинов составили документ под названием "Акт исследования судебно-медицинских данных в материалах дела, связанного с гибелью комиссара Борисова М.В. 2-го декабря 1934 года, и частей скелета, изъятых при эксгумации 22-го декабря 1960г. на Смоленском кладбище в г.Ленинграде".

В этом документе, отвечая на поставленные вопросы, они указали, что:

1. эксгумированные 22 декабря 1960 года костные останки принадлежат скелету покойного Борисова М.В.;

2) сопоставление записей в материалах расследования 1934 года о повреждении костей свода и основания черепа с результатами исследования эксгумированного черепа "дает

основание констатировать, что имеется совпадение в характеристике основных направлений и локализации названных повреждений" (некоторые расхождения объясняют неточностью записей в 1934г., нарушениями техники вскрытия, длительностью пребывания черепа в могиле и тяжестью надгробного слоя грунта).

3. Смерть Борисова наступила от ушиба, сотрясения мозга и значительного кровоизлияния между твердой и мягкой оболочками мозга, т.е. расхождений с заключением экспертов от 4-го декабря 1934 года не имеется.

4. Указанные повреждения Борисов получил во время "движения грузового автомобиля по тротуару у каменного здания садоводства", при этом "выступающие части правого борта плотно соприкасались со стеной", а Борисов находился "в сидячем или близко к этому положении". Направление силы удара было "сзади, справа-вперед, влево". Удар был нанесен "со значительной силой". Повреждения черепа "возникли от действия твердого предмета с большой плоской поверхностью", в частности "на голове сзади-справа, причинившим их твердым предметом с большой плоской поверхностью послужила каменная стена здания, у которой двигался грузовой автомобиль".

Ссадина в левой теменной области и три ссадины на левом бедре "не могли произойти одновременно с повреждениями на голове справа и, очевидно, возникли при иных условиях".

Ссадина на спине в области верхней трети левой лопатки "произошла одновременно с повреждением ткани пальто, в которое был одет Борисов М.В."

Эти выводы, как и заключение судебно-медицинской экспертизы 1934 г., страдают тем недостатком, что в них судебно-

ные медики вышли за пределы своей компетенции. Это относится, в частности, к пункту четвертому акта исследования, где говорится, что повреждения черепа Борисов получил во время "движения грузового автомобиля по тротуару у каменного здания садоводства" и что "причинившим их твердым предметом с большой плоской поверхностью послужила каменная стена здания, у которой двигался грузовой автомобиль".

В данном конкретном случае ответ на вопрос о том, где, при каких обстоятельствах и каким образом Борисов получил повреждения головы и другие должны были дать органы, проводившие расследование или проверку.

(Материалы проверки 1960г., том 7, л.д. I-77, том 9, л.д. 86-93, I27-I36).

30 января 1961 года за подписью тов.Шверника в ЦК КПСС на имя Хрущева была представлена записка о результатах проверки участия Молотова в массовых репрессиях 1937-38гг. и срыве им работы комиссии, созданной в 1956г. для изучения материалов судебных процессов по делам Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Тухачевского и других.

Один из разделов этой записки озаглавлен: "О гибели Борисова - комиссара охраны С.М.Кирова". В этом разделе говорится, что представленные в марте 1956г. бывшим секретарем Ленинградского обкома КПСС Козловым материалы опровергали сфабрикованную в 1934г. следствием под руководством Ежова версию о случайной гибели Борисова при автомобильной аварии и что бывший Председатель КГБ при СМ СССР Серов и Генеральный прокурор СССР Руденко, которым Молотов поручил проверку присланных Козловым материалов, "не проведя действи-

объяснений, поступившим к работникам КПК при ЦК КПСС после направления в ЦК КПСС упомянутой выше записки. В этих письмах и объяснениях, наряду с другими вопросами, авторы касались и обстоятельств гибели оперкомиссара Борисова.

Так, бывший сотрудник Оперода Ленинградского УНКВД Александров в письме на имя Председателя КПК от 23 ноября 1961г., отвечая на поставленные перед ним вопросы, сообщил, что через некоторое время после убийства Кирова начальник Оперода Губин приказал ему, оперкомиссару Борисову, и еще двум сотрудникам оперода, встречавшим Кирова у Смольного, ехать в Оперод и ждать его там для допроса. Они пробыли в Опероде до утра 2-го декабря 1934г., но их никто не вызывал и не допрашивал. Борисов находился с ними всю ночь. Утром в кабинет, где они ночевали, прибежал Малий и сказал Борисову, чтобы тот быстрее одевался для поездки на допрос к Сталину. На просьбу Борисова разрешить ему умыться, Малий ответил: "Никаких умываний, давай быстрее". Через 30 минут труп Борисова принесли в санчасть. Им тогда объяснили, что Борисов убит во время аварии автомашины.

Бывший сотрудник Оперода Малыгин сообщил, что по разговорам среди сотрудников, Борисова убил Малий в грузовой автомашине по дороге от УНКВД к Смольному.

Шнейдер, бывший сотрудник центрального аппарата НКВД СССР, по просьбе работников КПК при ЦК КПСС сообщил 7 июля 1961г., что Кичигин, с которым он хорошо знаком по совместной работе в органах госбезопасности и который в 1937г. имел отношение к расследованию дела на Медведя - бывшего начальника Ленинградского УНКВД, рассказывал ему, со слов Медведя, что после одного из

допросов Борисов покончил жизнь самоубийством, повесившись в камере на спинке кровати, а "история с катастрофой и гибелью Борисова во время нее-хорошо проведенная комбинация. Показания Борисова были уничтожены и он унес свою тайну в могилу".

Примечание: Кичигин М.А., в 1937г. оперуполномоченный 3 отдела ГУГБ НКВД СССР, по делу Медведа вынес "постановление на арест и предъявление обвинения", участвовал в допросах Медведа в ноябре 1937г., составил обвинительное заключение по делу. В показаниях Медведа о гибели Борисова ничего не говорится. В 1938г. Кичигин был арестован и по решению Особого совещания заключен в ИТЛ на 8 лет. На следствии показал, что Медведь очень неохотно давал показания и только относительно ПОВ. Кичигин в 1959 году умер.

Врач Мамушин 31 октября 1961г., т.е. через несколько дней после опубликования в печати заключительного слова Хрущева на XXII съезде КПСС, послал в Москву своему знакомому Котляр С.О. письмо, в котором сообщал, что в 1934г. привлекался к вскрытию трупа Борисова, но им тогда не были созданы условия для свободного суждения и он до последнего времени продолжал сомневаться в правильности принятого ими тогда решения. Только сейчас, после вызова его в Комиссию КП ЦК, где им были представлены два оставшихся в живых свидетеля - шофера, для него стало ясно, что в машину Борисова поместили резко травмированным и оглушенным, а потом в машине его сильно ударили булыжником по голове.

Это письмо 5 ноября того же года Котляр с своим объяснением направил на имя Председателя Комитета Партийного Контроля при ЦК КПСС.

(Материалы проверки 1960г., том 18, л.д. 9, 17 и 26; том 20, л.д. 202-220).

В материалах проверки 1961г. вопрос об обстоятельствах гибели оперкомиссара Борисова нашел отражение в объяснениях Рубинштейна, Тимофеевой и Ионина.

Рубинштейн в своем объяснении на имя Председателя КПК сообщил, что в связи с убийством Кирова он в числе большой группы сотрудников Центрального аппарата НКВД СССР выезжал в гор. Ленинград, где использовался на выполнении отдельных поручений по делу об убийстве Кирова. Когда стало известно о гибели Борисова, то было много разговоров по этому случаю. Все были удивлены, что для доставки Борисова не нашлось легковой автомашины, а когда Борисова повезли на грузовой автомашине, "то он попал в аварию и, сидя справа от шофера, был убит, т.е. встречный транспорт оказался с неправильной стороны".

Тимофеева в объяснении в КПК от 5 марта 1961 года указала, что во время следствия по делу об убийстве Кирова использовалась в качестве стенографистки. Записывала показания террориста Николаева и других лиц, в том числе и обвинявшихся в связи с гибелью Борисова. На допросе шофера и сотрудника НКВД, которым было поручено доставить Борисова, выяснилось, что Борисова везли "на грузовой автомашине, стоя, и на рельсах было что-то вроде трамвайной стрелки, машина покачнулась и Борисов ударился головой о трамвайный столб и тут же был убит, а сотрудник, который с ним ехал в грузовике, остался невредим". Ей тогда этот случай показался подозрительным и она "думала, что организовали убийство Борисова сами сотрудники НКВД Ленинграда, боясь, чтобы Борисов не мог рассказать о плохой работе охраны С.М.Кирова".

Ионин М.Б. сообщил, что в 1934г., когда был убит Киров, он работал в авторемонтных мастерских Ленинградского УНКВД. 2-го декабря 1934г. он по просьбе начальника гаража Гирина и вместе с ним выезжал на место аварии грузовой автомашины на улицу Воинова. От Гирина ему стало известно, что на этой автомашине в открытом

кузове везли Борисова, охранника Кирова, и он "разбился насмерть, ударившись об стену здания головой".

Как он помнит, автомашина стояла на проезжей части улицы вплотную к панели со спущенным правым передним колесом и около нее никого не было. По просьбе Гирина, автомашина им была "тщательно осмотрена и никаких причин, могущих как-нибудь оправдать произошедшее, обнаружено не было".

На этой автомашине работали два шофера - Кузин и Чоповский. Машина обслуживала какой-то спецотдел. Как выяснилось, Чоповский работал до самого утра, не заезжая в гараж, и машину своему сменщику Кузину передал во дворе НКВД и он сразу же поступил в распоряжение коменданта и ему потом предложили отвезти Борисова в Смольный.

Кто доставил автомашину с места аварии в гараж он не помнит, но ему помнится, что он "ее пробовал и что машина была в порядке, тем более что за 2-3 недели до этого эта машина с каким-то ремонтом стояла в мастерских". В гараже автомашину поставили на втором этаже около мойки, где она стояла 5-10 дней и для ее осмотра несколько раз приходили разные эксперты и производили различные измерения.

В тот же день, т.е. 2 декабря 1934г., он и Гирин ездили в УНКВД к сотруднику, который вел следствие по делу о гибели Борисова. Поскольку он, как специалист, привлекался к выяснению причин аварии, он попросил разрешения переговорить с шофером Кузиным, но ему было отказано и заявлено, что "Кузин после аварии психически болен". Заключение следователю давал устно и один или два раза письменно, но по смыслу все они сводились к тому, что "техническое состоя-

ние машины не давало право оправдания аварии". Далее, Ионин в своем объяснении написал:

"Я не имел тогда и все последующие 27 лет не имею никаких сомнений, что это все было инспирировано. Теперь у меня возникли новые сомнения, а был ли Борисов вообще в этой машине...".

20 марта 1961г. в санатории "Сосновый бор" с Иониным беседовали сотрудники аппарата ЦК КПСС т.т. Кузнецов А.И. и Никитин К.И. Беседа велась в присутствии экспертов Центральной криминалистической лаборатории Зотова и Богграда.

В этой беседе Ионин сообщил, что в день убийства Кирова примерно в 5 часов вечера, проходя около санчасти УНКВД, он увидел, как оттуда на носилках вынесли труп мужчины с крупными чертами лица и большой лысиной. По его мнению, между этим фактом и тем, что произошло на следующий день имеется какая-то связь.

2 декабря 1934 года к нему прибежал зав.гаражом Гирин, сказал, что произошла авария автомашины и предложил ехать с ним в Смольный. Проезжая по улице Воинова, видели стоявшую у тротуара автомашину, но не обратили на нее внимания. В Смольном милиционер Сахаров объяснил им, что аварию потерпела автомашина ГАЗ-АА, водителем которой являлся Кузин. Когда они подъехали к автомашине на ул. Воинова, около нее никого не было. Осмотр машины (он лазил под нее для проверки ходовой части) показал, что она была исправна. Однако после, уже в гараже, как ему помнится, говорили, что в машине был сломан центровой болт передней рессоры. Тогда же шофер Чоповский, сменщик Кузина, говорил ему, что на их автомашине ослаб хомутник, скрепляющий пакет рессорных листов передней рессоры.

Когда он осматривал автомобиль на месте происшествия, то видел, что правый передний баллон спущен, но покрышка не повреждена. В связи с этим он попросил следователя Азарха (видимо Агаса - прим. наше) пригласить для исследования резины представителя с резинового комбината "Красный треугольник", и в письменном виде поставил вопросы перед экспертами. Как он помнит, среди экспертов был Шилкин, зам. начальника Ленинградского ГАИ. Членом комиссии был Петипалов.

Следователь Азарх требовал от него дать заключение, что авария произошла по причине неисправности автомашины, но он заявил ему, что такого заключения дать не может, пока не установлена причина спуска переднего баллона и не предоставлена возможность поговорить с шофером Кузиным. На это следователь Азарх ответил, что Кузин сошел с ума, отобрал у него пропуск и он четыре дня не выходил из здания УНКВД.

Еще тогда у него появилось сомнение, как автомашина могла преодолеть такой высокий поребрик тротуара и "как будто бы проводил эксперимент на данной автомашине, после замены правого переднего колеса. При этом он высказал сомнение в том, что под небольшим углом сходу автомашина смогла бы забраться на такой высокий поребрик. Необходимо иметь больший угол, порядка 90° или скорость 60 км в час".

В течение недели потерпевшая аварию автомашина стояла в гараже, куда приходили эксперты и производили различные замеры. Он лично к участию^в экспертной комиссии не привлекался и никаких документов, составленных экспертами, не видел.

Далее, Ионин рассказал сколько времени он работал в гараже УНКВД и на каких должностях, о существовавших в гараже

порядках ремонта и сдачи автомашин в эксплуатацию. В конце беседы он заявил:

"... прошло 27 лет, однако в моей памяти имеется твердый фундамент о том, что события, связанные с гибелью комиссара Борисова, не явились причиной автомобильной катастрофы. Я глубоко убежден, что все это инсценировано". Он высказал также сомнение в том, что Борисов погиб в результате удара головой о стену дома".

(Материалы проверки 1961 года, том I, л.д. 78-79, 145-146, 215-226).

Как известно, вопрос о гибели Борисова был затронут Хрущевым в заключительном слове по отчетному докладу Центрального Комитета КПСС на XXII съезде КПСС 27 октября 1961г. Хрущев тогда сказал:

"Весьма странным является и такой факт. Когда начальника охраны Кирова везли на допрос, а его должны были допрашивать Сталин, Молотов и Ворошилов, то по дороге, как рассказал потом шофер этой машины, была умышленно сделана авария теми, кто должен был доставить начальника охраны на допрос. Они объявили, что начальник охраны погиб в результате аварии, хотя на самом деле он оказался убитым сопровождавшими его лицами.

Таким путем был убит человек, который охранял Кирова. Затем расстреляли тех, кто его убил. Это, видимо, не случайность, это продуманное преступление. Кто это мог сделать? Сейчас ведется тщательное изучение обстоятельств этого сложного дела.

Оказалось, что жив шофер, который вел машину, доставлявшую начальника охраны С.М. Кирова на допрос. Он рассказал, что когда ехали на допрос, рядом с ним в кабине сидел работник НКВД. Машина была грузовая (конечно, очень странно, почему именно на грузовой машине везли этого человека на допрос, как будто в данном случае не нашлось другой машины для этого. Видимо, все было предусмотрено заранее, в деталях). Два других работника НКВД были в кузове машины вместе с начальником охраны Кирова.

Шофер рассказал далее. Когда они ехали по улице, сидевший рядом с ним человек вдруг вырвал у него руль и направил машину прямо на дом. Шофер выхватил руль из его рук и выправил машину, и она лишь бортом ударилась о стену здания. Потом ему сказали, что во время этой аварии погиб начальник охраны Кирова.

Почему он погиб, а никто из сопровождавших его лиц не пострадал? Почему позднее оба эти работника НКВД, сопровождавшие начальника охраны Кирова, сами оказались расстрелянными? Значит кому-то надо было сделать так, чтоб

они были уничтожены, чтобы замести всякие следы".
(Брошюра Государственного издательства политической литературы. Москва, 1961г., стр. 29-30).

После XXII съезда в КПК при ЦК КПСС по вопросам, связанным с убийством Кирова, поступило большое число писем и заявлений. В ряде ^{из} них, относящихся главным образом к 1963-64гг. содержались и сведения по обстоятельствам аварии автомашины и гибели оперкомиссара Борисова, причем, самого различного характера. Часть заявителей сообщала их со слов других лиц или просто по слухам, другие высказывали свои предположения, а некоторые называли себя очевидцами убийства Борисова или слышавшими об этом лично от тех, кто непосредственно его убивал.

Так, упоминавшийся ранее шофер гаража УНКВД по Ленинградской области Янелис 20 сентября 1963г. направил в КПК при ЦК КПСС письмо, в котором сообщил, что 2 декабря 1934 года сотрудник Смольного (фамилию не называет) подошел к нему вместе с Малием и приказал ехать с Малием во внутреннюю тюрьму УНКВД за Борисовым. Когда они приехали в тюрьму, то во дворе увидели Борисова, стоявшего в окружении сотрудников НКВД. Эти сотрудники быстро посадили Борисова к нему в машину. Однако Малий в это время переговаривал о чем-то с Виноградовым, выругался и предложил пересадить Борисова в стоявшую здесь же во дворе тюрьмы грузовую автомашину, которая, как писал Янелис, "не принадлежала Управлению НКВД", а ему приказал возвращаться в Смольный. Перед тем, как возвратиться туда, он проехал по улицам в поисках папирос, но не нашел и поехал по направлению к Смольному. Когда выехал на ул. Воинова, то

увидел впереди грузовую автомашину, следовавшую в том же направлении. В кузове на сидении сидел Борисов, а рядом с ним стоял Виноградов, причем автомашина была не та, на которую пересадили Борисова из его машины, а уже другая, из гаража УНКВД и за рулем сидел их водитель Кузин. Он поехал следом за этой машинкой. Когда грузовая автомашина с Борисовым пересекла Потемкинскую улицу, он посмотрел на нее и "увидел, как рука Виноградова опустилась на голову Борисова, который в то же время свалился во внутрь кузова. В это время их машина выскочила на тротуар и открывшейся правой дверцей ударилась то ли о дом, то ли о водосточную трубу, и послышался звон разбитого стекла. В тот же момент Виноградов, выскочив из кузова машины, побежал наискосок на противоположную сторону улицы".

Как писал Янелис, он на мгновение оторопел, затем развернул машину и поехал в УНКВД не зная еще, что и кому "он" будет говорить, "но хотел кому-то срочно сказать о случившемся". Оставив машину у подъезда он, "волнуясь, вбежал на 4-й этаж", где его остановил какой-то сотрудник (кто и почему остановил не помнит, видимо, из-за его возбужденного вида). Этому сотруднику рассказал о случившемся и тот его "как-то не то поспешно, не то грубо схватил... за плечо и отвел в угол коридора, где как-то властно и коротко сказал примерно так: "Ты ничего не знаешь и ничего не видел, молчи и все", - и быстро ушел. Он же побежал в столовую, где "залпом выпил бутылку лимонада, а заодно и взял несколько пачек папирос".

Когда вышел из столовой и спускался по лестнице на выход, то между I и 2 этажами увидел, как пронесли Борисова с разбитой головой. После этого возвратился в Смольный и долгое время

обслуживал Ульриха, Акулова, Вышинского, Шейнина и др.

Объясняя причины, почему он не написал раньше, что видел как произошла авария автомашины, на которой везли Борисова в Смольный, Янелис сослался на то, что "в результате перенесенных волнений (шока) за длительный период культа личности... не в состоянии был оценить как следует значимость... изложенных обстоятельств", очевидцем которых он оказался и по поводу которых в свое время ему "чинили несправедливые всякого рода притязания" и которые он "до сих пор ощущает".

Эти объяснения Янелиса выглядят по меньшей мере несерьезно. Первое сообщение по обстоятельствам гибели Борисова было сделано Янелисом в 1956г. в личной беседе с бывшим секретарем Ленинградского обкома партии Козловым. Как заявил Янелис в беседе с членами технической комиссии в декабре 1960 года, Козлов тогда же упрекнул его за то, что он не сообщил об этом раньше. Следовательно, уже тогда, в 1956г. Янелис давал объяснение в такой обстановке, которая не только не стесняла его, а, наоборот, располагала к откровенному разговору. Позднее в 1960г. он неоднократно вызывался на беседы, встречался с Кузиным, доктором Мамушиным, членами технической комиссии и все это также проходило, как можно заключить из его объяснений, в непринужденной обстановке.

Далее в материалах расследования причин аварии 1934г., архивно-следственных делах 1937г. по обвинению Малия, Виноградова и др., в материалах проверки 1956 и 1960гг. нет никаких данных, указывающих на то, что Борисов после убийства Кирова был арестован и содержался в ДПЗ-тюрьме. Наоборот, из этих материалов видно, что Борисов не арестовывался и взят был Малием и Виноградовым для препровождения в Смольный из Оперода УНКВД Ленобласти.

В частности, шофер Кузин по этому вопросу данные им в 1934г. показания подтверждает и сейчас. Бывший сотрудник охраны Кирова в Смольном Александров в 1961г. сообщил в КПК при ЦК КПСС, что после убийства Кирова ему, Борисову, и еще двум сотрудникам Оперода было приказано начальником Оперода Губиным идти в Оперод и ждать там его для допроса о случившемся. Они пробыли там, в Опероде, до утра, но их никто не вызвал, а утром к ним пришел Малий и увел Борисова для поездки в Смольный к Сталину.

В своем письме Янелис не называет фамилии сотрудника комендатуры Смольного, который послал его вместе с Малием в ДПЗ УНКВД Ленобласти за Борисовым. Однако в предыдущих своих объяснениях он вначале писал, что этим сотрудником был "как будто Казаков", а потом написал уже более определенно - "один из них по фамилии Казаков", "бежит Казаков".

Опрошенный 1-го ноября 1963г. бывший сотрудник Комендатуры Смольного Казаков объяснения Янелиса в этой части не подтвердил.

"Шофера по фамилии Янелис - указал в своем объяснении Казаков - я не помню. 2-го декабря в Смольном я ни кому из шоферов приказаний о доставке Борисова в Смольный не давал. Встречал ли в этот день сотрудника Малия в Смольном не помню. Ознакомившись с объяснением Янелиса о том, что я ему давал приказание о доставке Борисова, считаю, что он сообщает неправду..".

Янелис с 1930г. по май 1938г. работал шофером в Ленинградском ОГПУ-НКВД и уволен за невозможностью дальнейшего использования.

Как видно из его объяснений, репрессиям не подвергался. В настоящее время проживает в г. Ленинграде и является перенальным пенсионером.

Сослуживец Янелиса по совместной работе в гараже УНКВД Ленобласти бывший диспетчер гаража Степанов С.Ф. в своем объяснении от 4 октября 1964г. указал, что Янелис, знающий свое дело шофер, "но с ленцой... любил также покричать и приврать при разговоре".

Окончание своего письма Янелис изложил так:

"Старый член КПСС, мой свояк Теремов А.И., с которым я поделился после дачи моих первых сведений и который, будучи в курсе работы органов НКВД, указал мне на необходимость правильно осветить ход событий и дать исчерпывающий материал по вышеизложенному делу, написав об этом в Парткомиссию".

От Теремова в КПК при ЦК КПСС поступило два письма. В первом письме от 16 декабря 1961г. Теремов сообщил, что в 1958г. он написал от имени Янелиса заявление, которое Янелис передал секретарю Ленинградского обкома партии Козлову. Теремов просил вызвать его и Янелиса, "обязательно вместе обоих", для переговоров, т.к. в связи с написанным им в 1958г. заявлением от имени Янелиса и заключительным словом Хрущева на XXII съезд КПСС считает своим долгом сообщить несколько деталей, ставших ему дополнительно известными из разговора с Янелисом и которые Янелис "официально не высказывал до сих пор", но он считает, что о них необходимо доложить Парткомиссии".

Во втором письме от 20 сентября 1963г. Теремов указал, что в 1961г. в семейной обстановке Янелис рассказал ему, что 2 декабря он ехал на легковой машине за грузовиком, на котором везли Борисова, и видел, как находившийся в кузове той же автомашины Виноградов занес руку над Борисовым. Об этом он имел ввиду рассказать, когда в 1961г. просил вызвать его на беседу вместе с Янелисом.

Проверка личности Теремова показала следующее: Теремов Ардалион Ильич, 1889 г.рождения, член КПСС с 1918г., в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД с 1918г. по 1945г. с перерывом с 1923г. по 1929г. и с 1930г. по 1936г. Первое время находился на оперативной, а с 1936г. по день увольнения на финансовой работе. В материалах личного дела отмечается, что Теремов "зарекомендовал себя слабым оперативным работником, состояние здоровья слабое, иногда бывают припадки". По финансовой работе в 1938г. характеризовали его отрицательно, "как легкомысленно относящегося к работе, неусидчивого". Позднее Теремов характеризовался по работе положительно, но в характеристиках отмечалось, что он "злоупотреблял выпивками".

В феврале-марте 1945г. он находился на излечении в психиатрической клинике Военно-Медицинской Академии им.Кирова, а затем на санаторном лечении в связи с функциональным расстройством нервной системы.

В 1933г. Теремов был осужден народным судом Ковжинского района Вологодской области по закону от 7 августа 1932г. на 3 года ИТЛ. Верховный суд РСФСР приговор отменил и дело возвратил на исследование в Прокуратуру Ленинградской области, где оно и было прекращено за недоказанностью обвинения.

В ноябре 1945г. нарсуд Фрунзенского района гор.Ленинграда осудил Теремова по ст. 74 ч.1 УК РСФСР к одному году лишения свободы, но Ленинградский горсуд изменил ему эту меру наказания и освободил Теремова из-под стражи.

С 1945г. Теремов является пенсионером органов госбезопасности и проживает в Ленинградской области.

(Материалы проверки 1960г., том 6, л.д. II, 2I и 247, том 8, л.д. 12I-133, том 9, л.д. I-I4, том 18, л.д. 9;

Добромыслов В.В. в своем заявлении от 18 ноября 1963 года

сообщил, что в 1937г. он работал в аппарате Особо уполномоченного УНКВД по Ленинградской области. Как-то летом его вызвал Особоуполномоченный Болдырев и, указав на сидевшего у него в кабинете мужчину, спросил: знает ли он его? Он ответил, что как будто бы видел где-то. Тогда Болдырев назвал фамилию этого мужчины, если ему не изменяет память, Виноградов, и попросил его повторить то, что он только что рассказывал ему, Болдыреву.

За давностью времени и плохой памяти он не может воспроизвести все то, что рассказал тогда Виноградов, но смысл сказанного им сводился к следующему: ему и сотруднику Малию было поручено доставить в Смольный к Сталину охранника Кирова Борисова; по дороге Малий выхватил у шофера руль, направил автомашину на стену здания; получился сильный толчок, во время которого "Борисов получил повреждение головы, а он, Виноградов, каким-то предметом добил его". На вопрос Болдырева - "Почему Вы говорите об этом сейчас?". Виноградов ответил, что "его замучили угрызения совести, что он не живет и решил прийти с повинной".

Отпуская Виноградова, Болдырев предложил ему написать объяснение. Приносил ли Виноградов объяснение, не помнит, но по указанию Болдырева, как его помощник, он допрашивал Виноградова, Малия, шофера. Показания Виноградова повторяли его рассказ у Болдырева. Какие дал показания Малий не помнит. Шофер подтвердил, что по дороге к Смольному, сидевший с ним в кабине сотрудник выхватил у него руль, резко повернул автомашину и направил ее в стенку здания, в результате чего получился сильный толчок. Что еще показывал шофер, не помнит.

Припоминает, что по данному делу фигурировала фамилия

сотрудника Оперода Поповицкого, но какова была его роль не помнит.

Собранный материал был доложен им Болдыреву и принято решение арестовать Виноградова и Малия и повести следствие. Расследование дела поручили ст. оперуполномоченному Суконкину. Ему Болдырев предложил помочь Суконкину составить подробный план расследования. Такой план был составлен и утвержден Болдыревым, который взял на себя и наблюдение за ходом следствия.

Больше никакого отношения к этому делу он не имел. Позднее, из разговоров с сотрудниками узнал, что из аппарата особоуполномоченного это дело передали для дальнейшего расследования в какой-то другой отдел.

Материалов расследования о гибели Борисова 1934-35г. не видел, но истребование их из Москвы предусматривалось планом. Болдырев также вел разговоры об истребовании материалов из Москвы, но чем закончились эти переговоры ему не известно.

Когда он работал уже в Партколлегии Ленинградского обкома и был как-то на приеме у Жданова, последний, зная его в прошлом как сотрудника НКВД, поинтересовался у него этим делом. В связи с этим он наводил справки в аппарате Особоуполномоченного УНКВД и ему ответили, что дело передано в другой отдел.

Как рассказывал ему Суконкин, при расследовании им дела об убийстве Борисова, он беседовал с рядом сотрудников Оперода, но все они были очень сдержанны в разговорах и ничем ему не помогли.

По сообщению учетно-архивного отдела УКГБ по Ленинградской области, Добромыслов с 1935 по 1937г. действительно работал

оперуполномоченным и заместителем Особоуполномоченного УНКВД Ленобласти, а затем с 1937 по 1939г. являлся членом Партколлегии Комиссии партийного контроля при Ленинградском обкоме партии. После этого вновь возвратился в органы госбезопасности и служил до 1950г. на различных руководящих должностях: помощник начальника следственной части, начальник отделения СПО и оперчекистского отдела УНКВД и УМВД Ленобласти, начальник Особой инспекции, УНКВД Куйбышевской области, начальник Особой инспекции и отдела контрразведки МВД Эстонской ССР. По службе в органах НКВД и МВД характеризовался положительно. В настоящее время Добромыслов — пенсионер органов КГБ. Об участии Добромыслова в расследовании причин аварии автомашины с Борисовым в его личном деле данных не имеется.

Осужденный в 1937г. за связь с врагами народа и злоупотребление служебным положением бывший сотрудник Оперода Поповицкий С.С., будучи допрошенным 5 марта 1956 года, показал:

"Ведшие следствие по моему делу Суконкин, Добромыслов грозили расстрелом, если я не признаю своей вины, предупреждая, что я должен знать обстановку, т.к. сам работник УГБ по Ленинградской области".

Пленум Верховного Суда СССР 24 мая 1956г. приговор в отношении Поповицкого отменил и дело прекратил за отсутствием состава преступления.

Бывший Особоуполномоченный УНКВД Ленобласти Болдырев 5 марта 1939г. покончил жизнь самоубийством в тюрьме г. Кеми Карельской АССР, а Суконкин в январе 1940 года, будучи под следствием, умер в Вологодской тюрьме. В имеющихся на них архивно-следственных материалах о расследовании ими дела об аварии автомашины упоминания нет.

Как видно из материалов архивно-следственных дел на бывших сотрудников Оперода УНКВД по Ленобласти Виноградова и Малия, осужденных в 1937г. за умышленное убийство Борисова, расследование по этим делам велось не аппаратом Особуполномоченного, а IV отделом Ленинградского УНКВД. В деле нет ни одного документа за подписью работников аппарата Особуполномоченного и нет никаких данных, указывавших бы на какое-либо отношение этого аппарата к расследованию дел на Виноградова и Малия.

Бывший сотрудник IV отдела УНКВД по Ленобласти Якушев С.К., имевший прямое отношение к расследованию дел Виноградова и Малия, участвовал в допросах, очных ставках, составил постановление на арест Виноградова и обвинительные заключения по обоим делам), в своем объяснении от 30 марта 1956г. на имя бывшего секретаря Ленинградского обкома КПСС Козлова сообщил совершенно другие, чем Добромыслов, обстоятельства возникновения дел и ареста Виноградова и Малия в 1937г. По объяснению Якушева, он вначале получил от руководства отдела указание розыскать шофера Кузина. Когда он доставил Кузина в УНКВД, ему поручили допросить его. Допрос Кузина продолжался несколько часов. Во время допроса Кузин "страшно волновался", плакал, путался, спрашивал, что ему будет и наконец рассказал, что Малий вырвал у него руль и направил автомашину в стену здания садоводства и в момент столкновения автомобиля со стеной ^{он, Кузин} слышал из кузова какой-то глухой удар, а когда остановился, то увидел там лежащего человека с окровавленной головой. Бывший с ним в кабине сотрудник НКВД сказал, чтобы он молчал о том, что видел и пригрозил ему.

По этим показаниям Кузина были арестованы Малий, которого он "знал лично на протяжении 3-4 лет", и Виноградов, являвшийся

"близким другом Малия". После "непродолжительного запираательства" Виноградов "дал подробные показания об обстоятельствах подготовки и убийства оперативного комиссара Борисова". Малий виновным себя не признал и показания Кузина и Виноградова на очных ставках с ними отрицал.

Действительно, как это видно из материалов архивно-следственных дел, Кузин и Виноградов на очных ставках с Малием изобличали последнего в преднамеренном убийстве Борисова, но он отвергал эти обвинения. Однако, после очных ставок на одном из допросов Малий признался в умышленном убийстве Борисова и дал такие показания в суде. Виноградов же, наоборот, отказался в суде от данных им на следствии показаний о своем участии в убийстве Борисова и заявил суду, что "дал их ложно, желая этими показаниями сохранить себе жизнь".

Шофер Кузин в своих объяснениях в 1956 и 1960 гг., на очной ставке с Якушевым 20 апреля 1956 г. в числе сотрудников НКВД, которые его допрашивали в 1937 г., назвал Смирнова и Якушева. Других фамилий, в частности фамилии Добромыслова, Кузин не упоминал. Кузин утверждает, что сразу же после ареста и доставки в УНКВД его стали избивать и требовать показаний об участии в убийстве Борисова. Но он это обвинение отвергал.

(Материал проверки 1960 г., том 6, л.д. 4-5, 268, 273, 276-277;

Дело № ОВ-5, том I, л.д. 58, 77, 90. Арх. след. дело №260512, том I, л.д. 7, 10, 27, 31, 34, 38, 79, том 2, л.д. 2, 12, 28, 64, 67, 68. Арх. след. дело № П-59375, том I, л.д. 290, 291), материал проверки 196~~5~~ г., том , л.д.

Аниконов П.Л., бывший секретарь парткома Управления благоустройства Ленсовета, сообщил, что в первых числах декабря 1934 г., войдя в кабинет 2-го секретаря Ленинградского горкома партии Угарова, он услышал рассказ последнего присутствовавшим у него лицам о гибели Борисова. Как рассказывал Угаров, в момент убийства Кирова, его охранника Борисова в Смольном не было, он находился дома. За Борисовым была послана машина. По дороге Борисову сказали о случившемся с Кировым и он на ходу выбросился из машины. Среди находившихся в это время в кабинете Угарова лиц, как он помнит, был секретарь Центрального райкома партии г. Ленинграда Милославский.

Угаров в феврале 1939г. расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР, как участник правотроцкистской заговорщической организации. В архивно-следственном деле Угарова никаких данных об обстоятельствах смерти Борисова нет. Жена Угарова - Елькина Э.Я. в своем объяснении в КПК при ЦК КПСС от 8 июня 1964г. по вопросу о гибели Борисова ничего не написала.

Милославский А.С. в 1937г. был репрессирован, как участник правотроцкистской контрреволюционной организации. В настоящее время дело в отношении его прекращено. В своем письме на имя Председателя КПК от 17 ноября 1960г. Милославский в отношении смерти Борисова написал следующее:

"С тех пор у меня вкрались сомнения о случайности, повлекшей за собой гибель Борисова, да и вообще в искренности стремлений работников НКВД в охране жизни Сергея Мироновича и в связи с этим его трагическая гибель для меня до сего времени остается крайне загадочной".

По материалам расследования 1934 и 1937гг., объяснениям Кузина и других лиц в 1956 и 1960гг., Борисова везли на авто-

машине не с квартиры, как указал в своем объяснении Аниконов, а из здания УНКВД Ленобласти.

В беседе 18 января 1961 г. жена и дочь Борисова - Борисова В.А. и Кучер А.М. сообщили, что после того, как Борисов 1-го декабря 1934г. ушел на службу, он домой больше не приходил, но дважды в этот день звонил по телефону, причем, последний раз вечером, дрожащим голосом на вопрос дочери - придет ли он домой? - ответил: "может быть буду, а может быть приду завтра".

В своем объяснении от 9 декабря 1963г. гражданка Кушелева указала, что Аниконов рассказывал ей не только об обстоятельствах гибели Борисова, но и о том, что он, Аниконов, работал в кадрах Ленинградского обкома партии и по записке высокопоставленного лица с резолюцией Кирова, записка якобы и сейчас храниться у него, оформлял террориста Николаева на работу в обком. Однако Аниконов эту часть объяснения Кушелевой не подтвердил. (Материалы проверки 1960г., том 6, л.д. 206-207, том 14, л.д. 61.

Материалы проверки 1965г., том

Бывший сотрудник Оперода Шагалин А.П. со ссылкой на сослуживцев по Опероду-начальника отделения Гульбиса и его заместителя Шурупова указал в своем объяснении от 19 января 1962г., что авария автомашины была преднамеренно организована и Борисова убили сопровождавшие его чекисты.

Гульбис Ю.Ю. и Шурупов В.Н. действительно в 1934г. служили в Опероде УНКВД по Ленинградской области. Гульбис в 1938 году расстрелян "в особом порядке", а Шурупов в 1938г. был уволен из органов, в 1942г. был судим за антисоветскую агитацию (потом дело было прекращено за отсутствием состава преступления),

судьба не установлена..

(Материал проверки 1965г., том

Птицына-Соколова М.Ф., проживавшая ранее в г. Ленинграде, где в 1936г. была репрессирована, сообщила 28 марта 1964г. в КПК при ЦК КПСС, что жена сотрудника УНКВД по Ленинградской области Малия, с которой она находилась в одной тюремной камере, рассказывала ей, со слов своего мужа, что в момент убийства Кирова охранника в Смольном не было, он, "не дождавшись смены, уехал домой обедать". После случившегося с Кировым, его, Малия, на грузовой автомашине послали за охранником. По дороге на площади Урицкого, перед въездом под арку автомашина ударилась о тумбу и "охранник от удара об мостовую погиб". Малия сразу арестовали, но через несколько дней отпустили. В 1937 году он вновь был арестован и обвинен в преднамеренном убийстве Борисова.

Жена Малия - Моторина А.С. в своем письме от 1-го декабря 1961г. и объяснении в КПК от 20 сентября 1963 года указала, что ее муж - Малий Д.З., работая в Опероде УНКВД Ленобласти, привлекался к охране Кирова и был о нем очень высокого мнения. В связи с аварией автомашины и гибелью Борисова, которого муж сопровождал в Смольный к Сталину, его арестовывали в 1934г., но освободили, т.к. эксперты дали заключение, что причина аварии - неисправность автомашины. Как рассказывал ей Малий после освобождения его из-под стражи в 1935г., на месте аварии автомашины на водосточной трубе был обнаружен клочек материала, вырван-

ного из одежды Борисова. В 1937г. Малий каким-то образом переслал из тюрьмы своему отцу записку, в которой клялся, что "он невиновен и погибает ни за что". Во время войны эта записка оказалась утраченной. В 1937г. она также была репрессирована, как жена врага народа и 8 лет содержалась в местах заключения. По объяснению Птицыной Моторина не опрашивалась.

Родной брат Малия - Малий В.З. во время беседы с ним и в объяснении от 18 декабря 64г. подтвердил, что в 1937г. мать показывала ему записку от брата Дмитрия, находившегося в то время в заключении. Как он помнит, Дмитрий писал о своей невинности и высказывал уверенность, что его дело будет разбирать сам Сталин. Эта записка, как ему известно, во время войны сгорела во время пожара в доме.

(Материал проверки 1965г., том л.д.

Ряд бывших сотрудников УНКВД по Ленинградской области в своих объяснениях в 1963г. сообщили содержание различных разговоров, которые в то время они слышали среди сотрудников УНКВД Ленобласти. в связи с аварией автомашины и смертью Борисова.

Так, Крускоп сообщил, что слышал от сотрудников своего транспортного отдела, что автомашина с Борисовым "врезалась в стену тюрьмы".

Кенигсберг (врач тюремной больницы) - среди надзирателей были "келейные" разговоры о том, что Борисова поместили в автомашину мертвым.

Фришман (врио секретаря начальника Ленинградского УНКВД

Медведя) - автомашина была неисправна, потерпела аварию, во время которой Борисов, сидя на борту, ударился головой о стену и погиб.

Блохин - высказал свое мнение, что Борисова и сопровождавших его сотрудников оперода убрали как важных свидетелей.

Некоторые жены бывших сотрудников оперода УНКВД Ленобласти в своих объяснениях также коснулись вопроса о гибели Борисова.

Губина, например, указала, что авария автомашины произошла в результате неисправности рулевого управления и Борисов погиб из-за аварии.

Котомина - легковых автомашин не было, повезли Борисова на грузовой, в пути произошла авария, во время которой Борисов погиб.

Фрей (первая жена Михальченко) - гибель Борисова - результат спешки при отправке его в Смольный, легковых автомашин под рукой не оказалось - повезли на грузовой.

В октябре 1964г. состоялась беседа с Степановым С.Ф., который в 1934г. работал диспетчером гаража УНКВД Ленобласти. В беседе и написанном объяснении Степанов сообщил следующее:

"Припоминаю, что Кузин приехал в гараж 2 декабря 1934 г. утром, зашел ко мне и говорит мне: "Тов.Степанов, я приехал в гараж, но мне еще срочно нужно ехать, а у меня сломана рес-сора, замените мне путевку и я поеду, так как я в гараж приехал с людьми, перевезти что-то или кого-то". Я ему ответил, что ты разве не знаешь, что нельзя выезжать, когда не в порядке автомашина и в такое время ты просишь заменить путевку, я не дам тебе путевки. Он мне ответил, что я им так и скажу, что ты не даешь путевки мне. Да так и скажи - я ему ответил - и он ушел и больше ко мне не заходил..."

"Об аварии автомашины с шофером Кузиным я ничего не могу сказать. Слышал, что автомашину занесло якобы, но так ли это я не знаю, а в кузове они везли по улице Воинова т.Борисова в Смольный и при занесении автомашины т.Борисов упал, ударился о панель и убился - вот что я слышал от шоферов потом, фамилии их не помню".

Шофер Эвальд - среди шоферов были различные разговоры об обстоятельствах гибели Борисова: -- Борисова ударили по голове, автомашина попала колесами в канализационный люк и у шофера выбило из рук руль, автомашина ударилась в стенку, людей выбросило из кузова на панель и Борисов погиб.

(Материал проверки 1967 г., том л.д.

Гатин
Эвальд

ПЛАН	
Ф	
ПО	
Д	
ПР	
ОС	